

Греческие женщины

Митчелл Кэрролл

Greek Women

Mitchell Carroll

The Project Gutenberg eBook of Greek Women

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или использовать повторно на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законодательством страны, в которой вы находитесь.

Название: Греческие женщины

Автор: Митчелл Кэрролл

Дата выхода: 10 мая 2010 [eBook #32318]

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Тьерри Альберто, Ренальдом Левеском и он-лайн Distributed Proofreaders Europe на <http://dp.rastko.net>.

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK GREEK WOMEN ***

ЖЕНЩИНА

ТОМ I

ГРЕЧЕСКИЕ ЖЕНЩИНЫ

МИТЧЕЛЛ КАРРОЛЛ, доктор философии.

Профессор классической филологии в Университете Джорджа Вашингтонского университета

АСПАСИЯ

По картине Генри Холидея.

Аспазия родилась в Милете. В раннем возрасте в сопровождении другой девушки, Фаргелии, она отправилась в Афины. Их красота и таланты вскоре принесли им известность: Фаргелия вышла замуж за фессалийского царя, а Аспазия - за Перикла, "более чем царя", говорит Плутарх. В доме Аспазии в Афинах часто бывали представители элиты города и государства, привлеченные ее красотой, ораторским искусством и влиянием. Сократ ценил ее великий ум и даже называл себя одним из ее учеников. Платон говорит о ее великой славе. Она родилась в пятом веке до нашей эры. Дата ее смерти неизвестна.

ЖЕНЩИНА

Во все века и во всех странах

ТОМ I

ГРЕЧЕСКИЕ ЖЕНЩИНЫ

МИТЧЕЛЛ КАРРОЛЛ, доктор философии.

Профессор классической филологии в Университете Джорджа Вашингтона

Иллюстрировано

ФИЛАДЕЛЬФИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ДЖОРДЖ БАРРИ И СЫНОВЬЯ

ОБЩЕЕ ВВЕДЕНИЕ

История женщины - это история мира. Ортодоксы могут напомнить нам, что мужчина предшествовал женщине в схеме творения и что поэтому история не начинается с женщины; но это нелепый довод. Первая историческая информация, которую мы получаем об Адаме, связана с сотворением женщины, и ничто не указывает на то, что до этого времени Адам был более активен умом или даже телом, чем моллюск. Только с появлением женщины началась история; и если первый зафиксированный поступок женщины был катастрофическим по своим последствиям, то, по крайней мере, он обладает отличием создания истории. Поэтому можно с уверенностью сказать, что всем, что мы есть, мы обязаны женщине. Независимо от того, следует ли безоговорочно принять историю об Эдемском саде, не может быть никаких сомнений в том, что с момента первого появления человечества на сцене женщина была правящей причиной всех последствий.

В истории женщины есть крайности. Существует средняя женщина, но ее не удалось найти, разве что в теории. Типичная женщина, как она предстает на страницах истории, либо очень хороша, либо очень плоха. Мы находим женщин-святых и женщин-демонов, но редко встречаем нечто среднее. В этом заключается кардинальное различие между полами. Исторический человек редко бывает полностью добрым или злым; у него есть четкая середина, в которой мы чаще всего находим его в его истинном облике. Есть исключения, и их много, но это можно принять за правило. Даже в случаях с самыми лучшими и благородными людьми, о которых мы имеем сведения, это правило действует. Святой Петр был смелым и осторожным, храбрым и трусливым, любящим и предателем; святой Павел - хвастливым и кротким, нежным и суровым; святой Иоанн познал силу любви больше всех остальных и пожелал низвести огонь с небес на деревню, которая отказалась слушать Евангелие; и вполне вероятно, что истинные Петр, Павел и Иоанн жили между этими крайностями. Но не так с женщинами из той же истории. Они во всем соответствовали себе; они были абсолютно чисты и святы, как Мария Магдалина, - чей характер был сильно искажен в прошлом небрежными комментариями, - или абсолютно мерзки, как Иродиада. Экстремизм - главная женская черта. Какой бы экстремисткой она ни была, женщина всегда последовательна в своих крайностях; отсюда ее сила в добре и зле.

Это ошибочное представление, согласно которому "эмансипация" женщины относится к позднему периоду мировой истории. С незапамятных времен женщина активно участвовала в управлении судьбами человечества. Правда, приход христианства, несомненно, расширил сферу деятельности женщины, и тогда она заняла свое истинное место спутницы и помощницы, а не игрушки мужчины; но задолго до этого периода женщина заявила о своем праве быть услышанной в советах мудрых, и, похоже, это право было уступлено в тех случаях, когда требование было высказано. Те, кто рассматривает настоящее время как период эмансипации в истории женщины, наверняка забыли Дебору, чьи победные песнопения пелись при стечении народа и считались достойными сохранения для прочтения всеми будущими веками; Семирамиду, которая повела свои армии в бой, когда великий царь Нинус выпустил скипетр из своей усталой руки, и которая управляла своим народом с мудростью и справедливостью; и других, чья слава, пусть и легендарная в своих деталях, дошла до нас. Во все века у женщины была возможность, когда она решала ею воспользоваться; и во многих случаях она ею воспользовалась. Редко можно встретить историю какой-либо эпохи, в которой не было бы женщин. И хотя порой их роль может казаться незначительной, наблюдательный глаз видит в них первопричину многих великих событий, которыми отмечены эпохи. Когда мы думаем о Троянской войне, перед нашим мысленным взором встают Агамемнон и Приам, Ахилл и Гектор, как главные герои этой великой борьбы; но если бы не было Елены, не было бы и войны, а значит, не было бы и "Илиады" или "Одиссеи". Мы читаем захватывающую балладу Маколея *"Гораций на мосту"*, и нас захватывает дух от рассказа о силе и смелости; но если бы не добродетель Лукреции, не было бы битвы за мост, и Тарквины могли бы закончить свои дни в мире в Вечном городе. И в более поздние времена, хотя Мирабо и Робеспьер, Дантон и Марат привлекают внимание изучающих катаклизмы Французской революции, именно глупость Марии-Антуанетты дала этим людям возможность и даже подготовила почву для взлета и стремительной карьеры более великого, чем они все.

Это примеры опосредованного влияния на великие события; но было много женщин, которые оказали непосредственное влияние на историю человечества. То, что обычно называют слабостью, обычно считается женским качеством; и если мы заменим этот термин более верным словом - мягкость, - с этим утверждением можно согласиться. Но было много женщин, которые были сильными в общем смысле этого слова; и обычно они были ужасно сильными. Посмотрите на Екатерину Российскую, порочную до глубины души, но сильную умом и волей, превосходящей стандарты правителей-мужчин. Посмотрите на Елизавету Английскую, хитрую и лживую, полную нелепого тщеславия, но сильную настолько, что даже такие люди, как Берли, Эссекс и Лестер, были вынуждены склониться перед ней. Посмотрите на Маргариту Ланкастерскую, сражавшуюся вместо мужа за английскую корону и своим непоколебимым духом вырывающую победу снова и снова из челюстей поражения и сдающуюся, наконец, только когда ее покидают все приверженцы. Взгляните на Клитембру и леди Макбет - создания фантазии поэта, если хотите, но истинные типы класса женственности. У них были прототипы и антитипы, и немало.

В истории человечества женщины добивались самых решительных и выдающихся результатов, доходя до крайностей и цепляясь за них. Экстремизм - это всегда признак энтузиазма, а энтузиазм позволяет добиться таких результатов, которые, должно быть, навсегда остались недостижимыми для простых выверенных и добросовестных усилий. Истории христианских мучеников золотыми буквами показывают преданность женщин своему делу; и я не сомневаюсь, что именно в смертях юных дев, в их ужасных страданиях, переносимых с покорностью и даже радостью, зародилось убеждение в истине, которое известно как семя, посеянное в крови мучеников. Энтузиазм, который поддерживал

Екатерину и Сесилию в часы их испытаний, был силен, чтобы убедить там, где смерть человека за свои убеждения рассматривалась бы как нечто само собой разумеющееся. Именно из этого энтузиазма и экстремизма проистекает одна из ключевых нот женской натуры - ее верность. Преданность - одна из смешивающихся черт полов; но если бы я был вынужден отнести ее к какому-то одному полу, я бы отнес ее к женской природе.

Преданность одной идее, одному идеалу была преобладающей чертой женщины с незапамятных времен. Иногда эта преданность принимает форму патриотизма, иногда альтруизма, иногда благочестия в истинном смысле этого слова; но всегда она берет свое начало и живет в любви. Любовь может быть рассеянной или сосредоточенной, общей или особенной, но она всегда составляет душу истинной женщины, и без нее она не может жить. Любовь к своему Богу, любовь к своей расе, любовь к своей стране, любовь к мужчине, которого она с удовольствием чтит, - все это может существовать отдельно или как единое целое, но для нее они должны существовать, иначе ее жизнь бесплодна, а душа - мертва. Любовь, в истинном смысле этого слова, - суть женской души; это сама душа. Она должна любить, иначе она мертва, как бы ей ни казалось, что она живет. То, что она не всегда спрашивает, достоин ли объект ее любви, будь то абстрактный или конкретный, ее преданности, не следует относить к ее недостаткам, а скорее к достоинствам, поскольку сама любовь расширяет и оживляет ее душу, если она достойна. Она одновременно является выражением и расходом неизведанных глубин ее души; именно благодаря ее власти над ней она узнает свою собственную природу, познает себя такой, какая она есть. Женщина, которая не любила, даже в обычном человеческом и ограниченном значении этого слова, не имеет представления о своей собственной душе.

До сих пор я говорил о любви в широком смысле, как о высшем порыве человеческой души. Но есть и другой, более низкий аспект любви, и именно его чаще всего имеют в виду, употребляя это слово, - половое влечение. И хотя в этом аспекте любовь становится гораздо меньшей, она обладает не меньшей силой. Страсть мужчины к женщине лежала в основе всей истории в ее феноменальных аспектах. Любимым примером этой силы всегда была история Клеопатры и Марка Антония, но история полна не менее убедительных примеров.

Любить и быть любимой - вот высший удел женщины. Неважно, какие варианты существования может предложить судьба; для женщины это высший смысл жизни, и именно здесь она находит свою истинную ценность в мире. Она может понимать этот смысл по-разному; она может сделать из своего места в жизни проклятие или благословение для человечества. Это не имеет значения; все возвращается к одной и той же причине, к одному и тому же источнику силы. Самая сильная женщина слаба, если ее не любят, ибо у нее нет главного оружия, с помощью которого можно побеждать; самая слабая сильна, если она действительно завоевала любовь, ибо благодаря ей она может творить чудеса. Ее сила более чем удвоена; сердце, мозг и рука действуют в равной степени, ибо то, чем сердце вдохновляет мозг, будет передано сердцем руке, и послание будет слишком настоящим, чтобы бояться неудачи.

Странно, хотя и не объяснимо, что ваша амбициозная женщина гораздо более безжалостна, гораздо более беспринципна, гораздо более решительно настроена на победу любой ценой, чем самый амбициозный из мужчин. Снова вступает в силу закон крайностей, чтобы показать причину, по которой это должно быть так; но факт настолько очевиден, что причина представляет меньший интерес. Ни Макиавелли не был так лжив, ни Калигула не был так жесток, ни Сезар не был так беспечен к праву, как женщина, чьи политические амбиции обрели форму и силу. Все, что преграждает ей путь, должно быть сметено, будь то человек, понятие или принцип. Она видит только один объект, свою цель, вырисовывающуюся перед

ней; и она идет вперед с неподвижным взглядом, сокрушая под ногами все, что могло бы повернуть ее шаги.

Я уже говорил о жестокости амбициозных женщин, и стоит сделать небольшую паузу, чтобы рассмотреть эту черту, проявляющуюся в женщинах - не как средство, а как цель. Были мужчины, которые любили жестокость ради нее самой; но их мало, а их методы грубы, по сравнению с женщинами, которые испытывали эту странную страсть. Во времена человеческих жертвоприношений именно женщины больше всего собирались на зрелищах и жадно смотрели на истекающие кровью жертвы. Во время гладиаторских боев именно женщины встречали каждый смертельный удар аплодисментами, а оттопыренные большие пальцы рук получали большинство голосов за сигнал о смерти побежденного. В дни террора во Франции именно женщины возглавляли толпу, которая угрожала королю и королеве и повесила Фулара на фонарном столбе после того, как почти разорвала его на куски; именно женщины день за днем сидели рядами вокруг гильотины и безмятежно вели свои страшные записи смерти; именно женщины взывали к новым жертвам даже после того, как законные убийцы трибуналов устали от своей ужасной задачи осуждения.

Не только под влиянием возбуждения и страсти, но и хладнокровно, среди женщин встречаются случаи такой чудовищной жестокости, что мужчины отшатываются от созерцания подобных деяний. Сохранились сведения о славянской графине, любимым развлечением которой было сидеть в саду своего загородного дворца в суровую русскую зиму, пока ее служанки раздевали молодых девушек и медленно лили воду на их тела, тем самым даруя им мучительную смерть и обеспечивая графине новые, хотя и неживые, статуи для ее участка. Это было не более двух веков назад, и в атмосфере так называемого христианства. В анналах испанской инквизиции можно было бы тщетно искать подобную изобретательность пыток; и хотя инквизиторы, возможно, и любили жестокость ради нее самой, они, по крайней мере, находили основания для своих поступков; русская же графиня откровенно искала одного лишь развлечения.

И все же в этих вещах нет общего обвинения в адрес женщин. То, что жестокость доведена ими до крайности, что они любят ее ради нее самой, - это лишь развитие экстремизма, и в примерах, по крайней мере, периодами, оно единично. Русская графиня была жестока не потому, что она женщина, но, будучи жестокой от природы, она была тем более жестокой из-за своего пола. Дамы императорского Рима любили вид текущей крови не потому, что были женщинами, но, будучи женщинами, они доводили свой приобретенный вкус до пределов, неведомых менее импульсивной и менее пылкой мужской натуре.

И все же возникает вопрос. Неужели эта жажда крови, эта любовь к жестокости скрыта в каждой женщине, но сдерживается более мягкими наставлениями и побуждениями ее более развитой природы в ее высшем проявлении? Некоторые психологи хотели бы заставить нас поверить в это, но у них есть лишь незначительные основания для своего огульного утверждения. С тем, что цивилизация - это всего лишь сдерживаемая дикость, можно, пожалуй, согласиться; но если сдерживание превратилось в постоянно доминирующий импульс, значит, дикарь был убит. Дело не в том, что, как утверждают некоторые, такие отдельные идиосинкразии, как мы рассмотрели, являются проблесками тигра, который спит в каждом человеческом сердце и иногда срывается с цепи и буйствует. Как правило, это вопросы атмосферы. Если не принимать во внимание такие чистые исключения, как случай с русской графиней, то почти всегда оказывается, что проявление женской жестокости или любого порока имеет свое время и место. Ни в одну эпоху не существовало универсального правила женской развращенности. Вавилон, Карфаген, Греция, Рим и все древние цивилизации переживали периоды, когда женская добродетель вызывала смех, когда

женщины превосходили мужчин в моральной деградации, когда зло казалось торжествующим повсюду; но всегда оставались немногие, кто "искупал время", и спасение всегда приходило от этих немногих. Более того, сфера безнравственности и преступности всегда была ограничена. Римский мир, когда он действительно был миром, мог быть отдан пороку и греху, которые в самых ужасных формах демонстрировали женщины империи; но все еще стоял Север, спокойный, добродетельный, терпеливый, ожидая своей возможности "искоренить зло" и вновь дать миру стандарт чистоты и праведности. Христианская закваска эффективно действовала на моральную деградацию Римской империи, но только после того, как на помощь принципу был послан бич северян, успех был полностью завоеван. Таким образом, Север был не одного дня с Римом в цивилизованных пороках, и господство зла в Латинской империи было лишь следствием условий, а не инстинктов человечества. Рим был научен злу путем долгой и упорной эволюции; он не возник в один день со своим смертоносным бедствием, а стал результатом прогрессивной причинно-следственной связи.

Можно усомниться в том, что женский интеллект вырос со времен рассвета цивилизации. Сегодня женщина стоит на другой ступени признания, но не из-за возросших умственных способностей, а благодаря напористости. Как и в случае с мужчиной, возможности женского интеллекта долгое время были скрыты; но они существовали, и результатом стало развитие, а не создание волокон. Повторяю, я не верю, что женский интеллект вырос в силе. Я сомневаюсь, что нынешний век может похвастаться умом, превосходящим по природной силе ум Сафо; я не верю, что нынешняя императрица Китая, такая сильная женщина, как она, превосходит Семирамиду, или что даже Елизавета Английская была равна вавилонской королеве-воительнице. Но не может быть никаких сомнений в том, что в наши дни существует более широкая культура, чем когда-либо прежде, и что таким образом интеллектуальная сумма женщин постоянно растет, хотя при этом не происходит увеличения умственных способностей отдельных людей. Так было и с человеком. Мы хвастаемся могучими достижениями нашего века, но мы еще не построили такого сооружения, как Храм Солнца в Баальбеке или Пирамида Хеопса в Гизе. Мы гордимся своими письменами; но самая великая поэма, когда-либо написанная человеком, была также первой, о которой мы имеем записи, - Книга Иова, и мы даже не знаем имени поэта, который таким образом установил стандарт, который с тех пор никогда не был достигнут. Мы можем утверждать, что Шекспир равен Гомеру по выразительности; но чтобы поставить елизаветинского певца в один ряд с древним греком в каком-либо другом отношении, требуется настоящее поклонение герою среди его поклонников. Со времен, о которых мы впервые находим записи, не было роста индивидуального интеллекта у обоих полов; но было увеличение среднего уровня и определение тенденции, которые приводят к более высокому общему результату. Естественным следствием такого положения вещей является тот факт, что даже Сафо в мире литературы не выделялась бы так ярко, не считалась бы таким вундеркиндом, если бы она появилась в наши дни. Мы должны восхищаться ее гением и способностями, не испытывая чувства удивления от того, что ими может обладать женщина. Именно осознание этого факта позволяет нам лучше понять изменения в отношениях женщин и мужчин в последние годы. Не изменились возможности, доступные отдельному человеку, но произошли большие перемены в тех, на которые может претендовать пол в целом. Сейчас женщины могут сделать не больше, чем в старые времена, когда их считали почти низшими животными; но женщина воспользовалась возможностями своего времени и с каждым днем развивает способности, о которых до сих пор не подозревала.

Вся ценность истории заключается в том, что она учит нас понимать свое собственное время и с определенной степенью точности предсказывать будущее. Особенно это касается истории всех классов, а история развития пола может быть оценена именно так. Именно для

того, чтобы найти причину того, что есть, и природу того, что будет, мы обращаемся к записям прошлого и спрашиваем их о том, что они нам сообщают об этих вещах. В нашем ретроспективном взгляде на женщину мы, если будем внимательны к предположениям, обнаружим устойчивые тенденции развития. Правда, эти тенденции не всегда остаются на свету; подобно рекам, они иногда погружаются под землю и на какое-то время уходят в подземные русла, где теряются виду; но они всегда вновь всплывают и, наконец, находят свой путь к центральному морю настоящего. Будущие эпохи, несомненно, будут отмечать ход этих тенденций не только до нашего века, но и через него, ибо, хотя я и говорил о центральном море, это уподобление вряд ли корректно, поскольку истинный океан, который является целью этих рек, пока не виден человечеству. Но мы, по крайней мере, находим обещание этого океана в неуклонном и целеустремленном течении потоков, которые текут к нему; у прогресса всегда есть цель, хотя она может быть долго не замечена пособниками этого прогресса. Так и с историей женщины. Мы знаем, какой она была, видим, какая она сейчас, и можем смутно предсказать, какой она будет. И все же я осмелюсь утверждать, что радикальных изменений не произойдет; возможно, появятся новые направления для усилий, новые линии развития, но сущностная природа останется неизменной. Однако в такой работе, как эта, мы должны руководствоваться не этим духом информирования. В отношении женщины существовало множество заблуждений; я не рискну утверждать, что сейчас их нет. Тем не менее существует общее согласие относительно ее доминирующих и эффективных характеристик, и есть вероятность, что в этих общих законах, изложенных таким образом, общее мнение соответствует истине.

Конечно, я не осмелюсь сделать столь абсурдное утверждение, что существует или когда-либо существовал человек, который мог бы правдиво сказать, что знает женщину абстрактно; но это не обязательно означает, что знание тенденций и характеристик этого пола невозможно. Причина дремучего невежества, царящего среди мужчин в отношении женщин, заключается в том, что они пытаются применить общие законы к конкретным случаям, а это губительно. Если мы хотим почерпнуть мудрость, а не просто знания из наших исторических исследований, совершенно необходимо принимать во внимание результат сочетания признаков. В противном случае мы не только не найдем ничего, кроме несоответствий, как следствие нашего исследования, но и совершенно не поймем тенденций того, что мы изучаем. Мы должны быть широки в своих суждениях, если хотим судить по-настоящему. Когда мы читаем о спартанских женщинах, посылавших своих сыновей умирать за свою страну, мы не должны думать, что они были лишены глубины материнской привязанности, которая является одной из самых прекрасных черт женской природы. Несомненно, они страдали так же остро, как и современные матери при смерти сына; но они были обучены подчинять свои чувства этому, и их обучение помогло им стать стойками. И даже когда мы читаем о распутстве женщин императорского Рима, мы не должны смотреть на этих женщин как на порочных и деградировавших от природы, но должны понимать, что они просто подчинялись духу своего окружения и воспитания. В душе они ничем не отличались от целомудренных Лукреций или святых Катерин другого дня, эти безрассудные Менады и поклонницы Венеры; им просто не хватало правильного направления импульса, и поэтому они не достигли кульминации своих высочайших возможностей.

Есть старая поговорка, которая гласит, что женщины - это то, что делают из них мужчины. В общем и целом эту поговорку можно назвать клеветой, но она имеет свое применение в истории. Нет никаких сомнений в том, что на протяжении тысячелетий юности женщины находились под контролем, а их поведение и место в обществе определялись мышлением своего времени, которое имело мужское происхождение и формирование. Такое положение

вещей уже давно ушло в прошлое, и можно сказать, что по крайней мере тысячу лет, в соответствии с процитированным мной высказыванием, времена были такими, какими их сделали женщины. Именно под влиянием женщин на заре христианства возникли отголоски цивилизации, которые сохранились до наших дней. Именно влияние, если не сама деятельность, женщин привело к зарождению рыцарства и подъему духа чистоты. Именно влияние женщин сделало возможными такие характеры, как у Баярда и сэра Филипа Сиднея. Именно влияние женщин смягчило грубость и разнузданность прошлого дня, превратив их в утонченность и добродетель, которые являются достоянием нынешнего века.

В самые худшие времена всегда присутствовало доброе начало, и его источник и силу можно найти в вечном женском духе, который в своих истинных проявлениях всегда способствует праведности.

Мировые статуи, за редким исключением, воздвигнуты мужчинам, мировые элегии поются мужчинам, мировые аплодисменты воздаются мужчинам. Это и есть мировое правосудие, слепое и с забинтованными глазами. Если бы истинная справедливость восторжествовала - если бы лучшие результаты, результаты, которые живут, были увековечены в камне, то сам мир, если воспользоваться гиперболой евангелиста, едва ли смог бы вместить статуи, которые были бы воздвигнуты женщинам. Но именно в причине такого пренебрежения кроется ценность работы, проделанной женщиной для благополучия человечества. Одна из исторических истин гласит, что самые великие и долговечные результаты всегда достигаются наименее заметным способом.

Мужчина, который ищет следствие в причине, чаще всего находит свою цель во влиянии женщины. Не всегда во благо, этого не может быть. Но кажется, что все, что было пережито, было во благо, а зло, причиненное женщиной - а оно было немалым - было во всех отношениях эфемерным. Я не знаю ни одного постоянного зла, источником которого можно было бы назвать женщину; но я не знаю ни одного постоянного добра, которое не нашло бы своего начала или развития в женской мысли или работе. Поппея оставила после себя лишь имя; Агриппина - пример. Может быть, в отношении мужчин и верно, что зло, которое они совершают, живет после них, а добро часто погребается вместе с их костями; но в отношении женщин это не так. Конечно, есть смысл, в котором это верно, - в передаче от матери к сыну духа несправедливой матери; но даже это не похоже на правило, и последствия часто изменяются под влиянием любви к высшей природе. В целом влияние женщины на судьбы мира благоприятно, баланс неуклонно склоняется к лучшему. Женщина - надежда мира.

Именно для того, чтобы найти устойчивость этого влияния, мы и изучаем ее историю. Иногда мы обнаруживаем странные факторы в уравнении, дающем сумму, странные методы достижения результата; но сам результат всегда очевиден. Не бывает и полного отсутствия современного влияния добра, даже когда зло кажется преобладающим. Если мы читаем об аргивянке Елене, принесшей войну и опустошение нации, то на тех же страницах находим записи о Пенелопе, научившей мир красоте веры и постоянства. Если мы проследим историю Клеопатры, губившей мужчин с улыбкой, то в один и тот же день найдем Октавию и Порцию. Если мы услышим о Капитолии, которую предала Тарпея, нам не придется далеко искать Корнелию, известную во все времена как мать Гракхов. И именно те, кто творил добро, дошли до нас в качестве стимулов и примеров. Чем внимательнее мы читаем нашу историю, тем больше убеждаемся в том, что тенденция всегда была восходящей; прогресс был неуклонным с самого начала, и он увлек за собой весь мир.

Как я начал с утверждения, что история женщины - это история мира, так я и закончу. По крайней мере, эта истина несомненна. Земля очень стара; она видела приход и уход многих рас, она была свидетелем взлета и падения бесчисленных династий, она пережила бесчисленные физические и социальные катаклизмы; и она все еще продолжает свой путь, безмятежно ожидая своего конца в замысле своего Создателя. Каким будет этот конец, не может знать ни один мужчина; но это тот конец, к которому его приведет женщина. G.C.L.

Университет Джона Хопкинса.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Цель этого тома - дать простой очерк истории греческой женщины от героического века до римских времен, насколько это можно почерпнуть из древнегреческой литературы и других доступных источников для ознакомления с античной жизнью. Греческая цивилизация была по сути своей мужской; и действительно примечательно, насколько скудны упоминания о женской жизни у греческих писателей и как мало книг на эту тему написано современными учеными. При подготовке этой работы автор обратился ко всем авторитетным источникам, касающимся древнегреческой жизни, признание которых может быть сделано только в общих чертах. Однако он чувствует себя особенно обязанным следующим работам: Mlle. Clarisse Bader, *La Femme Grecque*, Paris, 1872; Jos. Cal. Poestion, *Griechische Philosophinnen*, Norden, 1885; *ibid*, *Griechische Dichterinnen*, Leipzig, 1876; E. Notor, *La Femme dans l'Antiquité Grecque*, Paris, 1901; R. Lallier, *De la Condition de la Femme Athénienne au Vème et au IVème Siècle*, Paris, 1875; Ivo Bruns, *Frauenemancipation in Athen*, Kiel, 1900; Walter Copeland Perry, *The Women of Homer*, New York, 1898; Albert Galloway Keller, *Homeric Society*, London, 1902; и различные работы Mahaffy, особенно *Social Life in Greece from Homer to Menander*, и *Greek Life and Thought*. При цитировании греческих авторов использовались стандартные переводы, которые не всегда могут быть особо отмечены, но "Илиада" Лэнга, Листа и Майерса, "Одиссея" Бутчера и Лэнга, "Сафо" Уортона и "Еврипид" Уэя требуют особого упоминания.

В написании греческих имен собственных автор старался приспособиться к удобству своих читателей, оставаясь неизменно римским, и в большинстве случаев использовал латинские формы. Однако он сохранил греческие формы там, где их использование сделало их актуальными, например, Посейдон, Лесбос, Самос и т. д., и неизменно принимал формы, ни греческие, ни латинские, которые стали универсальными, например, Афины, Константинополь, Родос и т. д. Греческие имена греческих божеств были предпочтительнее их римских эквивалентов.

В заключение хочу поблагодарить издателей за их неизменную любезность и помощь, а также мистера Дж. А. Бургана за внимательное прочтение гранки; я не смог бы взяться за эту работу и довести ее до конца без сочувственной помощи и поддержки моей жены.
МИТЧЕЛЛ КЭРРОЛЛ.

Университет Джорджа Вашингтона.

ГРЕЧЕСКИЕ ЖЕНЩИНЫ

Всякий раз, когда культура, искусство или красота становятся темой для размышлений, воображение сразу же возвращается к древним грекам, которых мы рассматриваем как конечный источник всех эстетических влияний, которые нас окружают. К ним мы обращаемся за обучением философии, поэзии, ораторскому искусству, многим проблемам науки. Но именно в искусстве греки оставили нам свое самое богатое и благотворное наследие; и когда мы задумываемся о том, какой огромный вклад они внесли в развитие мировой цивилизации, мы удивляемся, какими мужчинами и женщинами они должны были быть, чтобы достичь таких успехов.

Хотя влияние женщины осуществляется тихо и незаметно, оно не менее сильно в определении характера и судьбы народа. Историки не обращают на него внимания, мужчины не замечают и недооценивают его, и все же оно постоянно присутствует; и в такой цивилизации, как греческая, где женское начало проявляется во всех высших сферах деятельности - в литературе, искусстве, религии, - становится интересной проблемой выяснить характер и положение женщины среди греческих народов. Мы не хотим знать только внешние особенности женской жизни у греков, такие как их одежда, украшения, домашняя обстановка; мы хотели бы, прежде всего, исследовать субъективную сторону их жизни - как они относились к себе и к мужчинам; как они рассуждали, чувствовали и любили; как они переживали радости и горести жизни; какое участие они принимали в общественной жизни того времени; как их поведение влияло на поступки людей и определяло ход истории; каковы были их моральные и духовные качества; - словом, мы хотели бы узнать греческую женщину во всех тех фазах жизни, которые делают современную женщину интересной и влиятельной и сохраняющей силу в человеческом обществе. Однако, оценив наши источники информации, мы обнаруживаем, что во всем многообразии греческой жизни нет такой сложной для решения проблемы, как проблема статуса и характера греческих женщин.

Первым условием успешного изучения греческих женщин является ознакомление с *той средой*, в которой они жили и двигались. Для этого мы должны приспособиться к образу жизни, представлениям и чувствам, сильно отличающимся от наших собственных. Греческий дух пятого века до христианской эры имеет мало общего с духом двадцатого века; и пока мы не проникнемся духом греков, мы не сможем понять фундаментальные различия между жизнью греческой женщины и жизнью современной женщины. Давайте отметим несколько аспектов, в которых проявляется это различие.

Греки относились к природе как благоговейные дети, которые повсюду видели проявления божественного. Для них все было тем, что мы называем сверхъестественным. Если вино радовало сердце человека, то это было влияние бога. Если любовь будоражила грудь, то бог внушал человеку сладостное воздействие, и божественной силе нельзя было противиться. Сами боги поддавались порывам любви, почему же люди не должны поддаваться? Кроме

того, греческая мысль представляла человека как самое благородное творение природы. Христианская теология рассматривает тело как темницу души, из которой душа должна выбраться, чтобы достичь своего наивысшего развития; греки же считали тело и душу единым, неразрывным и гармоничным целым. В них не было импульса к разграничению, не было беспокойного стремления к чему-то более высокому и благородному; видя бесконечные возможности в человеке как человеке, грек стремился лишь к идеализации человека как такового, к завершению и реализации высшего типа человечности, физической и духовной. В силу такого своеобразного представления о человеке боги греков возникали из природы и не выходили за ее пределы. Некоторые из них были олицетворением сил природы, другие - просто, согласно греческим представлениям, высшими представлениями о том, что достойно восхищения в мужчине и женщине. Рассматривая богинь Олимпийского пантеона, мы видим, что это представление об идеале женщины должно было быть очень высоким, проявляясь в образах Геры, богини брака и рождения детей; Афины, "интеллекта, не движимого плотской похотью, совершенства безмятежной, незамутненной мудрости"; Деметры, богиня земледелия и домашнего очага; Афродита, богиня любви и красоты, идеализация женских граций и очарования; Артемида, дева-божество, никогда не покоряющаяся любви, и покровительница дев; Гестия, богиня очага и хранительница святости домашнего очага.

Нам трудно оценить ту страстную любовь к красоте, которая одушевляла греков.

"Что хорошо и справедливо

Всегда будет нашей заботой.

То не будет нашей заботой

Что не является ни хорошим, ни справедливым".

Эта бессмертная ноша из строф Феогниса, исполненная Музами и Грациями на свадьбе Кадма и Гармонии, "бьет, - говорит Саймондс, - ключом к музыке греческого гения". Эта врожденная любовь к красоте, воспитанная окружающей природой и сдерживаемая чувством меры, была самой яркой характеристикой греческого народа. Нам невозможно осознать интенсивность чувства красоты греков, а человеческое тело было для них самой благородной формой земной красоты. В качестве иллюстрации можно вспомнить случай, когда Фриния предстала перед судьями. Гиперид, ее защитник, не сумев привести другие аргументы, откинул ее тунику и открыл перед ними лоно, совершенно дивное по своей красоте. Фрину сразу же оправдали, но не из каких-то низменных побуждений, а потому что "судьи увидели в столь изысканном виде не обычную смертную, а жрицу и пророчицу божественной Афродиты. Их охватил благоговейный трепет, и они сочли бы святотатством осквернить или уничтожить столь совершенный шедевр творческой силы". Греческое представление о красоте также не было чисто чувственным. В совершенстве человеческой красоты они видели проблески божественной красоты, и "плотское средство было лишь средством, чтобы привести душу к тому, что вечно и нетленно прекрасно". Таким образом, урок "*Федра*" и "*Симпозиума*" Платона заключается в том, что "страсть, барахтающаяся в грязи чувственной мерзости, может быть преобразована в славный энтузиазм, крылатое великолепие, способное вознестись к созерцанию вечных истин и воссоединить душу человека с Богом".

Это последнее размышление подводит нас к самому важному различию между древними и современными представлениями, которое касается отношений между полами. У нас, христиан, есть четкое учение о добре и зле, которым мы руководствуемся, закон, данный нам

извне, результат откровения. Греки же, напротив, "должны были опрашивать природу и свои собственные сердца на предмет того, как следует поступать. Они не чувствовали и не думали, что один определенный образ действий является правильным, а другие - неправильными; но в каждом случае они должны были судить, является ли действие становлением, находится ли оно в гармонии с более благородной стороной человеческой природы, является ли оно красивым или полезным. Полезность, уместность и чувство прекрасного были единственными ориентирами, которыми греки могли руководствоваться в отношениях полов друг с другом". Отсюда следует, что греки считали допустимым многое, что оскорбляет современное чувство приличия; например, когда захваченные на войне девы становились на время наложницами победителей, как Хрисея в "Илиаде", а затем возвращались в свои дома, их ничуть не позорило это несчастье; "ведь если такое пятно случается с женщиной в силу обстоятельств, - говорит Ксенофонт, - мужчины почитают ее не меньше, если ее привязанность кажется им незапятнанной".

Как же нам преодолеть пропасть, отделяющую нас от греков? Каковы наши источники знаний о греческой женщине и ее образе жизни?

Прежде всего, мы должны знать страну греков. Влияние страны и климата на греческую национальность часто подчеркивалось, и физические явления, которые сформировали характеры мужчин, должны были повлиять и на женщин. Климат настолько мягкий, что, как говорит Еврипид, "холод зимы не суров, и валы Феба не ранят"; почва, промежуточная между суровой стерильностью и роскошной растительностью; система плодородных равнин, изрезанных плато и разнообразных горных цепей; побережье, изрезанное бесчисленными заливами, бухтами и заливами - вот те физические характеристики, которые определили судьбы греческих женщин. Более того, несмотря на вторжение чужеземных народов и годы порабощения турками, современный греческий народ связывает нити своей истории с глубокой древностью. Сохранились многие древние обычаи, такие как предоставление приданого и купание невесты перед свадебной церемонией. На островах Эгейского моря, где практически не было контактов с иностранцами, до сих пор преобладают черты лица, столь знакомые нам по греческой скульптуре, и туристы могут увидеть прекрасных дев, которые могли бы послужить моделями для Фидия и Праксителя. Конфигурация земли привела к греческой концепции города-государства - той особенности внутреннего устройства, которая имела самое непосредственное отношение к уединению женщин.

Греческая литература, однако, является нашим главным источником знаний в этом отношении, но даже информация, предоставляемая этой литературой, неадекватна и неудовлетворительна в тех проблесках, которые она дает о жизни женщины. Все, что мы знаем о греческих женщинах, за исключением фрагментов поэм Сапфо, почерпнуто из хроник, написанных мужчинами. А мужчины никогда не пишут о женщинах беспристрастно. Они либо любят, либо ненавидят их, либо идеализируют, либо карикатурно изображают. Кроме того, греческая литература писалась не только мужчинами, но и мужчинами для мужчин. Греческая читающая публика, зрители в театре, собравшиеся в собрании и в судах, были почти исключительно мужского пола. Замечания, указывающие на неполноценность более слабого, но более очаровательного пола, даже в наши дни не вызывают неприятия у обычного мужчины и являются одним из основных *мотивов* юмора; поэтому не стоит принимать всерьез тот факт, что на греческой сцене было много оскорблений в адрес женщин - хотя это компенсируется отрывками, в которых этот пол экстравагантно восхваляется. Однажды в присутствии Софокла Еврипида назвали ненавистником женщин. "Да", - был умный ответ, - "в его трагедиях".

Итак, помимо точки зрения писателя, из греческой литературы можно почерпнуть лишь скудные факты о жизни греческих женщин. Только собирая и сравнивая разрозненные отрывки, собранные у писателей разных взглядов, разных государств и разных периодов, мы можем получить что-то похожее на систематическое представление о внешнем аспекте женской жизни. Однако нам больше повезло, когда мы рассматриваем субъективную сторону; ведь греческий эпос и драма представляют женские портреты, которые обязательно отражают, более или менее четко, мысли и чувства женщины в эпоху расцвета поэта. Гомер дает точное изображение героического века, на границе которого прошла его собственная жизнь, пока воспоминания о нем были еще свежи в памяти людей. Афинские трагики также относят свои сюжеты к героическому веку, но они наделяют своих героинь глубиной мысли, силой размышления, проникновением в жизненные проблемы, которые были совершенно чужды мужчинам и женщинам в детстве мира и были характерны для Афин в их блестящую интеллектуальную эпоху. Поэтому история греческой женственности должна в значительной степени опираться на произведения поэтов и стремиться дать представление о женщинах, которые фигурируют в "Илиаде" и "Одиссее", а также в драмах Эсхила, Софокла и Еврипида. Лирические поэты Греции также имеют уникальное значение для изучения древнего человечества, поскольку они раскрывают сердца мужчин и женщин и делают известными душевные конфликты. Исторические женщины Эллады немногочисленны и известны нам лишь по скудным отрывкам из произведений историков, ораторов и философов.

Третий источник информации - греческое искусство. Если женщина занимает столь значительное место в тех немногих реликвиях античности, которые дошли до нас в целостности и сохранности, то каким же комментарием к древней женственности должно было стать искусство греков, прежде чем безжалостные руки римлян и варваров и зуб времени уничтожили самые ценные его сокровища! Вазопись греков иллюстрирует каждую фазу частной жизни и изобилует изображениями девы и матроны, в доме, у ткацкого станка, в свадебной процессии, на свадьбе. А в греческой скульптуре представлены идеальные типы женщин, совершенных физически и наделенных всеми интеллектуальными и чувственными прелестями. Из этих произведений пластического искусства, которыми изобилуют музеи Европы, мы знаем, что греческая женщина была прекрасной, равной мужчине по физическому совершенству. По форме греческая женщина была настолько совершенна, что ее до сих пор принимают за тип своего пола. "Ее красота, независимо от причин, граничила с идеалом, или, скорее, была той, которую, поскольку сейчас она встречается только в произведениях искусства, мы называем идеалом. Но наши представления о форме никогда не выходят за рамки того, что можно найти в природе. Она ограничивает наши представления кругом, за который мы не можем переступить. Скульпторы Греции изображали только то, что видели; и даже когда хитрость их рук была наиболее изящной, даже когда любовь и грация, и вся поэзия женственности, казалось, дышали из их мрамора, неполноценность их подражания творениям Бога, в свойствах, принадлежащих форме, в простом контуре, в группировке и развитии черт, должно быть, была достаточна, чтобы впечатлить даже Фидию, этого верховного жреца искусства, насколько детским было возвышаться над природой." Но не только физическое совершенство привлекает нас в этих шедеврах пластического искусства. Любовь и нежность, женское очарование находят выражение в каждой черте лица; и, прежде всего, это нравственное достоинство, возвышенность души, духовный пыл, которые поднимают нас от земных вещей и вызывают стремление к вечному. Женщины, которые давали понимание и вдохновение скульптору при изображении Геры, Афины и Афродиты, должны были в какой-то мере обладать теми качествами, которые художник придает своим произведениям. Положение женщины у греков различается в зависимости от периода, племени и формы правления, и все

различные фазы жизни и цивилизации, вытекающие из них, должны быть приняты во внимание, чтобы прийти к нашим выводам. Греческая история делится на определенные периоды, которые отличаются культурой и цивилизацией. Во-первых, это героический век, изображенный в греческой мифологии и гомеровских поэмах, век полубогов, доблестных воинов и благородных женщин. Это монархический период греческой истории. Цари вершили судьбы людей, а вокруг них собиралась знать. Общество было аристократическим; изображаемая жизнь была жизнью дворов. При дворе обязательно должна быть царица, а там, где есть царица, женщина всегда является источником влияния и власти во благо или во зло, и завоевывает либо почтение и уважение, либо страх и негодование мужчин. После героической эпохи наступил период "бури и натиска" в жизни Греции, когда монархии были свергнуты и уступили место олигархиям, а те, в свою очередь, тираниям; когда развивалась торговля, колонии отправлялись в дальние части Средиземноморья, а аристократические классы наслаждались результатами богатства и путешествий, а также обменом светскими любезностями. В этот период эпическая поэзия приходит в упадок, а на смену ей приходит лирическая поэзия в трех формах - элегической, ямбической и мелической; также начинают развиваться искусства. Это переходная эпоха Греции. В аристократических кругах, в семьях олигархов и при дворах тиранов женщина продолжала занимать видное место; но среди более бедных слоев, которые были принижены аристократами, жизнь была тяжелой и горькой, а женщина порицалась как источник многих бед человечества.

Переходная эпоха представляет собой портал, открывающий вход в собственно историческую Грецию. В большинстве сообществ процесс выравнивания продолжается, и на смену олигархиям и тираниям пришли демократии. Народ заявил о себе и стал правящим. В истории Греции примечателен тот факт, что там, где господствовала демократия, женщина пользовалась наименьшим уважением и имела меньше всего привилегий. В Афинах, где демократия была всевластной, женская деятельность ограничивалась в основном женскими квартирами в доме. В других городах олигархия сохраняла власть, аристократия все еще признавалась, как в Спарте; и здесь привилегии и свобода женщины были очень велики.

Необходимо учитывать и раннее племенное деление греков. Ахейцы тесно связаны с героической эпохой; они создали могущественные государства в Пелопоннесе и совершили первую великую национальную экспедицию в Элладу. Таким образом, ахейцы являются представителем гомеровского народа с его монархическим укладом жизни и выдающимся социальным статусом женщин. Ахейская цивилизация угасла перед дорийским переселением и перестала быть фактором греческой истории. Из трех оставшихся групп эолийцы населяли Фессалию, Беотию и особенно остров Лесбос, а также греческие колонии Малой Азии вдоль берегов Северной Эгеиды. Их самый блестящий период пришелся на переходную эпоху, когда Лесбос находился под властью богатой и могущественной аристократии, а затем тирании, и когда лирическая поэзия достигла своего совершенного расцвета в стихах Сапфо. Эолийская культура отличалась преданностью музыке и поэзии, богатством и сладострастием. Ни в одно другое время и ни в одном другом месте за всю историю Эллады женщина не обладала такой свободой и не пользовалась всеми благами богатства и культуры в столь заметной степени, как у эолийцев с острова Лесбос.

Дорийский и ионийский народы занимали арену в течение исторического периода; представляя собой противоположные тенденции, они постоянно находились в конфликте. Дорийцы в основном занимали Южный и Западный Пелопоннес, Аргос, Коринф, Мегару, Эгину, Магна-Грецию и южное побережье Малой Азии; ионийцы населяли Аттику, Эвбею, большинство островов Эгейского моря и знаменитые двенадцать ионийских городов на побережье Малой Азии. Главным городом дорийцев была Спарта, но Спарта имела

свойственную только ей форму правления, и не следует считать, что она представляла все дорийские государства. Однако в целом в дорийских государствах женщины пользовались такой же степенью свободы, как и в Спарте, хотя и не подвергались такой же суровой дисциплине.

На ионийские города Малой Азии оказала большое влияние азиатская любовь к легкости и роскоши, и они привнесли в Грецию многие аспекты цивилизации и искусства Азии. Существует предание, что когда ионийцы переселились из Эллады в Малую Азию, они не взяли с собой своих жен, как дорийцы и эолийцы, и поэтому были вынуждены жениться на местных женщинах из завоеванных районов. Поскольку приобретенных таким образом жен они считали низшими, то, следуя восточному обычаю, с удовольствием запирали их в женских покоях и относились к ним скорее как к прислуге, чем как к спутницам жизни. Так, предположительно, возник обычай уединения женщин в доме, который быстро распространился среди ионийских народов, даже в континентальной Греции.

Афины были главным городом среди ионийских народов, но в них развилась своя цивилизация, известная как аттико-ионийская, сочетавшая в себе грубую силу и энергичность дорийцев с утонченностью, изысканностью и многогранностью ионийцев. Однако положение женщины в городе фиолетовой короны было упреком его непревзойденному превосходству. Нигде во всей Элладе греческие женщины не были в такой степени подавлены и исключены из высшей жизни мужчин, как у афинян. Поэтому нам не известно имя ни одной великой афинянки. Но ионийское подавление женщин, занимавших почетное положение, привело к появлению класса "эмансипированных" женщин, которые сбросили оковы, сковывавшие их пол, и объединили свои судьбы с мужчинами в незаконных отношениях в качестве *hetærae*, или "спутниц". Благодаря своему стремлению к высшему образованию того времени и культивированию всех женских искусств и граций, гетеры представляли собой интереснейшее явление в общественной жизни Греции и играли важную роль в греческой культуре, особенно в Афинах. Будучи центром культуры Эллады и выразителем литературы и искусства для всего цивилизованного мира, Афины требуют особого внимания в своем отношении к женщинам.

Классический период греческой истории сменился эпохой эллинизма, которая началась с распространением греческого языка и культуры на территории огромной империи Александра Македонского. Теория города-государства была одной из главных причин уединения женщин; а поскольку Александр разрушил барьеры между греческими городами и ввел единообразие жизни и нравов во всей своей империи, с этого времени статус женщины постепенно повышается, ее внимание к высшему образованию становится более общим, и она принимает более заметное участие в культуре, политике и всех живых интересах современности. Александрия уступает Афинам место главного центра греческой жизни и мысли, и здесь греческая женщина играет заметную и выдающуюся роль. Затем, по мере того как Рим распространяет свои завоевания на Восток, греко-римский период сменяет эллинистический, и в результате смешения чуждых цивилизаций женское начало чисто греческой культуры вливается в космополитическое женское начало римского мира. Христианство быстро становится закваской, которая пропитывает комок Римской империи, и, обращаясь ко всему самому высокому и лучшему в женском характере, находит готовое признание среди женщин эллинских земель. Женщина греческой культуры, за редким исключением, перестает существовать, и наша тема подходит к своему естественному завершению.

II

ЖЕНСТВЕННОСТЬ В ГЕРОИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

Жизнь древнейших греков отражена в их легендах. Героические эпосы Греции, хотя и не являются точной историей, представляют большую ценность как картины жизни и нравов. Поэтому мы можем обратиться к ним как к ценным воспоминаниям о том состоянии общества, которое должно стать для нас отправной точкой в истории греческой женщины.

Свидетельства Гомера о героическом веке полны и точны. Открытия последних лет делают Трои, Микены и другие города гомеровской жизни очень реальными для нас. Мы видим, что Гомер точно описал материальное окружение своих героев и героинь - их дома, одежду, оружие и драгоценности. Царские дворцы в Трое, Тирине и Микенах были раскопаны, и мы знаем, что их обитателями должны были быть люди с характером, описанным Гомером, ибо только такие могли правильно использовать предметы пользы и украшения, найденные в этих дворцах, которые сегодня можно увидеть в музеях Европы. Таким образом, мы приходим к выводу, что, хотя Агамемнон - это миф, а Елена - выдумка поэта, мужчины и женщины, подобные Агамемнону и Елене, должны были когда-то жить, любить и страдать на греческой земле.

Более того, великие события в мировой истории происходят только благодаря великим мужчинам и великим женщинам. Великие эпосы мира рассказывают о национальных героях, но не таких, какими они были на самом деле, а идеализированных и обожествленных поколениями восхищенных потомков. Следовательно, за всеми чудесными историями в мифах и легендах, несомненно, стояли реальные фигуры мужчин и женщин, которые повлияли на ход событий и оставили после себя репутацию достаточного масштаба, чтобы дать хотя бы основу для героических фигур эпической поэзии.

Чтобы понять, из каких элементов состояли бессмертные типы греческого эпоса, уместно сравнение с Книгой Судей. В Судьях представлен, хотя и в виде разрозненных повествований, героический век Древнего Израиля, и на основе такого материала мог быть написан национальный эпос древнееврейского народа. В таком эпосе такие женщины, как Дебора, дочь Иефтиха и Делила, стали бы идеализированными героинями, как Пенелопа, Андромаха и Елена в гомеровских поэмах. Поэтому небезосновательно предположить, что в ахейскую эпоху жили реальные женщины, обладавшие героическими качествами, которые были прототипами идеализированных фигур, представленных Гомером и драматическими поэтами.

Женщина должна была играть заметную роль в детстве греческого мира, ведь большая часть романтического интереса, который внушает греческая легенда, проистекает из упоминания женщин. Елена и Пенелопа, Клитемнестра и Андромаха и другие знаменитые дамы героических времен стоят на переднем плане картины, и их отмечают за их красоту, добродетели, преступления или страдания. Таким образом, изучение истории женщины в

Древней Греции правильно начинать с созерцания женской жизни, как она представлена в поэмах Гомера.

Изображение Гомером ахейской эпохи является полным и удовлетворительным во многом потому, что он уделяет так много внимания женщине и условиям ее жизни. Его рыцарский дух проявляется в отношении к слабому полу. Гомеровские мужчины часто ребячливы и импульсивны; гомеровские женщины обладают теми качествами, которые, по общему мнению, необходимы для истинной женственности. Они даже кажутся странно современными; общий тон культуры, отношения полов, мотивы, управляющие мужчинами и женщинами, представляют поразительные параллели с тем, что мы находим в современности.

Гомер представил нам вечные типы женственности, которые, следовательно, достойны того бессмертия, которое они обрели. В настоящее время мы лишь попытаемся узнать из этих произведений как можно больше о жизни женщины в обычаях общества, археологических и этнографических деталях.

В организации общества в героические времена нам больше всего бросается в глаза патриархальная простота. Монархия - преобладающая форма правления. Титул государя - "басилей", "вождь народа", и каждый басилей правит по праву наследственному и божественному: скипетр его дома получен от Зевса. Царь - вождь в войне, глава Совета и собрания народа, верховный судья во всех делах, касающихся справедливости. Совет составляют "старейшины", а народ собирается в собрание, чтобы одобрить действия своих вождей. В "Илиаде" описывается жизнь греческого лагеря, но Агамемнон, сюзерен, имеет под своим началом людей, которые являются царями у себя дома. В "Одиссее" описывается гражданская жизнь в центрах, где вожди в Илиуме являются царскими правителями. Оба эпоса посвящены главным образом жизни этих царей и их семей. Гомер знакомит нас именно с жизнью дворов и царей, аристократии; в гомеровских монархиях положение женщины всегда возвышено, а ее влияние велико. Жена разделяет положение своего мужа, а к его семье относятся со всем почтением, которое полагается главе. Поскольку царь получает свою власть по божественному праву, народ мирно живет под властью своего вождя, как под властью и защитой богов. Таковы основные черты гомеровского государственного устройства.

С каким неподражаемым изяществом поэт вводит нас даже в жизнь маленькой девочки на руках у матери. Ахилл укоряет Патрокла за его слезы: "Зачем плачешь ты, Патрокл, как ласковая дева, что бежит к матери, просит мать взять ее на руки и со слезами смотрит на нее, пока мать не возьмет ее на руки?". Обратим внимание на девицу на заре женственности. Мать молилась, чтобы ее дочь выросла подобной Афродите в красоте и очаровании, а также Афине в мудрости и мастерстве рукоделия. Отец и мать с радостью наблюдают за ее лучезарной юностью, а братья нежно заботятся о ней. Ее развлечения заключаются в пении и танцах, игре в мяч и различных видах отдыха на свежем воздухе. Юноши и девушки вместе занимаются этими видами спорта. Гомер изобразил подобные сцены на щите Ахилла: "Также хромой бог придумал место для танцев, подобное тому, которое когда-то в широком Кноссе Дедал сделал для Ариадны из прекрасных локонов. Там танцевали юноши и сватались девы дорогие, руки их лежали на запястьях друг друга. На девах было тонкое белье, а на юношах - хорошо сшитые дублеты, тускло блестевшие от масла. У девиц были прекрасные венки, а у юношей - золотые кинжалы, висевшие на серебряных балдриках. И вот они уже бегут по кругу на ловких ногах, как гончар, сидящий у своего круга, который сидит у него в руках, и проверяет его, будет ли он бежать; и вот уже они выстраиваются в линию, чтобы встретить друг друга". Таково было их времяпрепровождение, и столь же радостными были их занятия.

Девам, по-видимому, поручались главным образом работы по дому на свежем воздухе, которые способствовали их физическому развитию. Так, царица Навсикаа и ее подруги стирают в реке одежду отцов и братьев, а в "Щите Ахилла" изображена сцена сбора винограда, где "девы и стриптизерши в детском ликовании несут сладкие плоды в плетеных корзинах, а посреди них мальчик играет приятную музыку на скрипке с чистыми тонами и поет сладкую песню Линуся, а остальные, припадая на ноги, повторяют музыку и песню".

Воспитание девочек было самым простым. Они росли в квартире матери и учились у нее простому благочестию по отношению к богам, скромному поведению, мастерству рукоделия и умению вести домашнее хозяйство.

Пользуясь свободой, намного большей, чем та, что предоставлялась девам в классический период, гомеровские девушки не принимали участия в пирах и развлечениях придворной жизни. Так, поэт рассказывает, что Навсикаа, являющая собой идеальный образ греческой девушки в весеннюю пору ее юности и красоты, "удалилась в свои покои по возвращении во дворец, и ужин ей подала кормилица в ее апартаментах", в то время как Одиссея любезно развлекали ее отец и мать в нижнем дворе. От этих первобытных женщин требовалось строгое соблюдение норм, соответствующих их полу и положению; и высокоумная дева Навсикаа опасалась дурной молвы, если бы незнакомца Одиссея увидели с ней на улицах города, поскольку такая близость была бы "позором" для нее, девы; замужней женщине также было "позором" идти одной в присутствие мужчин, даже находясь в собственном доме, хотя она могла входить в их присутствие, когда ее сопровождали служанки. Так, за Пенелопей следуют ее служанки, когда она отправляется в зал мужчин, чтобы послушать менестреля Фемия. "Пусть Антиной и Гипподамия, - говорит она, - придут постоять рядом со мной в залах, ибо одна я не пойду среди людей, ибо я стыжусь". Елена и Андромаха также никогда не появлялись на публике без своих служанок. В противовес этой чрезмерной скромности, казалось бы, должен был выполняться тот долг гостеприимства, который часто требовал от молодых женщин купать и помазывать знатных незнакомцев, гостивших в доме. Так, Поликаста, прекрасная дочь Нестора, купала и помазала Телемаха, надела на него плащ и жилет. Елена оказывала подобные услуги Одиссею, когда он в переодетом виде прибыл в Трои, а Цирцея - тому же герою. Хотя высказывания поэта могут иногда, в вопросах внешнего облика, нарушать современные социальные правила, однако, поскольку жизнь в героические времена была более простой и менее условной, между полами невинно могла существовать большая свобода выражения мнений по многим вопросам, которые табуированы в хорошем обществе в наш весьма условный век. Поэтому такие отрывки, как приведенные, следует воспринимать скорее как свидетельство невинности и бесхитростности гомеровских дев, чем как обвинение в отсутствии скромности.

Существует множество признаков, указывающих на универсальную красоту гомеровских женщин. Так, излюбленным эпитетом страны является "Эллада, славящаяся прекрасными женщинами". Кроме того, к гомеровским персонажам применяются многочисленные эпитеты, характеризующие красоту: "прекрасная по форме", "с прекрасными щеками", "с прекрасными локонами", "с прекрасной грудью" и т. п., что свидетельствует о всеобщей любви к физической красоте, а также о распространенности красивых типов.

Брак был в высшей степени почетным, и юноши, и девушки ожидали его как естественного и желанного шага в череде жизненных событий. Предварительные мероприятия носили ярко выраженный патриархальный характер. Брак обычно заключался по договоренности между женихом и его предполагаемым тестем. Иногда мужчина мог завоевывать невесту героическим поступком или личными заслугами, но обычно удачливым оказывался тот, кто приносил самые дорогие свадебные подарки. Таким образом, характерной чертой была покупка жены.

Обычно эти подарки преподносились отцу или семье невесты, но в случае с (предполагаемой) вдовой Пенелопой они были преподнесены самой женщине. Подарки добавлялись к богатству семьи невесты. Идея дани как таковой чужда гомеровским поэтам, хотя поэт иногда представляет невесту получающей от родителей богатые дары, которые, очевидно, должны были стать ее личной собственностью, в дополнение к свадебным дарам от семьи, состоящим из стад, драгоценностей или драгоценных одежд.

Судя по тому, с каким рвением женихи стремились завоевать расположение девы, можно предположить, что у нее был некоторый выбор при выборе мужа; но в целом отец решал, кого взять в зятя, хотя иногда деве предоставлялся выбор из нескольких молодых людей, одобренных отцом. Вдовы должны были снова выйти замуж, и в их случае существовала значительная свобода выбора.

Церемонии бракосочетания носили скорее социальный, чем религиозный или гражданский характер. День свадьбы отмечался пиром, который устраивал жених в доме отца невесты. Все гости были одеты в самые дорогие одежды и принесли подарки молодой паре. В патриархальные времена, когда отец был и вождем, и понтификом, и его одобрение придавало союзу священный характер, увод невесты из дома отца, по-видимому, был самым важным актом брачной церемонии. В описании щита Ахилла Гомер дает нам представление об этой торжественности. Под светом факелов, в окружении веселой компании, танцующей и поющей гимнические песни, невесту вели в дом ее будущего мужа. Она была покрыта вуалью - обычай, сохранившийся с давних времен, чтобы не гневить духов предков, бесцеремонно уходя от их наблюдения. Браком руководили боги, но жрецы и жертвоприношения не требовались; не было зафиксировано никаких церемоний, подтверждающих теорию захвата невесты, которая, как часто говорят, лежала в основе гомеровских браков, не упоминается и о каких-либо обрядах в брачную ночь.

Брак у гомеровских греков преследовал прежде всего две разные цели: сохранение чистой родословной и защита имущественных прав семьи. Поэтому жена и мать держала в своих руках все священные традиции семьи; если она их сохраняла, то приумножала их славу; если нарушала, то престиж семьи терпел несказанный ущерб. Вследствие этого не существовало ни полигамии, ни разводов. Моногамия могла быть единственной разрешенной формой брака там, где преобладали подобные представления о супружеской жизни. Совокупление существовало, особенно когда муж подолгу отсутствовал дома; но на него смотрели с пренебрежением, и оно часто приводило к печальным последствиям, как в случае с Феникс и Агамемноном. Хетайризм и проституция не получили в гомеровские времена того признания, которое позднее было отведено им в социальной структуре греков. Многочисленные примеры супружеской преданности в "Илиаде" и "Одиссее", как, например, у Гектора и Андромахи, Одиссея и Пенелопы, Алкиноя и Ареты, свидетельствуют о высоком среднем уровне супружеской верности в героические времена. Есть также множество незначительных свидетельств того, что семейные узы были очень священны среди ахейцев, а супружеская привязанность была очень сильна. Одним из тягот долгой осады была разлука с женой: "Ведь тот, кто хоть на один месяц оторвался от жены на своем корабле со скамьей, боится зимних бурь и неистового моря; а для нас девятый год нашего пребывания здесь идет своим чередом". А молитва Одиссея за Наусикаа показывает любовь греков к дому и счастливой супружеской жизни: "И пусть боги исполнят все желания твоего сердца: мужа и дом, и разум единый с его пусть дадут - добрый дар; ибо нет ничего могущественнее и благороднее, чем когда муж и жена едины сердцем и разумом в доме, горе врагам и радость друзьям, но их собственные сердца знают это лучше".

Взгляд на прелюбодеяние - хороший тест на положение женщины в обществе. В гомеровские времена прелюбодеяние рассматривалось как нарушение права собственности. В "Илиаде" мало резких слов в адрес Елены; весь гнев греков был сосредоточен на Парисе, который нарушил узы гостевой дружбы и отторг имущество хозяина. Менелай с готовностью помиловал Елену, когда было потребовано материальное возмещение; морального осуждения самого прелюбодеяния нет. Клитемнестра была жестоко осуждена не столько потому, что поддавалась соблазнам Эгисфа, сколько потому, что ее преступление привело к убийству мужа. По-видимому, существовала и естественная бессрочность брачного договора. Для греков Елена всегда оставалась женой Менелая. Идеалом жены была беззаветная преданность мужу; верность и покорность были главными женскими добродетелями. Мужчины часто совершали моральные промахи, и от них не требовали того же стандарта супружеской безупречности, что от женщин героических дней.

О нравах общества того времени, и особенно о возвышенном положении матрон, можно судить по гомеровскому рассказу о приеме Телемаха во дворце царя Менелая в Спарте. Его и его друга Писистрата вводят в большой зал, где, после того как они искупались, помазались и надели свежие одежды, их принимает хозяин, Менелай. Их усаживают на стулья рядом с ним, и приносят пищу, которую они приглашают отведать. Менелай еще не знает, кто его гости, но он заметил, что Телемах плачет при упоминании Одиссея в разговоре.

Пока он размышляет об этом, Елена выходит в зал из своей "благоуханной сводчатой палаты" во внутренней, или женской, части дома. С ней три служанки, одна из которых ставит для нее хорошо сделанное кресло, вторая приносит ковер из мягкой шерсти, а третья ставит рядом с ней серебряную корзину на колесиках, на которой лежит золотая вата с шерстью фиолетово-синего цвета. Хелен сразу же принимает участие в развлечении гостей, одного из которых, обладающего женской интуицией, она узнает первой, и они беседуют до самой ночи. Затем перед ними разгорается веселье, и Елена подливает в вино, которое они пьют, "снадобье, утишающее боль и гнев и дающее забвение всякой печали". Вскоре Елена велит своим подручным проводить гостей с факелами к их постелям в коридорах, где на ложах лежат пурпурные одеяла и покрывала, а на них - тонкие мантии.

Здесь, в своем королевском дворце, Елена во всех смыслах королева. Наделенная обаянием как ума, так и личности, она регулирует жизнь и определяет тон окружающего ее общества; и она - лишь пример высокого социального положения гомеровских женщин.

В обязанности гомеровской матроны входило ведение домашнего хозяйства, и она была обучена всем домашним профессиям. Главными ее достижениями были прядение и ткачество, и все гомеровские героини были весьма искусны в текстильном искусстве. Одежда, которую носили мужчины, шилась дома служанками под руководством их госпожи, которая сама занималась этой работой. У Пенелопы было пятьдесят рабынь-служанок, которые выполняли различные обязанности по дому. Дочери Целея, как и Ребекка, ходили к колодцу за водой для хозяйственных нужд, а о стирке одежды принцессы Наусикаа и ее служанок мы уже упоминали. Таким образом, на фоне утонченности и элегантности гомеровского века мы имеем простоту нравов, которая только усиливает очарование.

Несмотря на эти прекрасные примеры домашней гармонии и привязанности, женщины Гомера не имели никаких прав, в современном понимании этого слова. На протяжении всей жизни их положение зависело от воли или прихоти мужчин. Выходя замуж, женщина просто переходила из-под опеки отца в руки мужа, который имел над ней абсолютную власть. Но хотя власть мужа была абсолютной, он, как правило, относился к любимой жене с почтением и часто руководствовался ее мнением. Так, феакийцы говорят о царице Арете: "Друзья, эта

речь нашей мудрой царицы не заблуждается и не далека от нашего разума, так что прислушайтесь к ней. Но от Алкиноса здесь зависит и слово, и дело". Арете принадлежала реальная власть, хотя она не могла претендовать ни на какие права, и, несомненно, тактичная и умная гомеровская женщина, как правило, имела доминирующее влияние во дворце.

Когда муж умирал, взрослый сын вступал в права наследника, и в его власти было, если он считал нужным, снова выдать свою овдовевшую мать замуж. Покорность Пенелопы своему сыну Телемаху - одна из ярких особенностей "Одиссеи". В его власти было выдать ее замуж за любого из женихов, но он воздержался, руководствуясь сыновней привязанностью и корыстными мотивами. "Не может быть, чтобы я против ее воли изгнал из дома женщину, которая родила и воспитала меня", - говорит Телемах; и продолжает: "К тому же мне трудно возместить Икарию тяжкие убытки, как я должен поступить, если по собственной воле отошлю мать".

Однако гораздо хуже была участь вдовы, чей муж был убит в бою. Она сразу же становилась рабыней завоевателя, с которой он мог поступить по своему усмотрению. Гектор рисует мрачную картину судьбы Андромахи в случае, если он будет убит: "Да, точно знаю я сердцем и душой: настанет день, когда священный Илиум будет низложен, и Приам, и народ Приама от доброго пепельного копья. Но не столько меня беспокоят муки троянцев в будущем, ни Гекубы, ни царя Приама, ни братьев моих, многочисленных и храбрых, которые падут в прах перед своими врагами, сколько твои муки в тот день, когда какой-нибудь ахейский ахец в кольчуге поведет тебя плакать и лишит тебя света свободы. Так и ты останешься в Аргосе, будешь работать на ткацком станке по приказу другой женщины и носить воду из источника Мессеи или Гиперии, будучи тяжело ущемленным, и на тебя будут наложены тяжкие узы. И тогда тот, кто увидит, как ты плачешь, скажет: "Это жена Гектора, который был первым в битве из обученных коням троянцев, когда люди сражались у Илиума". Так будут говорить и впредь, и свежо будет твое горе от отсутствия такого мужа, какой был у тебя, чтобы уберечься от гибельного дня. А меня в смерти пусть укроет насыпанная земля, пока я не услышал плача твоего и не унес в плен". Подобные сетования на жестокое обращение с вдовами и печальную участь сирот, когда естественный защитник был убит, встречаются снова и снова. Попадая в плен, самые благородные дамы становились наложницами победителя и распоряжались ими по своему усмотрению. Яркий пример тому - Брисеида. Она была девой княжеского происхождения, чей муж и брат были убиты Ахиллом. Однако свое положение пленницы она воспринимала как вполне естественное. Очевидно, она сильно привязалась к своему похитителю и ушла "не по своей воле", когда ее унесли в шатер Агамемнона. Вернувшись к Ахиллу, она оплакивает погибшего Патрокла, обещавшего сделать ее божественной супругой Ахилла.

Гомер упоминает многих женщин-рабынь знатного происхождения, и их положение в семьях своих хозяек часто имеет большое значение. Так, Эвриклея, вскормившая Одиссея и воспитавшая Телемаха, практически возглавляла домашние дела во дворце, а ее отношения с Пенелопой были самыми нежными. Остальные рабы были разделены на несколько классов, в соответствии с их различными качествами и способностями. Одни выполняли рутинную работу: вращали ручные мельницы, черпали воду и готовили еду для своего хозяина; другие занимались прядением и ткачеством под непосредственным надзором своей госпожи.

Вполне естественно, что великие дамы героических времен, воспитанные в роскоши дворов, сопровождаемые многочисленными рабами и оказывающие возвышающее влияние на своих мужей с помощью личного обаяния, уделяли большое внимание элегантности костюма и туалета. Греческая любовь к красоте привела к любви к одежде. Многочисленные эпитеты указывают на эту особенность гомеровских дам: "с прекрасным пеплумом", "хорошо подпоясанная", "с прекрасным поясом", "с прекрасной вуалью", "с прекрасной сандалией" и т. п.; забота о прическе видна в таких выражениях, как "с хорошими локонами", "с блестящими локонами".

Гомеровские поэмы описывают нам одежду ионийцев вплоть до девятого или восьмого века до нашей эры, и она во многих важных деталях отличается от классической одежды, которую можно увидеть на мраморах Парфенона.

Женщины носили только одну верхнюю одежду, пеплус, принесенную в Элладу из Азии арийцами, которую дорийские женщины продолжали носить до позднего периода. В самом простом виде пеплус представлял собой продолговатый кусок примитивной домотканой шерстяной ткани, бесформенный и несшитый, открытый по бокам, скрепленный на плечах *фибулами* и подпоясанный кушаком; но, несомненно, в одежде гомеровских принцесс он имел гораздо более регулярный рисунок и был богато расшит. Фарос, вероятно, был льняной одеждой египетского происхождения, которую иногда носили вместо пеплума. Так, нимфа Калипсо "облачилась в большой блестящий фарос, легкий и изящный, и на талию накинула прекрасный золотой пояс, а на голову - покрывало". Оба эти одеяния оставляли руки обнаженными и, хотя часто имели некоторую длину сзади, как видно из эпитета "троянские дамы в халатах", были достаточно короткими спереди, чтобы можно было увидеть ноги.

Поскольку пеплус был открыт по бокам, пояс был вторым по важности предметом женского наряда. Часто он был из золота, как у Калипсо, и украшался кистями, как пояс Геры с сотней кистей "из чистого золота, искусно сплетенных, и каждая из них стоила сто быков". Но главным из поясов был волшебный цестус золотой Афродиты, который Гера одолжила, чтобы пленить Зевса. Затянутый кушак делал платье полностью закрывающим грудь, так что эпитет "глубокогрудая" - то есть с полной, вздымающейся грудью - стал частым. Другим характерным предметом одежды был *кредемнон*, своего рода вуаль, из льна или шелка, обычно белого цвета, хотя иногда и темно-синего. Ее надевали через голову и позволяли ниспадать по спине и бокам головы, оставляя лицо непокрытым. Поверх пеплума не надевали никакой одежды, вроде плаща. Для более свободного передвижения женщины сбрасывали с себя похожий на мантию *кредемнон*, который выполнял все функции шали. Так, Наусикаа и ее спутницы, готовясь к игре в мяч, "сбросили свои покрывки и начали песню", а Гекуба в своем жестоком горе "разорвала свои волосы и сбросила с себя блестящую вуаль". Существовали также металлические украшения для головы: *стефане*, или корональ, и *ампикс*, налобная повязка или лобная пластина. *Кекрифалос*, вероятно, представлял собой шапочку, похожую на сетку, скрепленную тканой лентой; Андромаха "стряхнула с головы своей яркое одеяние, сетку и тканую ленту". Другие женские украшения: *isthmion*, ожерелье, прилегающее к шее; *hormos*, длинная цепь, иногда из золота и янтаря, свисающая с затылка над грудью; *peronæ*, или броши, и серьги различной формы, шаровидные, спиральные или в виде чаши; Елена, например, "вдела кольца в свое проколотое ухо, кольца из трех капель и сверкающие; из них обильно сияла благодать".

Чтобы объединить в одно общее описание эти различные предметы женского наряда, "мы можем представить Елену облаченной в цветной пеплум, богато расшитый и благоухающий, углы которого были плотно накинuty на плечи и скреплены *пероном*. Талию плотно обхватывал пояс, который, несомненно, был из богатого материала и с богатым рисунком.

Над ее грудью висели *гормоны* из темно-красного янтаря в золотой оправе. Ее волосы свисали вниз в искусственных косах, а на голове был высокий, жесткий *кекрифалос*, о котором мы говорили выше, перевязанный посередине *плекте-анадесмом*. На лбу сияла золотая *ампика*, или диадема, а с макушки головы спадала *кредемнон*, или вуаль, на плечи и спину, служащая спокойным фоном для блеска золота и драгоценностей".

Такова картина героического века, нарисованная нам Гомером. В основном это светлая картина, хотя отношение к вдовам и пленным девам бросает на нее мрачные тени. Но когда мы познакомимся с героинями этой эпохи и изучим их характеры в той обстановке, в которую их поместил Гомер, мы еще больше убедимся в том высоком статусе, который сохранялся за представительницами прекрасного пола на заре греческой цивилизации.

Однако прежде чем говорить о героинях Гомера, давайте вкратце остановимся на девах и матронах греческой мифологии, которые не столь заметны в хрониках Троянской войны, но заняли постоянное место в искусстве и литературе.

Нельзя не упомянуть о смертных возлюбленных, ставших через Зевса матерями героев: Европа, которую он сватал в образе белого быка и унес на Крит, где она стала матерью Миноса, Радаманта и Сарпедона; Семела, которая была поражена ужасом, когда Зевс появился во всем своем божественном облике, и которая родила Диониса, бога виноградной лозы; Леда, которую Зевс обворожил в облике белоснежного лебедя, мать Елены и Кастора и Поллукса; Алкмена, мать Геракла; Каллисто, превратившаяся вместе со своим маленьким сыном Аркасом из-за ревности Геры в созвездия, известные как Большая и Малая Медведицы; и, наконец, Даная, дочь Акрисия, царя Аргоса, запертая своим тираническим отцом в медной башне, но посещенная Зевсом в виде золотого дождя. Потомством этого союза стал герой Персей. Царь Акрисий в страхе перед пророчеством о том, что ему суждено быть убитым своим внуком, заключил мать и беспомощного младенца в пустой бочонок, который был отдан на растерзание морской стихии. В ужасе от шума огромных волн, бьющихся над их головами, Даная молила богов присмотреть за ними и доставить их на какой-нибудь дружелюбный берег. Ее жалкие молитвы были услышаны, и мать с ребенком спаслись и нашли гостеприимное пристанище на острове Серифос,

"Когда вокруг высокого кованого ковчега

Бури бушевали, воды темные

Вокруг матери метались и вздымались;

С немокрыми щеками она держала

Персея в объятиях своих и сказала:

"Какие горести склоняют эту несчастную голову!

Ты спишь, и нежная грудь твоя

В непрерывном покое,

В этом мрачном, невеселом доме,

Зажатый суровой медью, мрачный.

Едва ли нарушаемый сомнительным светом.

Что льется от тусклых ночных огней.

Но ты, распусти свои волосы,
Не обращаешь внимания на бушующие волны,
Стоны горького воздуха,
Закутанная в пурпурную мантию, мое прелестное дитя!
О, как опасна была для тебя эта опасность!
Как печальны мои слова страха.
Ты бы склонил свой слух!
Но теперь спи, дитя мое! Спи, широкое море!
Спи, моя невыносимая мука!
О! Измени свой совет, боже, нашим печалям конец!
И если мое необдуманное, неумеренное рвение оскорбляет,
Ради моего ребенка, его отца, простите меня!"

У бога Аполлона тоже были смертные любви: прекрасная дева Коронис, которой он в порыве ревности прострелил сердце, - мать бога врачевания Эскулапа; прекрасная нимфа Дафна, которая не слушала его уговоров и в конце концов превратилась в лавровое дерево; муза Каллиопа, от которой он стал отцом Орфея, унаследовавшего музыкальный и поэтический дар своего родителя. История любви Орфея и его прекрасной жены Эвридики - одна из самых трогательных во всей литературе: как она умерла от укуса ядовитой змеи, и ее дух был унесен в мрачные царства Аида, оставив Орфея с разбитым сердцем; как Зевс разрешил ему спуститься в inferнальные области, чтобы найти свою жену; Как он своей музыкой утихомирил гнев Цербера, а Аид и Прозерпина согласились вернуть Эвридику к жизни и заботам ее мужа, но при одном условии, что он покинет адские края, ни разу не обернувшись, чтобы взглянуть в лицо любимой жены; как он соблюдал этот мандат до самого спуска на землю, когда обернулся, чтобы увидеть исчезающий облик жены, которую он так почти вырвал из могилы. Остаток его дней прошел в печали, и в конце концов некие вакханки, разгневанные его печальными записками, разорвали его на части и бросили искалеченные останки в реку Гебрус. "Когда голова поэта-музыканта плыла по течению, бледные губы все еще шептали "Эвридика!", ибо даже в смерти он не мог забыть свою жену; и когда его дух плыл к ней, он беспрестанно призывал ее имя, пока ручьи, деревья и фонтаны, которые он так любил, не подхватили этот тоскливый крик и не повторили его снова и снова".

История Ниобы - одна из самых известных греческих легенд, благодаря ее изысканному изображению в искусстве. Ниоба, дочь Тантала, мать четырнадцати детей - семи мужественных сыновей и семи прекрасных дочерей, - в своей гордыне насмеялась над богиней Латоной, матерью Аполлона и Артемиды, потому что ее потомство насчитывало только двоих. Она даже дошла до того, что запретила своему народу поклоняться этим двум божествам и приказала снести и уничтожить все их статуи в своем царстве. Разгневанная таким оскорблением, Латона призвала к себе своих детей и велела им убить всех детей Ниобы. Аполлон же, настигнув семерых юношей во время охоты, сразил их своими неизменными стрелами; и пока мать горевала о потере сыновей, Артемиде принялась истреблять ее дочерей. Тщетно пыталась мать защитить их, и одна за другой падали они,

чтобы никогда больше не подняться. Тогда боги, тронутые ее горем, превратили ее в камень, как она и стояла - со вздернутым лицом, слезящимися глазами и дрожащими губами.

Три другие героини мифологии заслуживают того, чтобы быть занесенными в эту краткую летопись: Андромеда, Ариадна и Аталанта. Принцесса Андромеда, прекрасная дева, была принесена в жертву ужасному морскому чудовищу, опустошавшему побережье. Ее приковали цепями к нависающей скале, над пенящимися волнами, которые непрерывно обдавали брызгами ее прекрасные конечности. Когда чудовище уже собиралось унести ее как свою добычу, герой Персей, возвращавшийся после победы над Медузой, внезапно явился как избавитель, убил чудовище, освободил Андромеду от оков, вернул ее в объятия обрадованного родителя и таким образом завоевал принцессу в качестве своей невесты.

Гораздо печальнее история принцессы Ариадны, дочери критского царя Миноса, которая влюбилась в афинского героя Тесея, когда он пришел спасать афинских юношей и девушек от ужасного Минотавра. Она дала ему меч и клубок бечевки, с помощью которых он смог убить чудовище и проложить себе путь из неразрывных лабиринтов Лабиринта. В благодарность Тесей взял ее в невесты, но на острове Наксос он подло бросил ее, и Ариадна осталась безутешной. Сильна была ее печаль; но вместо непостоянного смертного возлюбленного она стала прекрасной невестой бессмертного, гениального бога Диониса, который обнаружил ее на острове, полюбил и завоевал.

Аталанта, третья из этой прославленной группы, дочь Иасия, царя Аркадии, была знаменитой бегуньей и спортсменкой. Вместе с Мелеагром она участвовала в грандиозной охоте на калидонского вепря, и именно она в конце концов свалила вепря и нанесла ему смертельную рану. Когда Аталанта вернулась ко двору отца, на ее руку претендовало множество женихов, но, желая сохранить свою свободу, она поставила условие, чтобы каждый жених участвовал с ней в скачках: если он побеждал, то лишался жизни, а если проигрывал, то становился ее невестой. Многие так и погибли. Наконец Гиппомен, юноша, находящийся под покровительством Афродиты, которая одарила его тремя золотыми яблоками, пожелал состязаться с принцессой. Аталанта вскоре обошла своего противника, но в этот момент к ее ногам упало золотое яблоко. Она опустилась, чтобы поднять его, и Гиппомен вернул себе лидерство. Снова она обошла его, и снова золотое яблоко заставило ее остановиться, а Гиппомен вырвался вперед. Наконец, когда она уже почти достигла цели, третье золотое яблоко заставило ее снова остановиться, и Гиппомен выиграл гонку и получил несравненную невесту.

III

ЖЕНЩИНЫ ИЛЛИАДЫ

Читатель "Илиады" и "Одиссеи" попадает в совершенно человеческую атмосферу. Когда он листает эти страницы, столь богатые картинами быта и нравов героических времен, для него не имеет значения, были ли мужчины и женщины эпической песни просто мифическими существами или, в сущности, историческими личностями. Современники Гомера и

последующих греков непоколебимо верили в реальность этих мужчин и женщин, а поэт вдохнул в них дыхание гения, дающее жизнь и бессмертие.

В этих поэмах мы имеем древнейшее выражение национального чувства греков, и из них мы можем составить правильное представление об отношениях мужчин и женщин в доисторические времена, а также о характере и положении женщины в детстве греческого мира.

Примечательно, что сюжеты "Илиады" и "Одиссеи", а также самые интересные эпизоды, которые они содержат, построены на любви к женщине; и ясное представление о значении женщины в героическую эпоху можно получить, лишь кратко рассмотрев блестящую панораму военных и бытовых сцен, в которых фигурирует женщина.

Сначала мы знакомимся с греческим лагерем на земле Трои. В течение десяти долгих лет войска ахейцев были собраны перед стенами Илиума. Что стало причиной этой долгой борьбы? Женщина! Парис, сын царя Приама, увез в свой родной город царицу Елену, жену Менелая, царя Спарты. С помощью коварства Афродиты, которой он вручил золотое яблоко как самой красивой в состязании трех богинь - Геры, Афины и Афродиты, Парису удалось завоевать сердце этой прекраснейшей из гречанок и убедить ее бросить мужа и дочь, чтобы последовать за судьбой прекрасного незнакомца. На острове Кранаи были совершены обряды бракосочетания, и после долгих странствий они достигли своего нового дома в Трое, где царь Приам, очарованный красотой и грацией новой дочери, несмотря на свой страх перед последствиями, милостиво принял изгнанную пару. Греческие вожди связали себя нерушимой клятвой помочь оставленному мужу вернуть супругу и, собрав свои силы, вступили в долгую и утомительную войну. Так женщина стала причиной первой великой борьбы между Востоком и Западом, сбора могучих ахейцев под предводительством царя Агамемнона, десятилетней осады, борьбы и бесчисленных войн, низвержения в Аид многих доблестных душ, падения Трои, разнообразных странствий и тяжелых судеб оставшихся в живых героев и героинь эпической истории.

В "Илиаде" не рассказана вся история Троянской войны; Гомер предлагает музам воспеть лишь один ее эпизод - гнев Ахилла. Причиной этой вспышки ярости также является женщина. Греческие вожди собрались в месте сбора, на берегу Скамандра. Среди них - престарелый жрец из города Хриса, несущий на золотом посохе филейную часть Аполлона Дальнего. Он умоляет греков вернуть ему его дорогое дитя, девицу Хрисею, их пленницу, и принять взамен предложенный выкуп, почитая бога. Вожди сочувственно ропщут, призывая удовлетворить просьбу, но это не радует сердце Агамемнона, царя людей, который получил прекрасную пленницу в качестве своей доли добычи и из-за любви к ней не хочет ее отдавать. Поэтому он грубо отсылает старика прочь и строго-настрого приказывает ему больше не приближаться к кораблям ахейцев. Возмущенный своим жреческим достоинством и отцовской нежностью, престарелый государь обращается с молитвой к Аполлону, и тот тотчас же насылает на греков страшный мор, и костры мертвецов горят непрерывно во множестве. Девять дней проносятся валы бога по всему государству, а на десятый доблестный воин Ахилл созывает народ на собрание и просит Калхаса, "превосходнейшего из авгуров", объявить причину моровой язвы. Калхас, после долгих колебаний, отвечает, что Фар-дартер навел войну на греков, потому что Агамемнон поступил несправедливо по отношению к жрецу, не освободил его дочь и не принял выкуп.

Агамемнон разгневался на провидца; темное сердце его наполнилось гневом, а глаза стали подобны пылающему огню. Он обвиняет провидца в том, что тот никогда не говорит того, что ему приятно слышать. Что же касается Хрисеи, то он охотно оставил бы ее в своем доме, ибо

предпочитает ее даже Клитемнестре, своей законной жене, которой она ни в чем не уступает - ни в силе, ни в росте, ни в остроумии, ни в мастерстве. Но если ее отнимут у него ради блага народа, он немедленно требует другую, чтобы одному из греков не остаться без награды. Тогда доблестный Ахилл разгневался на корыстолюбие своего вождя, и между ними завязалась жестокая ссора. Наконец Агамемнон заявляет, что отошлет Хрисею обратно, но сам придет и возьмет взамен почетную жертву Ахилла - Брисею с прекрасными щеками, чтобы Ахилл знал, насколько он могущественнее, и чтобы впредь никто не смел соперничать с ним в лицо.

Тогда сын Пелея разгневался еще больше, и, если бы не явилась богиня Афина и не уладила его гнев, он набросился бы на Агамемнона на месте. Однако он снова произносит горькие слова и заявляет, что отныне тоска по Ахиллу настигнет всех ахейцев, ибо больше он не будет сражаться с греками против троянцев. Так расходится собрание после этой жестокой словесной битвы между ними. Ахилл возвращается в свои хижины и на корабли с Патроком и его компанией, а Агамемнон посылает Одиссея и других на корабле, чтобы вернуть отцу прекрасную Хрисею и принести гекатомбу Аполлону. Так Хрисея возвращается в объятия отца и больше не появляется в этой истории.

Но Атридес не прекращает распри, которыми он угрожал Ахиллу. Он сразу же призывает двух глашатаев и велит им отправиться в шатер Ахилла, взять за руку прекрасную Брисею и привести ее к нему. Нехотя отправляются они на свое задание и находят молодого воина, скорбно сидящего у своей хижины и черного корабля. Он знает, зачем они пришли, и велит своему другу Патроку привести девицу и отдать им, чтобы они ее увели. И Патрокл послушался своего дорогого товарища, и вывел из хижины прекрасную Брисею, и отдал ее герольдам. И отправляются они в обратный путь на кораблях ахейцев, и с ними уходит дева, все нехотя.

В этот момент скорби о потере любимой женщины Ахилл вспоминает о своей дорогой матери, нереиде Фетиде, и, протягивая руку к морю, молит ее прислушаться к нему. Мать слышит его, сидя в морских глубинах рядом со своим престарелым сыном, и быстро поднимается из серого моря, садится рядом с ним, гладит его рукой и спрашивает о причине его печали. В ее чуткое ухо он рассказывает всю историю своих злоключений, и богиня показывает себя самой нежной и любящей из матерей. Он велит ей искать справедливости для него у трона могущественного Зевса, с которым она в силе из-за оказанных ему милостей. Она сетует на сына, что родила его для короткой жизни и злой судьбы, но велит ему и дальше гневаться на ахейцев и воздерживаться от битв, а сама рано отправится во дворец Зевса на горе Олимп и думает завоевать его. Верная своему обещанию, она отправляется на солнечный Олимп и застаёт отца богов и людей сидящим отдельно от всех на самой высокой вершине. Одной рукой она умоляюще прижимается к его коленям, а другой гладит его подбородок и молит о том, чтобы он оказал честь ее сыну и возвысил его в воздаяние за причиненное ему тяжкое зло. И Зевс, хотя и знает, что это приведет к раздору с супругой Геры, обещает отомстить Агамемнону по справедливости.

Таким образом, уже на пороге "Илиады" звучит материнская любовь; и когда необузданные страсти ранней юности приводят к горю и унижению, появляется мать, сочувствующая и утешающая, готовая пересечь море, землю и небо, чтобы заступиться за своего обиженного и убитого горем сына.

Ахилл остается в стороне от битвы, дуясь возле кораблей. В разгоревшемся конфликте шансы троянцев теперь невелики. Обе стороны устали от непрерывных боев, и между Менелаем и Парисом, неверным мужем и нынешним повелителем Елены, устраивается

единоборство. За победу должна быть награждена сама Елена со всеми своими сокровищами, впервые появившаяся в эпосе.

Елену вызывают из дворца, чтобы она стала свидетелем боя. И вот она спешит из своих покоев, сопровождаемая двумя служанками, и приходит к месту Скейских ворот, где собрались царь Приам и старейшины города.

Гомер нигде не пытается подробно описать красоту Елены, а просто внушает ее читателю, показывая, как завораживающе действует ее присутствие на окружающих. Даже мудрые старцы поддаются под чары ее божественной красоты и, увидев, как она поднимается на башни, тихонько говорят крылатые слова один другому:

"Невелика вина, что троянцы и благовоспитанные ахейцы должны ради такой женщины долго терпеть лишения; дивно похожа она на бессмертных богинь, на которых можно смотреть. Но даже если она так хороша, пусть отправляется на корабли и не остается, чтобы досаждать нам и нашим детям после нас".

Приам, однако, обращается к своей прекрасной невестке с нежными словами, возлагая вину за мрачную войну ахейцев не на нее, а на богов. Елена произносит слова самоуничижения, а затем, по просьбе Приама, указывает на знаменитых воинов вторгшегося войска.

Парис побежден в единоборстве, и Менелай зарубил бы своего врага и в тот же миг вернул бы себе Елену, если бы богиня Афродита не подхватила Париса в облаке и не перенесла его в свои покои. Затем Афродита появляется перед Еленой в образе престарелой дамы и просит ее вернуться к своему господину. Елена узнает богиню, и ее презрительный, горький ответ показывает, как пылкая леди восстала против цепей, которыми Афродита ее сковала. Однако гнев и угроза Афродиты побеждают ее благородную решимость, и она неохотно возвращается. Увидев мужа, она презрительно укоряет его за трусость и сожалеет, что он не погиб от рук Менелая. Но Париса не трогают ее упреки. Его мысли, как всегда, заняты не войной, а любовью, и Елена, благодаря тонкой силе Афродиты, не может долго сопротивляться его ласкам. Тем временем оскорбленный муж мечется по дому, как дикий зверь, где бы он мог настигнуть и убить распутного Париса.

Мы приближаемся к серии домашних сцен, в которых фигурируют три главных женских персонажа "Илиады". Из-за неудачного исхода одиночного боя перемирие между греками и троянцами объявлено оконченным, и силы вновь сходятся в конфликте. Троянцам приходится нелегко. Гектор возвращается в город и приказывает Гекубе, своей матери, собрать престарелых дам Трои, которые должны отправиться в храм Афины и молить богиню сжалиться над ними. У ворот его встречают жены и дочери троянцев, расспрашивая о своих близких. Когда он входит в царский дворец, его встречает прекрасная мать, сжимает ему руку и просит его, утомленного битвой, остановиться, чтобы подкрепиться. Но Гектор противится ее настойчивым уговорам, призывает ее собрать престарелых жен и, взяв в жертву самое красивое одеяние во дворце, отправиться в храм и молить Афины о милости. Гекуба исполняет его приказ, и торжественная процессия поднимается в цитадель и молит богиню смилостивиться над ними и переломить ход битвы. Однако богиня непреклонна: она отвергает их мольбу.

Гектор тем временем останавливается во дворце Париса. Он застаёт Елену, сидящую среди своих служанок и распределяющую между ними обязанности, а Париса, начищающего свои прекрасные доспехи. Гектор сурово упрекает брата, но слова презрения не производят особого впечатления на гладкого и обходительного Париса. Елена обращается к Гектору, к которому испытывает сестринскую любовь и восхищение, болезненно контрастирующие с

ее презрением к трусливому повелителю; в ее словах чувствуется горечь ее сердца из-за злой судьбы и из-за того, что "даже в грядущие дни мы можем быть песней в ушах людей, которые будут в будущем". Гектор с пониманием относится к сестринской уверенности Елены и велит ей снова вызвать мужа на бой, а сам тем временем отправится в свой дом, чтобы повидаться с дорогой женой и младенцем, ибо не знает, вернется ли он к ним домой, или боги теперь низвергнут его от рук ахейцев.

Придя во дворец, Гектор не находит там своей прекрасной жены, белорукой Андромахи; расспросив ее, он узнает, что, встревоженная битвой, она, как неистовая, поспешила на стену, и с ней была кормилица, носившая ребенка. Гектор поспешил к Скейским воротам, и когда он приблизился к ним, навстречу ему выбежала его любимая жена, а с ней служанка, несущая на груди нежного мальчика, любимого сына Гектора - Астианакса. Гектор улыбается и смотрит на мальчика, а Андромаха стоит рядом с ним и плачет, сжимая его руку в своей, и призывает его подумать о себе и пожалеть ее, покинутую, и их младенца. Гектор говорит ей, что он думает обо всем этом, что больше всего его печалит мысль о ее страданиях в тот день, когда какой-нибудь ахейский воин в кольчуге уведет ее и лишит света свободы, но его дело - сражаться в первых рядах троянцев. Он кладет сына на лоно своей дорогой жены, и, когда она со слезами на глазах улыбается мальчику, муж с жалостью смотрит на нее, нежно ласкает ее рукой и старается утешить. Он велит ей вернуться к своим делам, к ткацкому станку и вате, а сам готовится к войне. Так расстаются эти героические души. Гектор отправляется на поле боя, а его дорогая жена уходит к себе домой, часто оглядываясь и пуская крупные слезы. Достигнув дома, она собирает вокруг себя своих служанок и вызывает у них причитания. "Так оплакивали они Гектора, пока он был жив, в доме своем, ибо думали, что он уже не вернется к ним из битвы и не спасется от ярости ахейцев".

В заключительных сценах драматического повествования снова и снова появляются эти три женщины - Гекуба, Елена и Андромаха. Ахилл продолжает дуться, уходя от битвы, несмотря на попытки Агамемнона примириться. Троянцы одерживают победу за победой. Товарищ Ахилла Патрокл наконец получает разрешение надеть доспехи великого воина и вступает в бой. Гектор, приняв его за Ахилла, вступает с ним в бой и в конце концов убивает его. Ахилл убит горем из-за смерти Патрокла. Его мать Фетида поднимается из морских глубин, чтобы утешить его, и дарит ему доспехи, изготовленные Гефестом. Агамемнон и Ахилл примиряются перед собранием ахейцев, и прекрасная Брисея возвращается к своему возлюбленному. Она пронзительно оплакивает тело Патрокла, который был всегда добр к ней. Ахилл вступает в бой, облаченный в доспехи Гефеста. Только Гектор осмеливается встретиться с ним лицом к лицу, и он убит, а его безжизненное тело тащат за колесницей Ахилла, ликующе несущейся к кораблям. Со стен доносятся жалобные стенания престарелого Приама и убитой горем Гекубы, в чьем плаче - вся горечь материнского горя.

В городе, во внутренних покоях своего дворца, молодая жена занимается плетением двойной пурпурной паутины и руководит работой своих служанок. Все ее мысли заняты мужем-воином, и она велела слуге поставить на огонь большой треножник, чтобы Гектор мог омыться, когда вернется домой после битвы... Славное сердце не знает, как вдали от всех омовений ясноглазая Афина убила его рукой Ахилла! Но вдруг она слышит крики и стоны со стороны крепостной стены, ее конечности дрожат, и челнок падает из ее рук на землю. Она ужасно боится, что Гектора постигла участь от руки Ахилла. В сопровождении своих служанок она бросается к крепостным стенам и видит, как его безжизненное тело тащат быстрые кони к полым кораблям. Темная ночь надвигается на ее глаза и окутывает ее, она падает на спину и задыхается; а когда наконец душа ее возвращается в грудь, она оплакивает свою печальную участь и участь своего ребенка, лишенного такого мужа и отца.

Последующие дни проходят в унынии и печали, каждая сторона оплакивает потерю любимого воина. Наконец царь Приам отвоевывает у Ахилла тело Гектора и приносит его во дворец Гектора, где женщины собираются вокруг трупа, и среди них белорукая Андромаха возглавляет плач, держа в руках голову Гектора, убийцы людей. Гекуба тоже оплакивает Гектора, самого дорогого ее сердцу из всех детей; и, наконец, Елена присоединяется к горестным причитаниям, скорбя о потере самого дорогого из своих братьев в Трое, который никогда не говорил ей плохого слова, но всегда был добр и внимателен. Здесь длинная история приходит к своему естественному завершению. Илиада" открывается сценой гнева, вызванного страстью мужчины к женщине, и завершается сценой траура - женщины скорбят о потере убитого мужа, сына и друга - рыцаря Гектора.

Прежде чем распрощаться с военными сценами, представленными нам в "Илиаде", и переключить внимание на бытовые сцены "Одиссеи", давайте бросим последний взгляд на героинь, появившихся в первом гомеровском эпосе.

Достойна внимания атмосфера красоты, деликатности и очарования, которой поэт окутал Елену Троянскую. Она совершила тяжкий проступок, но в рассказе нет ничего, что могло бы оскорбить нравственное чувство. Это потому, что поэт изобразил ее без соблазнов порока, но со всеми притягательными качествами покаяния. Она согрешила, но это произошло из-за таинственных и непреодолимых уз, соединивших ее с богиней любви; ее нравственная природа не была извращена, и она преисполнена стыда и раскаяния из-за позора, который был брошен на ее имя. Долгим и горьким искуплением она искупила свою вину, и воспоминания о давно минувших днях хранятся в ней во всей своей сладости и чистоте. Можно только сопоставить разницу в отношении, с которой она обращается к Приаму и Гектору, с одной стороны, и к Афродите и Парису - с другой. К первым она испытывает глубочайшее уважение и почтение, а в их присутствии остро чувствует, насколько скомпрометировано ее положение; ко вторым, виновникам ее падения, она испытывает лишь презрение и пренебрежение культурной и высокодуховной царицы. Изображая сожаление Елены о первом муже и презрение ко второму, представляя Менелая и греков сражающимися, чтобы отомстить за "тоску и стоны Елены", и тонко намекая на неизбежность цепей, которыми связала ее Афродита, поэт завоевывает для нее нашу симпатию и восхищение. Гомер нигде не рассказывает о примирении Менелая и Елены после падения Трои, но в "Одиссее" он представляет прекрасную картину Елены в Спарте, снова царицы, любимой мужем и слугами и управляющей своим дворцом с придворной грацией и достоинством; а в пророчестве Протея, морского старца, судьба прекрасной царицы отражена в судьбе ее верного супруга: "Но тебе, Менелай, сын Зевса, не суждено умереть и встретить свою судьбу в Аргосе, пастбище лошадей; ибо боги, лишённые смерти, перенесут тебя на Елисейские равнины и на край света, где находится Радаманф с прекрасными волосами, где жизнь людей легче всего. Там не бывает ни снега, ни бури, ни дождя, но всегда океан посылает пронзительный ветер, чтобы обдувать людей прохладой; да, ведь ты взял в жены Елену, и поэтому тебя считают сыном Зевса".

Таким образом, благодаря браку с рожденной Зевсом Еленой, Менелай сам становится бессмертным и бессмертным, и Гомер, несомненно, хотел представить царственную чету, проходящую вместе на Островах Блаженных зоны вечности.

Гомер послужил литературным образцом для всех последующих греческих поэтов, и вполне естественно, что такая завораживающая концепция, как Елена, часто изображалась и перенималась. Но с изменением формы правления от монархии к олигархии, а от олигархии к демократии старая эпическая концепция героев и героинь часто подвергается уничтожению. В более поздние времена люди стали задумываться над вопросами морали, и

поэты, стремившиеся взвесить проблемы человеческой жизни и судьбы, увидели в карьере Елены старую, старую историю греха и страдания, и они не могли с гомерическим рыцарством унывать над этим роковым шагом, который привел к крушению империй и принес бесконечные беды людям.

Стесихор был первым поэтом, обвинившим Елену во всех винах и страданиях Эллады и Трои; но за это преступление против дочери Зевса, по преданию, он был поражен слепотой и прозрел только после того, как написал отказ, начинающийся: "Неправда эта повесть; не путешествовал ты на скамьях и не приходил в город Трою", - в котором он принял теорию, что настоящая Елена осталась в Египте, а фантом сопровождал Париса в Трою.

Эсхил подробно разбирает страшные последствия греха Елены и перекладывает на ее плечи все страдания Агамемнона и его потомков. "По праву зовется она Еленой", - говорит он; "ад кораблей, ад людей, ад городов". Он считает ее воплощением зла, проклятием двух великих народов. Однако даже суровый Эсхил с должным почтением относится к ее всепобеждающей красоте:

"Ах! Безмолвная, смотри, как она стоит;

Каждый светящийся оттенок, каждое сияющее изящество,

Что очаровывают восторженный взор, мы прослеживаем;

И все еще цветущая форма повелевает,

По-прежнему чтим, по-прежнему обожаем,

хотя и не заботится о своей прежней любви,

Далеко за морем блуждает".

Он также представляет, как ее оставленный муж вечно мечтает о ней, очарованный ее красотой:

"Часто, как короткая дрема, закрывает он глаза,

Его печальная душа успокаивается,

Видения, созданные сном, восходят

Со всеми ее прелестями:

Но тщетна та идеальная сцена, что улыбается

С восторженной любовью и теплым восторгом;

Тщетны его пылкие надежды; его жаждущие руки

Мимолетная форма манит,

На быстрых шестеренках сна проходящий свет".

Эсхил - не единственный из ранних драматургов, для которого Елена была достойной темой; названия четырех утраченных пьес показывают, что Софокл писал об аргивской царице. Однако нет никакой возможности узнать, как этот мастер обращался с романом. Судя по его

трактровке легенды об Антигоне, можно предположить, что Софокл относился к Елене как к женщине редкой красоты и силы, больше грешившей, чем грешившей, и подверг ее характер самому глубокому анализу.

Если Эсхил лишил Елену той деликатности и очарования, которыми наделил ее Гомер, то Еврипид в ряде своих пьес идет еще дальше и низводит ее до уровня обыденной жизни. На ее прекрасную голову сыпались упреки несчастных девиц и матрон Греции и Трои за те беды, которые им пришлось пережить, и мы не всегда должны воспринимать чувства Гекубы или Клитемнестры как выражение собственных убеждений поэта. В *"Дочерях Трои"* он представляет ее в жестоком споре со свекровью, Гекубой, перед Менелаем, оставляя у читателя впечатление, что она - виновная, своенравная женщина, наделенная благородными чертами, а в других пьесах он возлагает на нее груз вины за все ужасные последствия ее поступка; однако в его отношении к Елене всегда присутствует некий неземной элемент, трудноопределимый, но узнаваемый. Она несет разрушения и гибель, ее поносят и упрекают, но сама она не опускается до ругательств и защищена от всех физических недугов, в итоге ее обожают как дочь Зевса, в то время как страдания неизменно удел тех, кто поносит и порицает ее. И, подобно Стесихору, Еврипид в преклонном возрасте заявляет об отказе от своих слов. В *"Елене"* он следует стесихоровской версии и драматизирует легенду о том, что после того, как Афродита пообещала Парису, Гера в отместку создала подобие царицы Елены - дышащий фантом из облачной земли, сотканной для княжеского сына Приама, а Гермес подхватил ее и перенес в залы Протея, царя Египта, чтобы сохранить ее чистоту для Менелая. Так за призрачную Елену греки и троянцы сражались под Троей, а настоящая Елена коротала свои дни в пальмовых садах Египта, с нетерпением ожидая возвращения Менелая и оплакивая свое дурное имя, хотя и была чиста от греха. После войны она счастливо воссоединяется со своим повелителем.

Однако трудно опорочить представление об идеальной красоте, и поздние писатели, отбросив упреки драматургов, вернулись к гомеровскому типу. Греческие риторы нашли в Елене плодотворную тему для панегириков и сделали ее синонимом греческого идеала красоты и женского совершенства. Исократ восхваляет ее как воплощение идеальной красоты и грации; красота, по его словам, всемогуща, а легенда о Елене показывает, что красота - самый желанный из всех человеческих даров. Феокрит в своем изысканном *"Эпиталамии"* отдает безграничную дань ее красоте и доброте. Она "несравненна среди всех ахейских женщин, что ходят по земле; розово-красная Елена, слава Лакедемонии; никто не одарен так, как она, прекрасным рукоделием; да, и правда, никто другой не играет на лире, воспевая Артемиду и широкогрудую Афины, с таким мастерством, как Елена, в глазах которой обитают все Любви".

Квинт Смирней, написавший в четвертом веке нашей эры *"Постгомерику"*, подчеркивает демоническое влияние, управлявшее судьбой Елены, и возлагает ответственность за ее слабость на Афродиту. Он дает прекрасную картину того, как царицу ведут к кораблям ахейцев: "Елена не плакала, но стыд поселился в ее темных глазах и покраснел на ее прекрасных щеках... а вокруг нее народ дивился, глядя на безупречную грацию и пленительную красоту женщины, и никто не смел упрекнуть ее ни тайной насмешкой, ни открытым упреком. А поскольку она была богиней, они смотрели на нее с радостью, ибо она была дорога и желанна в их глазах".

Так легенда о Елене стала аллегорией греческой красоты, а столь изысканный идеал, возвышающий дух и удовлетворяющий стремление к высшему, находит отклик в сердцах ценителей прекрасного в любой эпохе. Романтика Елены, пролежав в спящем состоянии несколько веков, вновь ожила в легенде о Фаусте. Марлоу обработал лишь внешние фазы

легенды о Фаусте; Гете аллегоризировал ее целиком, а в любви Фауста и Елены символизировал страсть эпохи Возрождения к греческому идеалу красоты; плодом союза этих двух людей стал Эвфорион, гений романтического искусства. Не меньшее влияние Елена оказала и на современных английских поэтов. Лэндор в многочисленных стихах изображает миловидность ее характера и всемогущество ее красоты и обаяния; Суинберн останавливается на невинности и радости ее детства; Теннисон говорит о ней как о

"Дочь богов, божественно высокая,

And most divinely fair;"

а Эндрю Лэнг написал длинную поэму о легенде о Елене, в которой он приписывает ее хрупкость неодолимой силе Афродиты. Таким образом, Гомер и гомеровский век неразрывно связаны с именем Елены. Для изучения греческих женщин очень важно, что на заре греческой цивилизации мы находим такую идеальную концепцию женственности - ту, которая универсально пленяет воображение и оказывает влияние на все последующие эпохи.

Теперь давайте на минуту остановимся, чтобы рассмотреть самую милую из всех женщин Гомера, супругу Гектора, белорукую Андромаху. Гомер не уделяет ей много места - только знаменитую сцену расставания и два причитания, которые она произносит по погибшему мужу. Тем не менее, как идеальный тип жены солдата, любящей матери, она завладела воображением современного человека и является самым известным из всех женских персонажей греческого эпоса. Мы знаем, что она должна была быть красивой, хотя Гомер использует только один эпитет для ее описания; мы знаем, что она должна была быть храброй, преданной и домашней, потому что Гомер нарисовал для нас идеальную картину, которая изображает ее со всеми этими и многими другими прекрасными качествами. Андромаха не троянская и не греческая, она универсальна, и везде, где есть сцены разлуки мужа с женой, неопределенности в исходе битвы и судьбе детей, Андромаха будет великим прототипом. Андромаха сердцем чувствует, что священный Илиум обречен, и в те жестокие времена, когда сила была права, она слишком хорошо знала, какова будет судьба ее и отрока Астианакса. Еврипид рассказывает, как сбылись предчувствия Андромахи, и останавливается на тех печальных для дочерей Трои днях, когда после падения города почтовая рука ахейцев унесла их в плен и определила их судьбу по жребию.

Андромаха досталась Неоптолему, доблестному сыну Ахилла, и в *"Дочерях Трои"* Еврипида она вновь появляется с ребенком на руках, возвещая о своем новом рабстве. Она горестно оплакивает своего погибшего Гектора, который мог бы избавить ее от проклятия рабства. Греческий глашатай Талтибий требует у нее отрока Астианакса, которого греки решили сбросить с крепостных стен Трои. Ребенка безжалостно вырывают из объятий матери, а ее саму уводят на полые корабли. Неоптолем везет ее через море в свой дом в Фессалии, любит ее и относится к ней с добротой и вниманием, которые сладостно совершенны. В плену она рождает ему сына, но не по своей воле разделяет с ним ложе, ибо сердце ее хранит память о Гекторе. Спустя много лет Неоптолем женится на Гермione, дочери Менелая и Елены, принцессы Спарты. У них не рождается ребенок, и сердце Гермione наполняется гневом и ревностью к рабу, к которому ее муж по-прежнему относится с нежностью. Вместе с отцом, Менелаем, Гермione в отсутствие Неоптолема замышляет погубить Андромаху и ее мальчика, но престарелый Пелей защищает беззащитных. Неоптолема убивают в Дельфах, а Тетис, появляющаяся в конце *"Андромахи"*, таким образом решает проблему судьбы:

"И эта плененная войной дама, Андромаха,

В молосской земле должна найти дом.

В законном браке с Еленой,

С тем ребенком, который один остался в живых

Из рода Эака. И цари молосские

От него один за другим долго будут царствовать

В блаженстве".

Читатели Вергилия помнят, как Эней нашел Андромуху в молосской земле и как тосковало ее сердце по отроку Асканию, напоминавшему ей о потерянном Астианаксе. Еврипид в основном верен гомеровской концепции Андромухи и наделяет ее в плену той же женственностью и домашними чертами, которые покорили наши сердца в "Илиаде"; тем не менее, в ней есть бесконечная печаль, естественная для той, кто потерял все, чем дорожит жизнь. И все же Еврипид настолько не дотягивает до мастера, что дольше всего в памяти остается сцена расставания в "Илиаде".

Гомер наделяет своих второстепенных персонажей интересом, который для нас не менее реален, чем тот, которым наделены Елена и Андромуха. Из этих второстепенных персонажей выделяются несколько, настойчиво требующих нашего внимания. В самом начале повествования Хрисеида и Брисеида предстают как невинные виновницы ссоры вождей. Хрисея, насколько можно судить, еще дева и не потеряла родных и друзей, попав в плен; ее отец, жрец священной Хрисеи, приходит просить ее освобождения с безграничным выкупом. Поэтому день ее плена короток, и престарелый отец радостно приветствует любимую дочь. Должно быть, она была красива и умна, ведь Агамемнон ценил ее гораздо выше Клитемнестры.

История Брисеи гораздо печальнее и наглядно иллюстрирует судьбу неженки, попавшей в руки врага. Она была пленной вдовой, муж и родственники которой были убиты Ахиллом. Но ее похититель преданно любил ее, и для него она была женой только по имени, а Патрокл обещал ей, что со временем она станет супругой Ахилла. Юный воин горько плачет, когда ее отнимают у него, но в конце "Илиады" мы видим их счастливое воссоединение. Она запомнилась благодаря великим страстям, которые собрались вокруг нее.

Гомер представляет две картины героического материнства в печали - Гекубу и Фетиду; последняя, хотя и богиня, совершенно человечна в своей преданности обреченному на смерть сыну Ахиллу. К ней он идет за утешением, и она всегда находчива в удовлетворении его потребностей. Она оплакивает его судьбу, но, поскольку он выбрал лучшую долю, благородно поддерживает его в любой борьбе. Гекуба - настоящая спутница своего мужа, царя Приама, она участвует в его проектах и разделяет его советы. Она родила ему девятнадцать детей, которых она видела убитыми, одного за другим, от руки врага. Гектор - ее любимый сын, в мужестве которого она видит оплот Илиума. Когда она видит, что его ждет верная смерть, тревога пересиливает гордость, и она умоляет его войти в стены; и когда, наконец, ее сын погибает, мы видим в ней то же смешение горя и гордости. Ее дикое отчаяние, кажется, успокаивается мыслью о том, что ее сын умер со славой. Это героическое чувство поддерживает ее перед трупом Гектора, и даже в своих причитаниях она выражает спокойное мужество.

IV

ЖЕНЩИНЫ ОДИССЕЯ

Прошло десять лет после падения Илиума, и различные герои греков встретили разные судьбы. Агамемнон, царь людей, вернулся на родину, но лишь для того, чтобы встретить измену и смерть от рук Эгисфа, нового повелителя Клитемнестры, его жены. Менелай после долгих скитаний, особенно в Египте, восстановил свое царство в Спарте, а царицей его стала Елена. Одиссей, царь Итаки, совершил самое долгое и опасное путешествие на родину и, встретившись с различными злоключениями, задержался почти на восемь долгих лет, снесдаемый собственным сердцем, на райском острове Калипсо, а тем временем на его собственном острове, Итаке, дела пошли наперекосяк. Вожди острова, люди молодого поколения, начинают свататься к Пенелопе и домогаться ее сына Телемаха. Ухажеры, получив многолетний отпор от прекрасной царицы, становятся наглыми, набрасываются на нее и пожирают ее имущество. В это время начинается действие "Одиссеи".

Настало определенное время, когда по совету богов Одиссей должен вернуться домой, чтобы освободить свой дом, отомстить сватам и вернуть свое царство, и главным помощником в возвращении Одиссея на родину становится Паллас Афина. Она умоляет Зевса освободить его, и в соответствии с этой молитвой Гермес отправляется к Калипсо, чтобы попросить ее отпустить Одиссея. Тем временем богиня в человеческом облике посещает Телемаха в Итаке и призывает юного принца противостоять ухажерам, опустошающим его дом, и отправиться на поиски отца. Тронутая словами богини, юность быстро сменяется мужественностью, и Телемах решает отстаивать свои права и найти отца.

После ухода богини принц попадает во двор, где собрались женихи, и слушает пение знаменитого менестреля Фемию; в его песне рассказывалось о плачевном возвращении ахейцев. Теперь мы впервые видим благоразумную Пенелопу. Из своих верхних покоев она слышит славное пение и спускается по высокой лестнице из своих апартаментов в сопровождении двух служанок. "Когда же прекрасная дама подошла к сватам, она встала у косяка хорошо построенной крыши, держа перед лицом сверкающую покрывку, а по обе стороны от нее стояли верные девы". Она умоляет Фемию прекратить это горестное напряжение, растрavляющее ее сердце в груди, ибо ей, как и всем женщинам, выпало горе, не приносящее утешения, поскольку она хранит в памяти столь дорогую голову - даже того человека, чья слава гремит по всей Элладе до середины Аргоса. Телемах мягко упрекает мать за то, что она прервала песню менестреля, и велит ей вернуться в свою комнату и заняться своими домашними делами, ткацким станком и прялкой, а служанкам - своими делами. Тогда она в изумлении возвращается в свои покои, ибо отложила в сердце мудрое изречение сына. Вместе с женщинами, своими подручными, она поднимается в верхние покои и там оплакивает Одиссея, своего дорогого господина, пока сероглазая Афина не навевает на ее веки сладкий сон.

Телемах начинает отстаивать свои права перед жестокими ухажерами. Когда наступает ночь и каждый отправляется в свой дом, чтобы прилечь отдохнуть, к юному принцу в покои приходит престарелая Эвриклея, которая нянчила его в детстве. Она несет горящие факелы и готовит покои для своего молодого господина; когда он снимает свой мягкий дублет, она

складывает и разглаживает его и вешает на булавку у кровати с шарнирами. Затем она выходит из комнаты, и там всю ночь, завернувшись в шерстяное руно, Телемах размышляет в своем сердце о путешествии, которое указала ему Афина.

На следующий день, после бурного собрания, Телемах тайно отплывает в Пилус, сопровождаемый богиней Афиной в образе Наставника. О его путешествии знает только Эвриклея, верная кормилица юноши, которая дала великую клятву не рассказывать об этом его матери до одиннадцатого или двенадцатого дня. Нестор милостиво принимает Телемаха в Пиле и, поскольку сам не имеет никаких известий об Одиссее, отправляет его в Спарту к царю Менелая в сопровождении собственного сына Писистрата. Менелай и Елена милостиво принимают молодых людей, и Телемах узнает, что Одиссей был пленником на острове глубин в залах нимфы Калипсо.

Тем временем женихи на Итаке узнают об отплытии Телемаха и устраивают засаду, чтобы перехватить его по возвращении. Осмотрительная Пенелопа тоже случайно узнает о его отсутствии и кознях ухажеров, и сердце ее тает при мысли об опасности, грозящей ее ребенку. Добрая кормилица Эвриклея рассказывает ей о плане Телемаха и успокаивает горе царицы. Пенелопа возвращается в свои покои и молится Афине, чтобы та спасла ее дорогого сына и отвратила от него злобу женихов. Когда она лежит в своей верхней палате, постится, не вкушая ни мяса, ни питья, и размышляет о судьбе своего дорогого сына, сероглазая Афина создает фантом в виде сестры Пенелопы, Ифтиме, и посылает ее утешить Пенелопу в ее горе и сетованиях. Успокоенная призраком относительно своего сына, преданная матрона просит весточку о муже, умоляя узнать, жив он или мертв, но в этом ей отказано. И все же сердце удрученной жены и матери веселеет - так сладостно было видение, явившееся ей в ночной темноте.

Теперь Гомер переносит нас на собрание богов. Афина рассказывает о многочисленных бедах Одиссея, и Зевс приказывает богу-посланнику Гермесу попросить Калипсо освободить Одиссея и отправить его в плавание к феакийцам, которым суждено вернуть странника в его родную страну. Гермес быстро достигает далекого острова Огигия, где находился грот нимфы с заплетенными локонами. Прекрасная богиня сразу же узнает его и, устроив ему развлечение, спрашивает о его послании. Калипсо с сожалением и чуть ли не с мятежом принимает повеление Зевса и жалуется на ревность богов, которые запрещают богиням открыто спариваться с мужчинами. Однако, поскольку никто не может отменить замысел Зевса, она подчиняется приказу. Гермес уходит, а нимфа продолжает свой путь к великому сердцем Одиссею. Она застаёт его сидящим на берегу; глаза его никогда не высохли от слез, сладостная жизнь уходила, когда он оплакивал свое возвращение, и сквозь слезы он с тоской смотрел на неосвоенные глубины. Калипсо велит ему больше не печалиться, ибо она отправит его в путь, и указывает ему, как подготовить баржу, на которой он отправится в путешествие. Четыре дня посвящены изготовлению баркаса, а на пятый богиня отправляет его в путь, снабдив едой и питьем для путешествия и вызвав легкий ветер.

Радостный Одиссей с радостью ставит парус, не сводя глаз со звезды Ориона, которую богиня велела ему держать слева от себя, когда он будет пересекать морские просторы.

Семнадцать дней он плывет безмятежно, а на восемнадцатый появляются тенистые холмы земли феакийцев, куда он направляется. Тогда он замечает своего старого врага, Посейдона, и сотрясатель земли собирает тучи и поднимает бурю, а с небес спускается ночь. Огромные волны обрушиваются на Одиссея, и он теряет штурвал из рук, а мачта ломается. Его сбрасывают с плота, но он, снова ухватившись за него, вскарабкивается на него, избегая страшной смерти. Женщине вновь суждено стать средством спасения героя. Ино, дочь

Кадма, в прошлом смертная дева, а ныне морская нимфа, Леукотея, заметив его бедственное положение, сжалилась над ним и дала ему свою вуаль, чтобы обмотать его, когда он бросится в глубину. Когда его плот наконец разбивается, он обматывает его покрывалом, и два дня и ночи оно поддерживает его, пока он не достигает изрезанного берега. Бросив покрывало в поток, чтобы его отнесло обратно к прекрасной Ино, Одиссей, весь в синяках и побоях, пробирается среди камышей на берегу. Он находит привал под двумя оливковыми деревьями, и Афина навевает на его веки сладкий сон.

В ту же ночь дочь царя феакийцев Наусикаа, прекрасная, как богини, спала в роскошных покоях. Ведь именно в островные владения царя Алкиноя, Схерию, страну феакийцев, прибыл Одиссей. Во дворец царя отправилась Афина, придумывая, как вернуть великодушного Одиссея.

"Она отвела его в богато украшенную беседку, где спала дева, подобная богам по форме и красоте, Наусикаа, дочь Алкиноя, высокая сердцем. Рядом с ней, по обе стороны от столбов двери, стояли две подручные, наделенные красотой от Граций, а сверкающие двери были закрыты.

"Но богиня, стремительная, как дыхание ветра, пронеслась к ложу девы и встала над ее головой".

В облике любимой подруги и товарища Наусикаа богиня обращается к ней:

"Наусикаа, как мать твоя так невнимательна к своей дочери? У тебя есть блестящие одежды, которые лежат на тебе без ухода, и близок день твоего брака, когда ты сама должна пойти красиво одетая и иметь одежду, чтобы дать ее тем, кто поведет тебя в дом жениха. И вот, от этих вещей идет добрая молва среди людей, от которых радуются отец и мать. Но пойдем, встанем и пойдем умываться с рассветом, а я пойду за тобой, чтобы быть тебе помощником в труде, чтобы без промедления приготовить тебя, ибо, поистине, недолго тебе быть девицею. Вот, они уже сватаются к тебе, благороднейшие юноши из всех феакийцев, из того народа, откуда ты сама ведешь свой род. Так приди же, умоли благородного отца твоего утром, чтобы он дал тебе мулов и вьюки для перевозки мужских одежд, одеяний и блестящих покрывал. Да и для тебя самого будет лучше идти так, чем пешком, ибо места, где мы должны мыться, находятся на большом расстоянии от города".

Так сказала сероглазая Афина и удалилась на Олимп, место обитания богов.

"Вскоре наступил тронный рассвет и разбудил Наусикаа в прекрасном одеянии, которая сразу же изумилась сну и пошла по залам, чтобы рассказать родителям, своему отцу и своей матери. И нашла она их внутри: мать сидела у очага с женщинами, ее подручными, и пряла пряжу пурпурного цвета, а отца она встретила, когда он шел на совет к прославленным царям, куда его позвали благородные феакийцы. Стоя рядом с отцом, она заговорила, говоря: "Отец, дорогой, не одолжишь ли ты мне высокую повозку с крепкими колесами, чтобы я могла отнести к реке постирать доброе одеяние, так сильно испачканное мною? Да и тебе самому, когда ты бываешь на совете с князьями, подобает иметь свежую одежду. Кроме того, в залах есть пять твоих дорогих сыновей, двое женаты, а трое - похотливые холостяки, и они всегда жаждут новых белых одежд, в которых можно ходить на танцы; обо всем этом я подумала".

"Так она сказала, потому что стыдилась говорить о радостном браке своему отцу; но он все видел и ответил, сказав:

"Ни мулов, ни чего-либо другого я не жалею для тебя, дитя мое. Иди своей дорогой, а рабы подготовят тебе высокую повозку с хорошими колесами и с верхней рамой".

И вот, повинуясь приказу царя, во дворе готовят упряжку мулов, а дева и ее мать складывают в повозку одеяния, корзину, наполненную всевозможной едой, вино в бутылке из козьей кожи и оливковое масло в золотом ящике, чтобы царевна и ее служанки могли помазаться после купания. Затем сама Наусикаа берет кнут и поводья, и они с сопровождающими отправляются на веселый праздник. Когда они достигают потока реки, девы отвязывают мулов и отпускают их пастись на медово-сладком клевере. Затем они достают одежду, стирают и очищают ее от всех пятен и раскладывают на берегу, чтобы она высохла. Закончив работу, они купаются, намазываются оливковым маслом и принимают полуденную трапезу на берегу реки. Теперь наступает время девичьих забав. Они предаются хоровой игре в мяч, отбросив головные уборы, и среди них Наусикаа с белыми руками, затмившая красотой свою девичью компанию, начинает песню.

Но Афина отменяет это девичье веселье, чтобы спасти своего героя. Принцесса бросает мяч в одну из своих спутниц, но он попадает в нее и падает в бурлящую реку, и тогда все девы поднимают пронзительный крик, на который способны только девы. Одиссей просыпается и, приподнявшись, гадает, в какую страну он попал; конечно, это был пронзительный крик дев, но нимф или смертных, он сказать не может. Однако он решил написать очерк и, сорвав с дерева ветку с листьями, чтобы укрыться, выскочил из чащи, как горный лев. Отвратительный и страшный, обезображенный морской рапой, он предстает перед девами, и они разбегаются, трусая по берегу. Только дочь Алкиноя стоит твердо, ибо Афина вселяет в нее мужество и снимает дрожь с ее конечностей. Одиссей не осмеливается подойти к ней с видом просителя, но, стоя в стороне, умоляет ее о сострадании сладкими и хитрыми словами:

"Молю тебя, о царица, кто ты - богиня или смертная! Если ты действительно богиня из тех, что хранят широкое небо, то Артемиде, дочери великого Зевса, я уподобляю тебя по красоте, росту и стройности. Если же ты одна из дочерей людей, живущих на земле, то трижды благословенны отец твой и госпожа мать твоя, и трижды благословенны братья твои. Их души, конечно, светятся радостью за тебя каждый раз, когда они видят, как ты выходишь на танец, столь прекрасный цветок девы! Но тот, кто одолеет тебя дарами ухаживания и приведет в свой дом, благословеннее всех остальных. Никогда еще мои глаза не видели такого среди смертных, ни мужчин, ни женщин; великий трепет охватывает меня, когда я смотрю на тебя".

"Но, королева, сжался надо мной, ибо после многих испытаний и мук я пришел прежде всего к тебе, а из других людей, владеющих этим городом и землей, я не знаю никого. Покажи мне город, дай мне старую одежду, чтобы накинуть ее на себя, если у тебя, когда ты приехала сюда, была какая-нибудь упаковка для белья. И пусть боги исполнят все желания твоего сердца: дадут тебе мужа и дом, и разум единый с его разумом - добрый дар, ибо нет ничего могущественнее и благороднее, чем когда муж и жена едины сердцем и разумом в одном доме - горе врагам, радость друзьям, но лучше всего это знают их собственные сердца".

Тогда ответила ему Наусикаа с белыми руками и сказала: "Чужеземец, поскольку ты не кажешься ни злым человеком, ни глупцом, а сам Зевс Олимпийский дает людям благо, добрым и злым, каждому по его воле, и таков, несомненно, твой жребий, и ты должен во что бы то ни стало вынести его, - теперь, раз уж ты пришел в наш город и нашу землю, ты не будешь испытывать недостатка ни в одежде, ни в чем другом, что полагается несчастному

просителю, когда он встретил тех, кто может его приютить. И я покажу тебе город и назову имена жителей. Этот город и земля принадлежат феакийцам, а я - дочь Алкиноя, великого сердцем, от которого зависит вся мощь и сила феакийцев".

Затем царица позвала своих служанок и велела им дать чужеземцу мяса и питья, оливкового масла для омовения и одежды, чтобы он мог одеться. И когда он искупался, помазался и надел одежду, Афина "сделала его еще более великим и могучим на вид и с головы его спустила глубокие, вьющиеся локоны, подобные цветку гиацинта", осыпав изяществом его голову и плечи.

"Тогда Одиссей вышел на берег моря и сел, сияя красотой и изяществом; и царица дивилась ему, и говорила среди своих прекрасных дев, говоря

"Слушайте, мои белорукие девы, и я скажу вам кое-что. Не без воли всех богов, владеющих Олимпом, появился этот человек среди богоподобных феакийцев. Раньше он казался мне некрасивым, но теперь он подобен богам, хранящим широкие небеса. Если бы такой человек мог называться моим мужем, живя здесь, и чтобы ему было приятно здесь жить! Но пойдемте, девы мои, дайте страннику мяса и питья".

Перед проголодавшимся Одиссеем ставят еду, и, утолив его голод, Навсикаа готовится к возвращению домой. Она обращается к герою и дает ему полные указания, как добраться до дворца ее отца; часть пути он может сопровождать ее, но только не тогда, когда они приближаются к многолюдной части города, ибо она боится недоброжелательных отзывов бездельников и прохожих.

"И кто-нибудь из низкого рода может встретить меня и сказать: "Кто это идет с Навсикаа, этот высокий и красивый незнакомец? Где она его нашла? Он будет ее мужем, ее собственным. Либо она приютила какого-то потерпевшего кораблекрушение странника из чужеземцев, ибо никто из мужчин не живет рядом с нами; либо какой-то бог пришел в ответ на ее мгновенную молитву; он спустился с небес и возьмет ее в жены навеки. Лучше, если она сама отправится за границу и найдет себе господина из чужой страны, ибо, поистине, она не почитает феакийцев, живущих в этой стране, многих мужчин и знатных, которые являются ее ухажерами". Так будут говорить они, и это послужит мне укором. Да и сам я счел бы порицанием другую девицу, которая поступает так вопреки своим друзьям, отец и мать которой еще живы и которая общалась с мужчинами до дня открытого брака. Но, чужеземец, прислушайся к моим словам, чтобы как можно скорее получить от моего отца сопровождение и безопасное возвращение. Ты найдешь прекрасную рощу Афины, тополиную рощу у дороги, в ней бьет родник, а вокруг раскинулся луг. Там находится владение моего отца и его плодоносный участок, не доходящий до города на расстоянии человеческого крика. Сядь там и жди, пока мы не войдем в город и не дойдем до дома отца моего. Когда же ты сочтешь, что мы добрались до дворца, то отправляйся в город феакийцев и спроси дом отца моего Алкиноя, высокодушно. Он легко узнаваем, и малое дитя может быть твоим проводником, ибо нигде не строят подобных ему домов феакийцы, так хорош дворец героя Алкиноя. Но когда ты окажешься в тени залов и двора, быстро пройди через большие покои, пока не придешь к моей матери, которая сидит у очага при свете огня и тклет пряжу пурпурного цвета, на которую можно любоваться. Ее кресло прислонено к колонне, а за спиной сидят ее служанки. А рядом с ней стоит трон моего отца, на котором он сидит и пьет свое вино, как бессмертный. Пройди мимо него и положи руки свои на колени моей матери, чтобы быстро и с радостью увидеть день своего возвращения, даже если ты из очень далекой страны. Если только сердце ее будет благосклонно к тебе, то есть надежда, что ты

увидишь своих друзей и придешь в свой хорошо построенный дом и в свою страну". Умная дева уже узнала, где находится истинная власть.

Вскоре незнакомец и дева расстаются, и Наусикаа подъезжает к воротам дворца, ее братья отвязывают мулов от повозки и заносят вещи внутрь; затем дева проходит в свои покои, где ее встречает служанка Эвримедуза и готовит ужин. И в этот момент Наусикаа ускользает от основной нити повествования, поскольку девам не разрешалось принимать участие в общественных мероприятиях, которыми царь развлекал свою гостью.

Когда Одиссей встречает благосклонный прием у царской четы, царица узнает одежду, в которую он одет, и это приводит к рассказу о его спасении, но пока умалчивает его имя. Алкиной склонен порицать свою дочь за то, что она не привела спасенного в дом, когда вернулась со своими девицами, но Одиссей галантно защищает непорочную деву. И Алкиной, тронутый его княжеским положением, выражает желание, чтобы столь благородный человек женился на его дочери и стал называться его сыном, оставаясь там. Но царь не настаивает, и приглашение, вероятно, было просто вежливой формой выражения, обычной в те ранние времена.

Еще один взгляд на принцессу Наусикаа. После дня спортивных состязаний и различных развлечений Одиссей переодевается к вечеру и собирается присоединиться к вождям за вином.

"А Наусикаа, одаренная богами красотой, стояла у косяка хорошо выстроенного зала и дивилась Одиссею, видя его перед собой, и возвысила голос, и сказала ему крылатые слова:

"Прощай, странник, и даже в своей стране вспоминай обо мне, ибо мне первому ты дал выкуп за жизнь".

И Одиссей, многомудрый, ответил ей: "Наусикаа, дочь великодушного Алкиноя, да дарует мне Зевс, громовержец, владыка Геры, достичь дома моего и увидеть день возвращения моего; так бы и там я поклонялся тебе, как богу, все дни мои во веки веков, ибо ты, госпожа, дала мне жизнь мою"".

Так деликатно Одиссей сделал покровителем чистую сердцем деву, которая так невинно проявила свою любовь к нему.

Царственно развлекали Одиссея царь Алкиной и его благородная царица Арета, дочь его брата, которую он "почитал так, как не почитают ни одну женщину в мире, из всех, что ныне держат дом под рукой своих владык. Поэтому она имеет и всегда имела сердечное поклонение от своих дорогих детей, от своего повелителя Алкиноса и от всего народа, который смотрит на нее, как на богиню, и приветствует ее благоговейными речами, когда она идет по городу. Да, ибо и у нее нет недостатка в понимании. К кому бы она ни проявила благосклонность, даже если это мужчины, она прекращает их вражду".

После пира менестрель Демодок спел историю о деревянном коне, и при воспоминании обо всем, что ему пришлось пережить, сердце Одиссея растаяло, а слезы увлажнили щеки под веками. Хозяин заметил его горе и попросил рассказать о своих приключениях. Одиссей рассказал о своих странствиях, начиная с падения Трои и заканчивая прибытием к феакийцам. Герой снова и снова боролся с людьми, с гигантами и чудовищами, с силами природы и, наконец, с еще более могущественным противником - любовью богинь.

Среди его приключений - рассказ о путешествии на остров Эя, где жила Цирцея, ужасная богиня, владеющая речью смертных, родная сестра волшебника Ээта и тетка еще более

ужасной чаровницы Медеи. Жила она в доме из полированного камня, а вокруг ее дворца бродили порожденные горами волки и львы, которых она сама околдовала злыми снадобьями. Когда половина его отряда приблизилась к дому, они слышали, как Цирцея сладко поет, проходя туда-сюда перед огромной паутиной, нетленной, как творения богинь, тонкой, изящной и великолепной; поистине пленительной богиней была она, хотя и довольно жуткой в своем окружении. Когда товарищи Одиссея воззвали к ней, она милостиво пригласила их войти. "Она ввела их в дом и усадила на стулья и высокие сиденья, и приготовила им кашу из сыра, ячменной муки и желтого меда с прамнийским вином, и подмешала к пище вредные снадобья, чтобы они совсем забыли свою страну. Когда же она дала им чашу, и они выпили ее, тогда она ударила их жезлом, и запеленала их в свиные пеленки. Так что голова и голос, и щетина, и форма у них были свиные, а разум оставался прежним. Так они и сидели там, плача, а Цирцея бросала им на съедение желуди, мачту и плоды кизилового дерева, на котором всегда сидят свиньи".

Только у одного хватило ума не входить туда, и он поспешил вернуться, чтобы рассказать об этом своему господину. Одиссеей отправился один спасать своих товарищей; на пути ему встретился Гермес в облике юноши и дал ему *моли*, волшебную траву, и полные указания по ее применению, чтобы отгонять чары.

Прекрасная Цирцея принимает его очень любезно и тоже готовит для него волшебное зелье, но на этот раз ее чары не срабатывают. Он достает свой меч, чтобы убить ее, и тогда она становится подательницей. Она нашла свою пару и сразу же, как если бы была смертной, влюбляется в него. Теперь ее доброта - ее главное очарование. Она дает великую клятву не причинять вреда ни ему, ни его спутникам и возвращает к естественной форме тех, кого уже околдовала. Королевские развлечения, любезное гостеприимство и слова напутствия - все это теперь в порядке вещей: сопровождающие нимфы, восхитительные ванны и роскошные банкеты. Так они оставались там целый год, пируя от изобилия плоти и сладчайшего вина.

Леди Цирцея оказалась советчицей и другом Одиссея и подсказала ему, как исполнить его заветное желание - посетить царство Аида и найти дух фиванца Тиресия, чтобы тот открыл страннику его будущее. Затем, облачившись в большую сияющую мантию, легкую и благодатную, подпоясавшись золотым поясом и покрыв голову вуалью, она простилась с Одиссеем и его командой и послала благосклонный ветер в качестве любезного сопровождения для темного корабля.

Во время спуска в Аид Одиссеем беседует с фиванским провидцем, который открывает ему его судьбу, а также с призраком его матери, который рассказывает ему, что верная Пенелопа с твердым духом пребывает в его чертогах, и для нее ночи всегда сходят на нет, а дни проходят в пролитии слез; и как она сама лишилась сладкой жизни из-за своей тяжелой тоски по нему.

А вслед за ней появляется большая компания знаменитых женщин героических времен, жен и дочерей могучих мужчин, любимых богами и прославленными смертными: Тиро, прародительница дома Нестора; Антиопа, мать Амфиона и Зета, основателей семивратных Фив; Алкмена, мать Геракла; и Эпикаста, мать Эдипа, выданного замуж за собственного сына; и прекрасная Хлорис, жена Нелея; и Леда, мать Кастора и Поллукса; и Ифимедия, и Федра, и Прокрис, и Мера, и Климена, и ненавистная Эрифилы, и бесчисленное множество других жен и дочерей героев, - вот *каталог знаменитых женщин*, оказавших могучее влияние в героические времена, составленный Гомером.

Когда Одиссеем возвращается на остров Эя, Цирцея встречает их, и они снова наслаждаются мясом и хлебом в изобилии и темным красным вином. А нашего героя Цирцея разводит в стороны и заставляя сесть, и ложится к его ногам, и спрашивает обо всем, что он

рассказывает. Затем она предупреждает его об опасностях, с которыми ему еще предстоит столкнуться, и рассказывает, как их встретить. Затем, со словами прощания, она отправляет путников в путь с благоприятным ветром. Сначала Одиссей сталкивается с сиренами, чьими чарующими песнями он наслаждается, будучи привязанным к мачте, а уши его спутников заткнуты воском; он избегает Скалы, спасается от Сциллы и Харибды; наконец, на Острове Солнца его товарищи убивают и пожирают священный скот Гелиоса - в нарушение предупреждений Тиресия и Цирцеи. В результате все погибают во время кораблекрушения, кроме Одиссея, который, проплыв десять дней на плоту, достигает острова Огигия, обители прекрасной нимфы Калипсо, которая держит его как своего возлюбленного восемь долгих лет и хочет сделать его бессмертным.

Так закончилась сказка - все заворуженно смотрят на эту историю в тенистых залах, а Алкиной и его придворные преподносят Одиссею всевозможные дары. На следующий день корабль готовят к отплытию в далекую Итаку, дары складывают на борт, устраивают прощальный пир, и Одиссей прощается со своими любезными хозяевами:

"Господин мой Алкиной, самый знатный из всех людей, налейте мне питья и отправьте меня в путь; а что касается вас, то счастливо вам. Ведь теперь у меня есть все, чего желало мое сердце, - эскорт и любезные дары. Пусть боги небесные дадут мне удачу с ними, и пусть я найду свою благородную жену в моем доме с моими друзьями невредимой, а вы, со своей стороны, оставайтесь здесь и радуйте своих нежных жен и детей; и пусть боги гарантируют всевозможные блага, и пусть никакое зло не приближается к людям!"

После благодарного прощания с царицей Аретой героя проводят на корабль, где он ложится на расстеленные для него мягкие ковры, и вскоре на его веки опускается крепкий, очень сладкий сон.

Когда Одиссей просыпается, он оказывается на своей дорогой родине, хотя и не узнает ее, пока не появляется богиня Афина и не рассказывает ему, как он должен вернуть себе жену и царство. Для нас же в центре повествования - царица Пенелопа, которая уже много-много лет ждет возвращения своего повелителя.

Одиссей, переодетый богиней в форму престарелого нищего, отправляется в хижину свинопаса Эвмея, с помощью которого должен быть осуществлен заговор по уничтожению сватов, а Афина призывает Телемах вернуться из Лакедемона, чтобы встретиться с отцом и принять участие в финальных сценах. Когда юноша возвращается во дворец после беседы с отцом, "кормилица Эвриклея увидела его гораздо раньше всех, когда расстилала на резных стульях покрывала из кожи; и тотчас же она приблизилась к нему, плача, и все другие девы Одиссея, скрепя сердце, собрались вокруг него и с любовью целовали его в голову и плечи". И вот мудрая Пенелопа вышла из своих покоев, подобная Артемиде или золотой Афродите, и обняла своего дорогого сына, и упала на колени, и плакала, и целовала его лицо и оба его прекрасных глаза, и плакала громко, и говорила ему крылатые слова:

"Ты пришел, Телемах, милый свет моих очей; я думала, что никогда больше не увижу тебя, после того как ты тайно и без моей воли отправился на своем корабле в Пилус искать вестей о твоём дорогом отце. Ну-ка, скажи мне, какой знак ты получил от него?"

Телемах рассказывает матери о своем путешествии, а его друг Феоклимен, обладающий даром второго зрения, пророчит скорое возвращение Одиссея. Вскоре герой сам появляется нищим в своих чертогах и подвергается грубому обращению со стороны надменных ухажеров. Он жестоко избивает хвастливого нищего Ируса, и история о его присутствии разносится по всему дому.

Постоянной Пенелопе не терпится услышать хоть что-нибудь о своем повелителе, и каждый странствующий чужестранец с рассказом мог получить от нее богатые подарки, придумав какую-нибудь историю об Одиссее. Услышав о нищем в своих залах, она призывает его к себе, расспрашивает и рассказывает о своем горе и желании получить новые вести об отсутствующем. Когда хитрый Одиссей стал рассказывать о том, как он развлекал ее владыку на Крите, у нее потекли слезы, и она оплакивала своего господина, который сидел рядом с ней. Переодетый герой сжалился над женой, но хитростью скрыл слезы и так подробно описал внешность Одиссея, что она не смогла отрицать сходства.

Затем престарелую кормилицу Эвриклею, которая ухаживала за ним в юности, просят омыть ноги старика. Пока старуха готовит котел, Одиссея охватывает внезапный страх, что, когда она возьмет в руки его ногу, на ней останется шрам от раны, которую в юности нанес ему кабан своим белым клыком. Когда же старуха взяла в руки его конечность со шрамом, она узнала его по прикосновению, и горе и радость охватили ее, и она назвала его Одиссеем, своим дорогим ребенком. Так бы и сообщила она радостную весть Пенелопе, если бы Одиссей не схватил ее за горло и не заставил поклясться хранить его присутствие в тайне до тех пор, пока не будут убиты сваты владыки.

ЦИРК

По картине Анри П. Мотта.

Миф о Цирcee, превращающей спутников Улисса в свиней, свидетельствует о религиозной вере древней Греции в магическое превращение людей в животных.

На следующий день происходит знаменитое испытание лука Одиссея, который никто из женихов не может натянуть; тогда Одиссей берет лук в руки, натягивает его, пускает стрелу

через наконечники топоров и, наконец, вскочив на каменный порог, расправляется с женихами. Жалкая компания перебита, неверные женщины повешены, а во дворце Одиссея воцаряется зловещая тишина.

Эвриклея спешит в верхние покои, чтобы сообщить царице Пенелопе радостную весть о том, что Одиссей точно пришел и расправился с надменными сватами. Прекрасная дама с трудом верит в эту весть, но в конце концов уговаривает ее спуститься вниз и увидеть мертвых сватов и того, кто их убил.

"С этими словами она спустилась из верхней палаты, и сердце ее долго размышляло, стоит ли ей стоять в стороне и расспрашивать своего дорогого господина или приблизиться и прижать к себе его голову и руки. Но, войдя внутрь и переступив каменный порог, она села напротив Одиссея, при свете огня, у дальней стены. А он сидел у высокой колонны, глядя вниз и ожидая, не заговорит ли с ним его благородная жена, когда глаза ее встретятся с его глазами. Но долго сидела она в молчании, и изумление овладело ее душой, и вот она уже пристально смотрит на него своими глазами, и вот она снова не узнает его, потому что он одет в гнусную одежду. И упрекнул ее Телемах, и заговорил, и воззвал к ней:

"Мать моя, злая мать, с нежным сердцем, почему ты отворачиваешься от моего отца и не садишься рядом с ним, не расспрашиваешь его и не спрашиваешь его обо всем? Ни одна женщина в мире не ожесточила бы своего сердца, чтобы так отстраниться от своего господина, который после долгих и тяжких мук приехал к ней на двадцатом году в свою страну. Но сердце твое всегда тверже камня".

Тогда мудрая Пенелопа ответила ему: "Дитя мое, разум мой поражен во мне, и нет у меня сил ни говорить, ни спрашивать его о чем-либо, ни, тем более, смотреть на него лицом к лицу. Но если это действительно Одиссей, и он действительно вернулся домой, то, конечно, мы будем знать друг друга тем вернее; ведь у нас есть знамения, о которых знаем мы двое, даже мы, втайне от всех остальных".

"Так говорила она, и улыбнулся стойкий, добрый Одиссей, и быстро сказал он Телемаху крылатые слова: "Телемах, оставь теперь мать твою, чтобы она испытала меня в покоях; так она скоро придет к лучшему знанию, чем прежде".

"Тем временем хозяйка дома Эвринома купала великодушного Одиссея в своем доме, помазала его оливковым маслом и надела на него добротную мантию и дублет. Кроме того, Афина осыпала его красотой с головы до ног и сделала его более великим и могучим на вид, а с головы его спустила глубокие, вьющиеся локоны, подобные цветку гиацинта. И как когда какой-нибудь искусный человек накладывает золото на серебро, которого Гефест и Палласа Афина научили всякому ремеслу, и полна изящества его работа, так и Афина пролила благодать на его голову и плечи; и вышел он из бани, по форме подобный бессмертным. Затем он снова сел на высокое сиденье, с которого поднялся, напротив своей жены и обратился к ней, сказав:

"Странная госпожа, конечно, тебе, превыше всего человечества, олимпийцы дали сердце, которое нельзя смягчить. Ни одна женщина в мире не ожесточилась бы, чтобы так отстраниться от мужа, который после долгих мук и страданий пришел к ней на двадцатом году жизни в свою страну... Подойди же, сестра, постели мне ложе, чтобы я лежал один, ибо, верно, дух ее в ней как железо".

Тогда мудрая Пенелопа ответила ему: "Станный человек, у меня нет ни гордых мыслей, ни презрения к тебе, ни сильного удивления, но я хорошо знаю, каким человеком ты был, когда

отправился из Итаки на длиннокрылой галере... Но поди, Эвриклея, расстели для него хорошее ложе вне брачной палаты, которую он построил сам. Принеси туда доброе ложе и брось на него постельные принадлежности, даже ворсинки, ковры и блестящие покрывала".

Так она говорила и допытывалась у своего господина, а Одиссей в страшной досаде обратился к своей верной жене со словами: "Поистине, горько слово твое, госпожа, которое ты произнесла. Кто постелил мне постель в другом месте? Трудно это сделать одному, сколь бы искусен он ни был, если только не придет бог, который, если захочет, легко поставит его на другое место. Но из людей не живет никто, как бы ни был силен в молодости, кто мог бы легко поднять ее; потому что великое чудо в фасоне кровати, и это я сделал ее, и никто другой. Во внутреннем дворе рос оливковый куст, длиннолистный и прекрасного роста, и стебель его был велик, как столб. Вокруг него я построил палату, пока не закончил ее, из камней, тесно пригнанных друг к другу, и хорошо покрыл ее крышей, и приделал к ней уплотненные двери, хорошо подогнанные. Затем я срезал всю легкую древесину с длиннолистной оливы, грубо обтесал ствол вверх от корня и выровнял его по кругу клещами, хорошо и искусно, провел прямую линию и сделал из нее столб для кровати, и все это я просверлил шнеком. Начиная с этого изголовья, я работал над кроватью, пока не закончил ее, и сделал ее красивой с инкрустацией из золота, серебра и слоновой кости. Затем я прикрепил к нему яркую пурпурную ленту из воловьей кожи. И вот я объявляю тебе этот знак, и не знаю, госпожа, стоит ли еще кровать на своем месте, или кто-то отрезал стебель оливкового дерева и поставил кровать в другом месте".

"Так он говорил, и тотчас же колени ее разжались, и сердце ее растаяло внутри, когда она узнала верные знаки, которые показал ей Одиссей. Тогда она упала, рыдая, и побежала прямо к нему, и обвила руками его шею, и целовала его голову, и говорила, говоря:

"Не ропщи на меня, Одиссей, ведь в иные времена ты был мудрейшим из людей. Это боги дали нам печаль, боги, которые завидовали, чтобы мы жили вместе, радовались молодости и пришли к порогу старости. Так не гневайся же на меня, что я не приветствовал тебя с радостью, как сейчас, когда впервые увидел тебя. Ибо всегда сердце мое в груди моей трепетало от страха, чтобы не пришел какой-нибудь человек и не обманул меня своими словами, ибо много есть таких, которые придумывают корыстные замыслы и зло. Даже аргивянка Елена, дочь Зевса, не стала бы ложиться с чужеземцем и брать его в любовники, если бы знала, что воинственные сыновья ахейцев вернут ее домой, в ее родную страну. Как бы то ни было, на этот постыдный поступок ее подтолкнул бог; никогда до этого она не хранила в сердце мысль об этой глупости, горькой глупости, откуда и на нас впервые обрушилась печаль. Но теперь, когда ты рассказала все верные приметы нашего ложа, которое никогда не видел смертный, кроме тебя и меня, и только одной девы, дочери Актора, которую отец отдал мне еще до того, как я пришла сюда, той, что хранила двери нашей крепкой брачной палаты, теперь ты склоняешь мою душу, всю нежную, как она есть".

"Так она говорила, а в сердце его разгоралась еще большая тоска, и он плакал, обнимая свою любимую и верную жену. И как для пловцов, чей кованый корабль Посейдон разбил на глубине, все погнало ветром и вздымающимися волнами, и лишь остаток вырвался из серой морской воды и доплыл до берега, и все их тела покрылись коркой рассола, и с радостью они ступили на сушу и избежали злого конца, так и для нее желанным был вид ее господина, и свои белые руки она никогда не отпускала от его шеи.

"Когда оба насытились сладостной любовью, они с удовольствием стали рассказывать друг другу сказки. Прекрасная дама поведала обо всем, что ей пришлось пережить в залах при виде губительной толпы ухажеров, которые ради нее зарезали много скота, коней и хороших

овец, и не один бочонок вина был разбит. И, в свою очередь, Одиссей, из рода Зевса, поведал обо всех горестях, которые он причинил людям, и о своих собственных страданиях и печалях; и она была в восторге от рассказа, и сладкий сон не опускался на ее веки, пока не закончилась сказка".

Наполненная событиями домашней жизни в героические времена, "Одиссея" представляет нам плеяду женщин, если не более впечатляющую, то уж во всяком случае более блистательную, чем в "Илиаде". Кто из этих привлекательных фигур заслуживает нашего внимания в первую очередь, если не героиня поэмы?

Королева, жена, мать, чувства, которые больше всего характеризуют Пенелопу, - это любовь к мужу, ребенку и дому; ее главная интеллектуальная черта - благоразумие. Мы находим в ней редкое сочетание теплоты темперамента и здравости суждений. Ее благоразумие не исключает глубокой преданности, тоски по отсутствующему человеку и вспышек негодования по поводу несправедливости, причиненной ее сыну. Ее любовь к Одиссею сильна и постоянна. Существует красивая легенда о том, что когда Одиссей пришел за своей невестой, ее отец умолял ее остаться с ним в старости. Колесница готова унести ее, и дева на мгновение замирает, колеблясь между любовью и долгом. Одиссей предоставляет ей право выбора, но, опустив вуаль, она дает понять, что куда идет ее возлюбленный, туда пойдет и она. Такая сильная привязанность знаменует собой двадцать долгих лет разлуки. Каждую ночь она оплакивает Одиссея, своего дорогого господина, пока сероглазая Афина не навеивает на ее веки сладкий сон. Она с нетерпением ждет его возвращения, хотя порой и отчаянно надеется на него; она расспрашивает каждого незнакомца, чтобы узнать что-нибудь о страннике. Пенелопа также преданная мать. Она всегда беспокоится о сыне, горюет о нем, когда отсутствует, а когда находится дома, оберегает его, насколько это возможно, от наглости ухажеров. В своем послушании сыну она, похоже, следовала греческим обычаям, которых ожидала от вдовы.

В отношениях с ухажерами Пенелопа заняла единственно возможную позицию для женщины, которая будет бесконечно долго ждать возвращения своего господина. Родители и сын, греческие обычаи и прецеденты - все ожидали, что вдова снова выйдет замуж после столь долгого перерыва. А ухажеры были наглыми, они переполнили дворец и быстро растащили имущество Телемаха. Поэтому только кокетливыми уловками она могла отсрочить злой день.

Во всем Пенелопа была образцовой хозяйкой, постоянно занималась женскими делами, следила за работой своих служанок, с материнской заботой присматривала за младшими слугами, а к пожилой рабыне проявляла дочернюю почтительность. Но когда нелюдимиой Меланфо не хватает уважения, царица сурово призывает ее к чувству долга. Когда возвращается ее муж, которого она ждала двадцать долгих лет вдовства, она не бросается сразу в его объятия. Она боится, что бог может обмануть ее, и, чтобы сохранить для Одиссея сокровища нежности, хранящиеся в ее сердце, она придумывает всевозможные хитроумные испытания, чтобы убедиться, что это действительно он. Никогда не было в женском сердце более пылкого пламени любви и преданности; никогда в женской голове не было столь тонкого ума, столь верного суждения. Когда мы в полной мере оценим очарование характера Пенелопы, мы лучше поймем, как герой должен пожертвовать преданностью богини ради любви такой женщины.

"Эти двое наконец встречаются вместе, он - после долгих странствий, а она - после того, как терпела настойчивые ухаживания женихов в своем дворце; и в этом заключается пафос "Одиссеи". Женщина, несмотря на увядшую молодость и слезные годы вдовства, все еще

ждет своего повелителя. А он, не покоренный наслаждениями, брошенными ему на пути, не одолеваемый опасностями, мысленно цепляется за невесту, которую он вывел, румяную деву, из отцовских покоев. О справедливый, тонкий и могучий Гомер! Греческого здесь не больше, чем иврита, или латыни, или немецкого. Это чистая человечность".

В сюжет "Одиссеи" тесно вплетена нестарая и трогательная фигура верной рабыни Эвриклеи, которая своей преданностью стала членом семьи, которой служит. Взятая в плен в девичестве, она выхаживала Одиссея в его детстве, а позже - его собственного сына Телемаха. Таким образом, она стала для обоих второй матерью. Она помогает царице управлять домом, воспитывать сына, помогать чужеземцу. Когда она узнает своего господина, как восторженна ее радость, как жаждет она разделить ее со своей госпожой! И все же она умеет хранить тайны.

Цирцею и Калипсо называют богинями, но в своей любви к Одиссею они спускаются на землю и в своих чертах вполне человечны. Калипсо питается амброзией и нектаром, живет в таинственном гроте на заколдованном острове, но любит, как любая смертная женщина, и горько плачет, когда получает от богов повеление отпустить Одиссея. Чародейка Цирцея гораздо опаснее, она с уродливым удовольствием превращает мужчин в свиней, но, влюбившись в Одиссея, она становится царственной дамой, внимательной к его товарищам, во всех отношениях его проводником, философом и другом. В отличие от Калипсо, она не стремится задержать Одиссея против воли богов, а по истечении года отправляет его в путь.

Вернемся к домашним героиням: Царица Арета из Феакии, как и Пенелопа, является примером того возвышенного положения, которое занимали женщины в царских домах героических времен. Она оказывает на подданных своего мужа то же влияние, что и в семейном кругу. Ее дети разделяют почитание и привязанность, которыми она пользуется у мужа и народа. К ней обращается Одиссей с мольбой, ведь если он завоеует ее благосклонность, то непременно вернется на родину; она велит своим людям приготовить подарки для друга-гостя при его отъезде, и ей же Одиссей протягивает залоговую чашу при прощании.

Где найти достаточно тонкие фразы, достаточно нежные выражения, чтобы воспроизвести сладостную картину Наусикаа? Из всех творений поэтической фантазии ни одно не сравнится с ней по непреходящему очарованию. "Она просто, - говорит Саймондс, - самая совершенная дева, самая чистая, самая свежая, самая легкомысленная девушка греческой романтики". Это бессмертное дитя поэтического воображения, как и две реальные женщины - лесбиянка Сапфо и Мария, королева шотландцев, - будет иметь любовников в любой эпохе и в любом климате. Будучи всего лишь фантазией поэта, Наусикаа абсолютно человечна и полна жизни, и этим она отличается от героини "*Бури*", которая из всех поэтических творений больше всего похожа на нее. Обратите внимание на ее наивное изящество и очарование, девичью живость и радость в начале сцены; а когда этого требует случай, девушка становится женщиной и с непринужденной простотой и достоинством обращается к герою. Неудивительно, что Одиссей показался ей прекрасным принцем, которого она ждала; и, возможно, она испытала легкий холодок разочарования, когда, выражая благодарность за свое избавление, вместо возлюбленной он сделал ее своей покровительницей. Но, несомненно, вскоре она узнала, что неизвестный герой - это великий Одиссей, муж верной Пенелопы, а ее натура была слишком жизнерадостной, слишком здоровой, чтобы тосковать и умирать из-за крушения мечты. Тогда, даже если бы он был вдовцом, он был слишком стар для этой яркой красавицы. Но каким идеальным тестем он был бы! И если бы юный Телемах только приехал в Схерию - а откуда нам знать, что он не прибыл туда позже, посланный Одиссеем на свидание после восстановления своего

царства? Евстафий сохранил предание, основанное на таких авторитетах, как Элланик и Аристотель, что Телемах действительно женился на принцессе Наусикаа, а афинский оратор Андокид утверждал, что является потомком этой прославленной пары.

Столь красивая легенда не могла остаться без внимания позднейших поэтов. Алкман, один из самых ранних лирических композиторов, описывает в поэме встречу Одиссея и Наусикаа, а Софокл написал драму под названием "*Наусикаа, или Омователи*"; существует предание, что, вопреки своему обыкновению, поэт сам "выступил в качестве актера, вызвав бурные аплодисменты своей красотой и грацией в танцах и ритмичной игре в мяч, в образе самой Наусикаа". Лукиан называет ее в числе героинь мифических времен, которые своей добротой сердца, человечностью, мягкостью поведения и состраданием к нуждающимся заслуживают звания образцов женской добродетели.

С такими яркими картинками домашней жизни - царицы Пенелопа, Елена и Арета, оказывающие женское влияние во дворцах, богини-любовницы Цирцея и Калипсо на своих зачарованных островах, рабыня Эвриклея, нежно ухаживающая за госпожой и молодым господином, и дева Наусикаа, занятая делом и развлечениями со своими подругами - "Одиссея" является зеркалом, отражающим характер героического века Греции.

V

ЛИРИЧЕСКАЯ ЭПОХА

От увлекательных видений героического прошлого, как они представлены в гомеровских поэмах, мы должны подготовиться к тому, чтобы спуститься к реальности жизни, как она раскрывается на заре греческой истории. Гесиод, эпический поэт Беотии, является связующим звеном в социальных условиях между героическим веком и ранними историческими периодами различных народов и городов Греции. Он описывает реальные условия, в которых он жил, и дает нам представление о жизни греческого народа, которое подготавливает нас к великим изменениям, произошедшим в результате свержения монархий, распространения торговли и колонизации, а также пробуждения у простых людей чувства своих прав и своей власти. Поэтому мы можем ожидать, что в его поэзии будет много света на положение женщины в отдаленные времена.

Гесиода обычно относят ко второй половине девятого века до христианской эры. Он жил в Аскре, недалеко от горы Геликон, в Беотии, исконной родине эолийцев. Среди земледельческой среды поэт вырос. Обманутый своим братом Персом в получении части наследства, он пережил трудности, которые усилили его симпатию к равнинным людям и привели к размышлениям о жизни и ее проблемах. Музы, явившиеся ему на горе Геликон, поручили ему *говорить людям истинные вещи* - эта фраза стала лейтмотивом его поэзии, ведь он говорил о реальности и стремился облегчить социальные условия своего времени. Его главные произведения - "*Труды и дни*" и "*Теогония*"; существовал также гесиодовский "*Каталог женщин*", засвидетельствованный многими ссылками у классических авторов, но,

к сожалению для нас, полностью утраченный. Очень вероятно, что в этой работе Гесиод или его школа рассказывали об аристократических женщинах греческой мифологии, от союза которых с богами произошли герои. Лишенный этого, Гесиод предстает перед нами "поэтом гелотов", и мы получаем от него лишь знания о простом народе Беотии и его образе жизни.

Оценка женщин у Гесиода значительно уступает гомеровской. Гомер, воспевавший аристократических дам при дворе царей, ввел нас в общество, где женщины с изяществом и достоинством управляли своими домами, смягчали и облагораживали грубые, воинственные манеры мужчин. Гесиод, поэт простого народа, поражен безнадежностью окружающих его условий. Народ угнетается вельможами, ему невозможно добиться справедливости, мир кажется неправильным. И в поисках причин существующих бед поэт приводит их к одному большому злу, которое боги причинили людям, а именно - к женщине.

Это обвинение впервые нашло свое выражение в его версии мифа о Пандоре, матери Евы из греческой легенды.

Гесиод рассказывает в этой поэме, что в давние времена человеческий род пользовался огнем и в благодарность богам приносил всепожирения. Но Прометей обманул богов, лишив их справедливой доли жертв, и заставил Зевса довольствоваться лишь костями и жиром; в ответ на этот обман Зевс придумал для смертных тяжкие беды, лишив их огня. Тогда Прометей похитил огонь с небес. Зевс, разгневанный тем, что его перехитрил хитрый Прометей, решил наложить на людей такое бедствие, от которого они не смогут быстро оправиться. Он тут же приказал Гефесту смешать землю и воду, наделить пластичную форму человеческим голосом и силой и уподобить ее небесной богине - девственной, победительной и справедливой. Афине было велено научить ее домашним добродетелям; Афродите - наделить ее красотой, страстным желанием и страстью, которая расточает тела смертных; Гермесу - наделить ее бесстыдным умом и вероломной натурой. Все повиновались приказу Зевса, и таким образом была создана первая женщина. Затем Афина добавила ей пояс и украшения, Грации и Убеждения навесили на ее тело золотые цепи, а Часослов сплел для нее гирлянды из весенних цветов. Этому очаровательному созданию дали имя Пандора, потому что каждый из богов наделил ее дарами, чтобы она стала смертельным бичом для смертных.

Затем Гермес спустил ее на землю, чтобы подарить Эпиметею, которому его брат Прометей запретил получать подарки от олимпийца Зевса. Однако Эпиметей был пленен красотой Пандоры и принял ее, и только после того, как случилось зло, он вспомнил о приказе брата. Говорят, что до появления женщины люди жили в безопасности от бед, от изнурительного труда, от мучительных болезней, несущих смерть человечеству. Но вот Пандора своими руками сняла крышку с великого кувшина, которым ее одарили боги, - великого кувшина, в котором были надежно заточены эти пороки, - и выпустила их на волю. Вместе со скорбями была заключена и надежда; но когда они были освобождены, надежда не улетела, ибо слишком быстро Пандора закрыла крышку сосуда. Поэтому, сетует Гесиод, безнадежен жребий человечества, а бесчисленные беды снуют туда-сюда среди безнадежных людей. Таков миф о грехопадении человека, как его представляли себе ранние греки. Мужчина был наказан за то, что восстал против воли небес. Женщина - орудие его наказания, наложенного на него разгневанным божеством. Она обладает всеми чарами, всеми прелестями, но само ее очарование - главная причина зла для мужчины. По своей глупости он принимает ее, и отсюда на него обрушиваются все беды жизни. Вся аргументация Гесиода в этом отрывке указывает на то, что он рассматривал женщину как "необходимый вычет из счастья жизни", как "прореху в лютне, которая портит ее музыку". В отличие от древнееврейской истории, греческая представляет женщину как закрывающую дверь

надежды для мужчины; в то время как древнееврейская версия видит в ее семени надежду на спасение, которое должно преодолеть зло грехопадения. Еще более сильной является инвектива Гесиода против женского пола в *"Теогонии"*, где он повторяет историю Пандоры и заканчивает ее следующими рассуждениями:

"От нее происходит пол нежной женщины;

Пагубный род; женское племя

Обитает на земле, могучий бич для людей;

Нет товарищей для расточительства, кроме роскоши;

И как в улье с тесной крышей, трутни,

Помощников ленивых, пчелы балуют;

И так весь день, пока не закатится румяное солнце,

Спешат на крыльях, "свой журчащий труд неся".

И все еще цементируют белый и восковой гребень;

Те скрываются в крытом улье и пожинают

С пресыщенным ртом плоды чужих трудов;

Такое зло послал Громовержец человеку

В женском обличье, и так дал он пол,

Недобрых помощников в невыносимых трудах.

Еще больше зла вместо добра он дал:

Мужчина, избегающий брака, думает избегать

Томительных забот, что преследуют женщину,

И, одиноко состарившись, почувствует нужду

Кто бы мог поддержать его годы увяданья;

Пусть жизнь его не нужна, но смерть

Разбросает его имущество по чужим наследникам,

и чужакам по крови. Или, если его жребий

Женитьба и супруга скромной славы

И сердце ему по сердцу, то все равно

Вечно бороться с частичным добром,

И цепляться за свое состояние. Но тот, кто

Кто женщину пагубную обретает

Живет, нося в своей тайной душе и сердце

Неизбежное горе: болезни столь глубоки.

Что все бальзамы медицины не могут излечить".

В этом отрывке вкратце изложены общие представления Гесиода о женщине. Пандора принесла смертным бесконечные беды, ибо от нее произошло племя женщин, "могучий бич для мужчин". Если мужчина женится, он будет сожалеть, а если воздержится от брака, то будет сожалеть об этом. Холостяка ждет жалкая старость, а его имущество после смерти растащат безразличные родственники. Даже если он женится и получит хорошую жену, горести и благословения будут смешаны в его жребии; если же жена будет плохой, его постигнут такие глубокие беды, "которые не смогут исцелить все бальзамы медицины". Таким образом, женщина - это существо, чье присутствие является необходимым злом; без нее судьба мужчины не завершена, но он должен терпеть беды, которые она приносит, ради возможного благословения, которое может прийти, если разделить с ней свою участь. Мужчина, говорит бард Аскра, не может быть слишком осторожен в выборе подруги, о чем свидетельствует следующий совет мудреца:

"Возьми в дом свой женщину для невесты своей.

Когда в зрелости гордости твоей;

Трижды десять твоих лет - брачный расцвет;

Не уступай и не превышай срока.

Четыре года дева созревает,

А свадьба - пятый год ее цветения.

Девственницу выбирай, и нравы ее целомудренны;

Вождь - соседская дева, которую ты обнял;

Смотри внимательно и долго, чтобы не оказаться

Веселой насмешкой всех жителей вокруг.

Нет лучшего жребия, чем та, что назначена Провидением.

Чем прекрасная женщина с добродетельным умом;

И не может быть хуже, чем когда судьба твоя

Когда никчёмный, пиршествующий товарищ.

Она без факела материального пламени

Сожжет дотла твой растраченный заботами каркас;

Пошлет огонь твоим энергичным костям внутри

И возраст недозрелый в расцвете лет начнет".

Презрение к женщине, проходящее через стихи Гесиода, находит множество отголосков у более поздних авторов, что свидетельствует о том, что в этот переходный период, особенно в ионийской Греции, действовало злое влияние, заставлявшее мужчин восставать против оков супружеской жизни и не достигать желаемого счастья в доме и семье. Кажется странным,

что Гесиод, описывая обязанности фермера, не рассказал нам больше о важной функции домохозяйки. Однако в одном отрывке он лишь подчеркивает важность того, чтобы начать с "дома, жены и вола для пахоты", а в других отрывках пренебрежительно отзывается о женщине и ее работе. Таким образом, даже в тех строках, где он вполне мог бы похвалить ее достоинства, слова похвалы остаются невысказанными.

Два века греческой истории после Гесиода известны нам в основном благодаря лирическим поэтам, поскольку эпическая поэзия пришла в упадок, а написание истории еще не началось. Лирическая поэзия - это указатель к сердцам людей: ведь в лирике выражаются мысли и чувства рефлексирующего человека. Женщина - великая движущая сила бытия; именно она является главной причиной мыслей, эмоций, страстей, радостей и печалей мужчины. Поэтому, поскольку лирическая поэзия - это поэзия сердца, в стихах греческих лириков мы находим отражение отношения мужчины к женщине в этот период "бури и натиска" в развитии греческой национальности.

Архилох - отец ямбической поэзии, он сделал ее средством выражения личных страстей и сатиры. Со всей пылкостью своей натуры он любил Необулу, дочь Ликамба с острова Парос, где поэт сделал свой дом. Некоторые фрагменты его стихов, сохранившиеся до наших дней, свидетельствуют о силе пламени, которым он был охвачен. Архилох оставил нам изысканную картину своей возлюбленной, одетую во всю красоту и грацию, которую только может изобразить поэтическая возлюбленная, с розой и миртовой ветвью в руке, и ее локоны ласково падают на плечи. Он вздыхал: "Лишь бы коснуться ее руки", и, кажется, поначалу она ответила на его ласку. Влюбленные были обручены, но внезапно отец возразил, и брак был расторгнут. Любовь тут же превратилась в ненависть, а страсть - в ярость. После этого, как говорит Гораций:

"Archilochum proprio rabies armavit iambo".

Архилох использовал ямбический метр в качестве оружия нападения. Как пламенна была его любовь, так и в случае предательства его ярость была неудержимой. Все возможные насмешки были брошены в адрес тех, кто его обманул. "Каждый стих, написанный им, был отполирован и заострен, как наконечник стрелы. Каждая строка была пропитана ядом отвратительных обвинений в адрес его возлюбленной, ее сестры и ее отца. Набор стихов, которые он создал и, как выяснилось, публично прочел на празднике Деметры, был настолько заряжен остроумием и огнем, что страна звенела от них. Дочери Ликамба, как гласит предание, сразу же пошли и повесились, не выдержав полета огненных змей, обрушившихся на них; ведь, говоря словами Браунинга, Архилох обладал искусством писать стихи, которые "вгрызались в плоть живого человека, как пергамент", и отправляли его бродить, заклеяменного и навсегда опозоренного, по родным полям и улицам".

Стихи Архилоха свидетельствуют о том, что в VIII веке до нашей эры в Греции существовала определенная свобода в общении между полами и что любовь, по крайней мере, иногда была основанием для помолвки; они также показывают абсолютный контроль отца над рукой дочери. История поэта - это также самый ранний случай предательства любви, и имя Необула неразрывно связано с зарождением сатирического стиха.

Иную ноту вносит современник Архилоха, Семонид из Аморгуса, который подхватывает и продолжает традицию Гесиода, говоря о женщине в тонах презрения и пренебрежения. Он сочинил знаменитую сатиру на женщину, в которой ее различные темпераменты приписываются родству с различными домашними животными - боровом, лисой, собакой, ослом, кобылой, обезьяной - или сравниваются с грязью, морской водой и пчелой.

Семонид сначала рассматривает класс женщин, относящихся к свиньям: "В начале Бог создал ум женщины разного качества; одну он сделал подобной щетинистому борову, в доме которого все беспорядочно валяется, забрызгано грязью и валяется на земле; она, грязная, в невымытой одежде, сидит и толстеет на навозной куче".

Женщина, похожая на грязь, сатирически изображается таким образом: "Эта женщина невежественна во всем, как в хорошем, так и в плохом; ее единственное занятие - это еда: хотя зимы и холодные, она слишком глупа, чтобы приблизиться к огню".

Вот как поэт изображает женщину, похожую на море: "У нее два ума; когда она смеется и радуется, незнакомец, увидев ее дома, воздаст ей хвалу - нет ничего лучше ее на земле, нет и прекраснее; но в другой день она становится невыносимой, на нее нельзя смотреть и приближаться, ибо она буйно помешана. И для друзей, и для врагов она одинаково непримирима и одиозна. Так, как море часто бывает спокойным и невинным, радуя моряков в летнее время, а иногда снова становится бешеным, раздираемым ревущими бурями, так и эта женщина в своем нраве".

Женщина, похожая на кобылу, обладает и другими неприятными качествами: Она "нежная и длинноволосая, непригодная к труду и работе; она не прикоснется к мельнице, не поднимет решето, не вычистит дом! Она купается два или три раза в день и мажется миррой; затем носит длинные и волнистые волосы, усыпанные цветами". Отсюда следует, что эта женщина - редкое зрелище для гостей; но для мужа она - проклятие, если только он не тиран, гордящийся такой дорогой роскошью".

Обезьяноподобная жена - пожалуй, худшая из всех: "Эту, прежде всего, Зевс назвал величайшим злом для людей. Лицо ее самое отвратительное. Такая женщина ходит по городу, вызывая смех у всех мужчин. Короткошеяя, с узкими бедрами, с увядшими конечностями, она передвигается с трудом. О несчастный, кто женится на такой женщине! Она знает все хитрости, как обезьяна, и насмешки ее не волнуют. Никому она не делает добра, но каждый день придумывает, как бы нанести кому-нибудь наибольший вред".

Но наконец-то мы добрались до пчелы: "Человек, который ее заполучил, - счастливчик; только к ней одной нет нареканий; под ее управлением процветает и увеличивается домашнее хозяйство; любящая, с любящим супругом, она стареет, будучи матерью прекрасного и знаменитого рода. Она занимает первое место среди всех женщин, и ей сопутствует небесная благодать. Она не заботится о том, чтобы сидеть среди женщин, когда они предаются развратной болтовне. Такие жены - лучшие и мудрейшие спутницы жизни, которых Зевс дарит мужчинам".

Лишь одна женщина из десяти была признана в той или иной степени желанной, и в заключение поэт приводит пространную и всеобъемлющую дунсиаду женского пола, суть которой сводится к следующему: "Зевс создал это высшее зло - женщину: даже если она кажется благословением, когда мужчина женится на ней, она становится чумой".

Насколько правдивы взгляды Семонида на женщин его времени? Поэт согласен с Гесиодом, считая женщину необходимым злом. Девять женщин из десяти он считает совсем плохими, а десятую ценит только за ее домашние добродетели. Трудолюбивая, тихая, хозяйственная, мать детей, она всего лишь хорошая домохозяйка, которая, по-видимому, была первобытным идеалом идеальной женщины. В поэме речь идет о женщинах среднего класса, и она важна тем, что показывает свободу передвижения и появления на публике замужней женщины. Она не заперта в гареме, но в использовании своего языка и в качестве суетливой женщины, кажется, нет никаких ограничений. Кругозор Семонида был узок, и он, вероятно, не знал

ничего дальше своего маленького острова, но мы можем считать, что он выражает взгляды честных мещан Аморгуса.

Фокилид из Милета, преемник Семонида более чем на столетие, сочинил в том же духе эпиграмматическую сатиру на женщину. Это явное подражание тираде Семонида.

"Женское племя, - говорит он, - состоит из четырех видов: собаки, пчелы, грузной свиноматки и длинномордой кобылы. Последняя управляема, быстра, любит пошалить, хороша собой; свиноматка ни хороша, ни плоха; собака трудна и рычит; а пчелоподобная женщина - хорошая хозяйка и умеет работать. Об этом желанном браке молитесь, дорогой друг".

Однако самое горькое из всех высказываний ямбических писателей против женщины принадлежит Гиппонаксу, блестящему сатирику шестого века до нашей эры:

"Два счастливых дня приносит женщина мужчине: первый - когда он женится на ней; второй - когда он несет ее в могилу".

Феогнис - еще один поэт Греции, который мрачно смотрел на жизнь и не был счастлив в брачных узах. Он сетует на то, что в его родном городе Мегаре браки заключаются ради денег, и утверждает, что такие браки - бич города. Феогнис сказал:

"Баранов и ослов, Кирн, и лошадей мы выбираем хорошей породы и желаем, чтобы у них была хорошая родословная; но благородный человек без колебаний женится на низкороджденной девушке, если она принесет ему много денег; и благородная женщина не отказывается быть женой низкого, но богатого человека, но выбирает богатого, а не благородного. Ибо они почитают деньги; и благородные женятся на низкородных, а низкородные - на высокородных; богатство смешало расы. Так что не удивляйся, Полипайд, что род граждан портится, ибо плохое смешалось с хорошим".

Подводя итог этому беглому обзору ямбических поэтов, можно сказать, что в их эпоху женщина по-прежнему рассматривается как фактор, определяющий счастье или горе мужчины, но при этом существуют все разновидности женщин, которые может породить недостаток образования и, особенно, недостаток признательности. Мужчина ценит женщину только за ее домашние добродетели, и любая ее попытка выйти за пределы узкого круга домашнего очага вызывает негодование владык творения. Мужчина смотрит на нее свысока, как на неполноценную, и не дает ей никакой доли в своей большой жизни. В аристократическую среду вошел бич богатства, и браки по расчету стали преобладающим обычаем.

Когда мы переходим от ямбических поэтов к элегическим, мы начинаем отмечать причины, по которым супружеская жизнь, особенно у ионийских греков, не представляет собой прекрасных картин домашнего блаженства и супружеского товарищества, столь привлекательных в героические времена. Военные элегики показывают, как женщина еще могла вдохновлять мужчину на подвиги, а эротические поэты дают нам представление о корне зла, подрывавшем самые основы домашней жизни. Греческая женщина не развивалась в расширенных условиях с той же быстротой, что и греческий мужчина; от жены ожидали, что она будет лишь матерью детей мужа и хранительницей его дома; общения и удовольствия он искал в другом месте. На сцену вышла свободная женщина, или гетера. Поэтов вдохновляла любовь, но романтическая любовь между мужем и женой заменяется любовью к красивой и высокообразованной "спутнице", или на естественное место высокородной женщины вторгается низменная страсть к "этим прекрасным и статным

юношам с их девственной внешностью и девичьей скромностью" - двум классам, которые должны были играть столь большую роль в обществе в великие дни Греции и которые должны были привести к ее гибели.

Во фрагментах Алкмана есть много намеков на его страсть к возлюбленной Мегалострате; а многие элегии Мимнермуса, как говорят, были обращены к флейтисту Нанно, который, согласно одному из рассказов, не ответил на его страсть. Следующее стихотворение, переведенное Саймондсом, показывает интенсивность его любви:

"Что есть жизнь или наслаждение, желая Афродиты?

Когда к златокудрой богине холоден я,

Когда любовь и нежные дары любви не будут больше радовать меня,

Ни краденые шалости, тогда бы я хотел умереть!

Ах, как прекрасны и милы цветы юности;

Мужикам и девам они красиво улыбаются:

Но скоро приходит печальный старец, Который, лишенный правды,

Равнодушно страдает от прекрасного и гнусного.

Тогда заботы изнуряют сердце; Старые глаза тоскуют.

С трудом на солнце взирают...

Нелюбимые юноши, все девы презирают...

Так тяжкий жребий боги возложили на стариков".

Даже от Солона Мудреца, создателя конституций, мы имеем несколько амурных стихов, столь сомнительного характера, что вряд ли уместно представлять их в этом томе. Они приписываются его ранней юности. Они очень утешали распутников древности, которые были рады возможности привести в пример столь уважаемого человека; но добрых людей эти куплеты приводили в ужас.

Ибикус похож на Сафо по накалу страстей и по представлению об Эросе как о конкретном существовании. "Любовь, вновь взирая на меня с облачно-черных бровей, томительным взглядом гонит меня всевозможными чарами в бесконечные сети Киприды. Воистину, я трепещу перед его натиском, как конь колесницы, завоевавший призы, в старости нехотя идет испытать свою скорость в стремительной гонке машин".

Анакреон, наиболее известный английским читателям из эротических поэтов Греции, имел в качестве любовницы золотоволосую Эврипилу. Он был очень восприимчив к любовному влиянию и, благодаря изяществу, сладости и легкости выражения в своих стихах, завоевал непреходящую славу. Сохранилось множество его стихов и многочисленных подражаний его поэмам, в которых любовь является постоянной темой.

Стесихор был автором любовных поэм с сюжетом, которые пользовались большой популярностью среди дам древности. Как предшественники греческого романа они имеют уникальное литературное значение, а как любовные истории раннего периода они проливают свет на положение и идеалы женщины. Аристоксен сохранил набросок сюжета "*Калики*": "Дева Калика, безумно влюбившись в юношу, молит Аполлона, чтобы он сделал ее

законной женой; когда же он продолжает оставаться равнодушным к ней, она кончает жизнь самоубийством". Древние критики положительно отзываются о чистоте и скромности деви, а сама история свидетельствует о том, что браки не всегда заключались по договоренности, что любовь порой определяла выбор, и что для древней высокородной деви смерть была предпочтительнее бесчестия. Другая романтическая поэма под названием "*Радина*" также повествует о несчастной любви: брат и сестра из Самиана были преданы смерти жестоким тираном за то, что сестра воспротивилась его ухаживаниям.

Однако мы не можем утверждать, что в этот период женщина повсеместно занимала более низкое положение, чем то, которое ей отводится в гомеровских поэмах. Среди ионийских народов это, несомненно, было так; но среди эолийцев и дорийцев женщина не только достигла большей степени свободы, чем ей было позволено в героический век, но и показала себя равной мужчине в литературных и эстетических занятиях. В эту переходную эпоху имя одной женщины - Сапфо - предстает как яркая утренняя звезда в истории культурной женственности.

VI

САПФО

Ближе к концу седьмого века до нашей эры в истории греческой женственности произошло необычное явление. До сих пор греческие женщины были красивы, очаровательны, оказывали огромное влияние на ход событий, но нельзя сказать, что они были интеллектуальны. В указанное время в интеллектуальной сфере произошло необычное движение. Это удивительное движение связано с именем первой великой исторической женщины Греции - лесбиянки Сапфо, "Десятой музы". В истории человечества Сапфо занимает совершенно уникальное место, ведь она не только считается величайшей из лирических поэтесс, но и была основательницей первого женского клуба, о котором у нас есть хоть какие-то сведения. Сапфо посвятила себя сердцем и душой возвышению своего пола. Поскольку поэзия и искусство являются естественными каналами для эстетического воспитания женщины, она готовила своих учениц к тому, чтобы они стали поэтессами, как она сама. Результатом ее пожизненной преданности служению Афродите и Музам стало то, что она не только сама достигла бессмертной славы поэта, но и благодаря ее вдохновляющему влиянию ее ученики пронесли любовь к поэзии, интеллектуальным и художественным занятиям в свои далекие дома. Поэтому неудивительно узнать, что с этого времени в греческом мире то тут, то там появлялись женщины, которые в интеллектуальных занятиях были равны своим коллегам-мужчинам, и что среди женщин должны были быть девять земных Муз, названных так в противовес небесной Девятке.

Уникальное величие Сапфо лучше всего оценить, рассмотрев, как к ней относились великие люди древности и современности.

Среди греков она пользовалась уникальной славой - ее называли "Поэтессой", так же как Гомера "Поэтом". Солон, услышав одно из ее стихотворений, молился, чтобы не видеть

смерти, пока не научится этому. Платон причислил ее к мудрецам. Аристотель безоговорочно цитирует суждение, ставящее ее в один ряд с Гомером и Архилохом. Плутарх сравнивает ее "с сердцем вулкана" и говорит, что изящество ее стихов действовало на слушателей как чары, и что, читая их, он отставлял чашу с питьем в глубоком стыде. Страбон называет ее "удивительной штучкой" и говорит, что "ни в один период времени не было известно ни одной женщины, которая хоть в малейшей степени могла бы сравниться с ней в поэзии". Деметрий Фалеронский добавляет свое слово похвалы: "Поэтому Сапфо красноречива и сладостна, когда поет о красоте, о любви, о весне и о зимородке; и в ее поэзию вплетены все прекрасные выражения, кроме тех, что она сама придумала".

Авторы греческой антологии постоянно поют ей дифирамбы, называя ее "десятой музой", "гордостью Эллады", "товарищем Аполлона", "ребенком Афродиты и Эроса", "нянькой Граций и Убедений". Современные критики также не менее сдержанны в своих похвалах, несмотря на то, что они располагают лишь горсткой фрагментов, по которым можно судить о "Поэтессе". Аддисон, например, говорит: "Среди изувеченных поэтов древности нет ни одного, чьи фрагменты были бы так прекрасны, как фрагменты Сапфо". Джон Аддингтон Саймондс еще более восторжен. "Мир не понес большей литературной потери, - говорит он, - чем утрата стихов Сапфо. Сохранившиеся мельчайшие фрагменты настолько совершенны, что мы в печальном восторге изумления размышляем, какими должны были быть полные поэмы". А Суинберн, ее лучший современный интерпретатор, называет Сапфо "неприступной поэтессой" и говорит: "Ее оставшиеся стихи - высший успех, последнее достижение поэтического искусства".

Сапфо была в зените своей славы примерно в начале шестого века до христианской эры. Ее родина находилась в Митилене, на острове Лесбос. За двадцать пять веков до нас дошли лишь немногие достоверные сведения о ее жизни. Существует предание, что она родилась в Эресусе на острове Лесбос, а позже поселилась в столице острова, Митилене. Она происходила из богатой и аристократической семьи. Геродот говорит, что она была дочерью Скамандронима, а Суидас утверждает, что ее мать звали Клис, что она была женой богатого жителя Андроса, Церциласа или Церколасса по имени, и что у нее была дочь, названная в честь ее бабушки Клис. Сапфо упоминает дочь с таким именем в одном из сохранившихся фрагментов, но ни одно из этих других утверждений не подтверждается. У нее было два брата, Ларих, общественный виночерпий в Митилене, - должность, предназначенная для знатных юношей, - и Харакс, торговец вином, о котором мы расскажем подробнее позже. Из одного источника мы узнаем, что она отправилась в изгнание на Сицилию вместе с другими аристократами Лесбоса, но дата остается предметом предположений. В это время тираном Митилены был Питтак, и Сапфо, вероятно, вернулась на Лесбос в то время, когда он объявил амнистию политическим изгнанникам. Сколько она прожила, мы сказать не можем, как и когда умерла - тоже неизвестно. Судя по упоминаниям авторов "Антологии", ее гробница, воздвигнутая в городе ее усыновления, в течение многих веков после этого регулярно посещалась ее почитателями.

Это те немногие факты, которые мы можем достоверно сообщить о жизни Сапфо; но мифы и легенды восполнили недостающее, а скандалисты, греческие поэты-комики, соткали всевозможные истории о ее образе жизни. Эти истории в основном связаны с именами трех мужчин - поэтов Алкея и Анакреона и мифического лодочника из Митилены Фаона, которого Афродита наделила необыкновенной и неотразимой красотой.

Алкей, поэт любви, вина и войны, был уроженцем Митилены и современником Сапфо, и оба поэта, несомненно, хорошо знали друг друга. Поэты-комики сделали их любовниками. До наших дней дошло начало поэмы, которую Алкей адресовал Сапфо:

"Фиалково-венчанная, целомудренная, сладко улыбающаяся Сапфо,

Я хотел бы говорить, но стыдливость не позволяет".

На что она ответила:

"Если бы желание твое было чистым и мужественным,

И не было бы зла на языке твоём,

Стыд не овладел бы веками твоими;

Из уст твоих прозвучало бы право".

Анакреон, лирический поэт, также был представлен как любовник Сапфо; сохранились два стихотворения, одно из которых он, как говорят, адресовал ей, а другое - ее ответ. Но нет никаких сомнений в том, что Анакреон процветал по крайней мере через поколение после Сафо, так что эти двое никогда не могли встретиться. Похоже, это был один из основных мотивов комических поэтов - представлять греческих лириков любовниками Лесбии; так, Дифил в своей *"Сафо"* изобразил Архилоха и Гиппонакса, ее предшественников на поколение, в качестве ее любовников.

История о любви Сапфо к Фаону и ее прыжке с лейкадской скалы из-за его пренебрежения к ней, хотя в нее так долго негласно верили, не имеет под собой никакой исторической основы. Увековечивание этой истории связано главным образом с Овидием, который в своем послании *"Сафо к Фаону"* рассказывает о ее неугасимой любви и решимости совершить прыжок. Лучше всего эту историю изложил Эддисон:

"Сапфо, лесбиянка, влюбленная в Фаона, прибыла в храм Аполлона, одетая, как невеста, в одежды, белые как снег. На голове у нее была миртовая гирлянда, а в руке она несла маленький музыкальный инструмент собственного изобретения. Пропев гимн Аполлону, она повесила свою гирлянду на одну сторону его алтаря, а арфу - на другую. Затем она, как спартанская девственница, подоткнула свои одеяния и в окружении тысяч зрителей, которые беспокоились о ее безопасности и произносили клятвы за ее избавление, направилась прямо вперед к самой вершине мыса, где, повторив строфу из своих собственных стихов, бросилась со скалы с такой неустрашимостью, какой не наблюдалось ни у кого из тех, кто пытался совершить этот прыжок. Многие присутствовавшие при этом рассказывали, что видели, как она упала в море, откуда уже никогда не поднялась; хотя были и такие, кто утверждал, что она так и не долетела до дна, а при падении превратилась в лебедя, и что они видели ее парящей в воздухе в таком виде. Но не обманывает ли белизна и трепет ее одежд тех, кто на нее смотрит, и не превращается ли она на самом деле в эту музыкальную и меланхоличную птицу, - в этом лесбиянки до сих пор сомневаются".

Современные критики справедливо отбрасывают всю эту историю как сказочную, объясняя ее производной от мифа об Афродите и Адонисе, которого в греческой версии звали Фазтон или Фаон. Прыжок с Леукадской скалы - мыса Санта-Маура, или Леукате, на Сицилии, известного по сей день как "прыжок Сапфо", - использовался другими поэтами, в частности Стесихором и Анакреоном, как метафорическое выражение для обозначения полного отчаяния, и, возможно, сама Сапфо использовала его в этом смысле. Легенда связалась с Сапфо только через два столетия после ее смерти, и то лишь в комических поэтах; следовательно, она не может иметь под собой никакой основы. Предание об эолийской могиле Сапфо, сохранившееся в *"Антологии"*, убедительно свидетельствует о том, что она умерла мирной смертью на своем собственном острове. "Сафо, - говорит Эдвин Арнольд, -

любила, и любила не раз, до отчаянного горя; хотя дело не дошло до безумного и рокового прыжка с Леукаты, как утверждает ненужная легенда. Тем не менее, есть круче Леукаты, куда может упасть сердце, и холоднее Адриатики моря отчаяния, в которые оно может погрузиться".

Вся история ее любви к Фаону - пример того, как ее имя опошляли комические поэты поздней аттической школы. Афиняне, державшие своих женщин в уединении, не могли понять, как женщина может наслаждаться такой свободой жизни и движений, как Сапфо, и при этом оставаться целомудренной. В результате она стала своего рода штатным персонажем развратной драмы, и даже современные писатели используют ее имя как синоним блестящей, красивой, но развратной женщины. Как говорит Доде, который из всех писателей последнего времени сделал больше всего для деградации этого имени: "Само слово "Сафо", силой прокатившегося сквозь века, обросло нечистыми легендами и превратилось из имени богини в имя болезни". Греческие поэты-комики придумали это искажение; ранние христианские писатели приняли его и преувеличили в своих тирадах против язычества; так закрепилась традиция, что Сапфо была женщиной низкого морального облика.

Только в нашем веке древние клеветнические измышления против Сапфо были серьезно исследованы. Немецкий ученый Фридрих Готлиб Велькер первым показал, что они основаны на совершенно недостаточных доказательствах. Полковник Мюре, с большим недостатком галантности, безуспешно пытался разоблачить заблуждения в аргументах Велькера. Совсем недавно профессор Компаретти кропотливо проделал всю эту работу, и его труд в основном подтверждает выводы Уэлкера. Вся тенденция современной науки заключается в том, чтобы оправдать имя Сапфо.

Мы не можем утверждать, что Сапфо была женщиной строгой добродетели; но она была одной из лучших представительниц своей расы, и ни в одной из ее строф, дошедших до нас, нет и следа распутства. Она оттолкнула Алкесея, когда тот сделал неподобающее предложение, а недавно обнаруженный фрагмент папируса показывает, как остро она чувствовала позор брата, и это отвращение к бесчестному вряд ли бы существовало, если бы ее собственная жизнь была открыта для порицания.

Брат Сапфо Харакс, лесбийский виноторговец, жестоко влюбился в знаменитую куртизанку Родопис, тогда рабыню из Наукратиса, а впоследствии самую известную красавицу своего времени. Он выкупил ее из рабства, посвятил себя исключительно ее прихотям и растратил все свое состояние на ее содержание. Сапфо была в ярости от его поведения и прибегла к стихам, чтобы выразить свой гнев и унижение. Согласно рассказу Овидия, Харакс был в ярости от ее плохого обращения с ним и не слушал никаких попыток примирения со стороны своей сестры-поэта после того, как ее гнев остыл, хотя она упрекала себя за разрыв и делала все возможное, чтобы вернуть его.

Двадцатистрочный фрагмент поэмы, найденный несколько лет назад среди папирусов Оксирина, по упоминанию брата поэта, по тону упрека, по выражению желания примирения, по диалекту и метру указывает на то, что он является частью оды, обращенной Сапфо к своему брату Хараксу. По мнению редакторов и переводчиков, это один из ее тщетных призывов к тому, чтобы он забыл прошлое:

"Милые nereиды, дайте мне

Чтоб домой невредимым мой брат вернулся,

И все цели, к которым стремится его душа,
Достигнуты будут!

"И ты, бессмертная царица,
Зачеркни прошлое, чтоб знали друзья его
Радость, позор его врагов - нет, лучше пусть ни один враг
Не будет виден нам!

"И пусть у него будет желание
Ко мне, сестре своей, проявить уваженье,
Чтоб смягчить боль, что он принес, чей жестокий удар
Мою душу убил,

"Да, моя, за это злое имя.
Чьим язвительным острием, чтобы избегать праздничной толпы.
Принуждая, на время перестало; Но вскоре снова вернулось.
И снова к нам вернулось!"

Была ли красота Сапфо мифом? Греческие стандарты женской красоты включали рост и статность. Гомер отмечает характерную красоту лесбиянок, рассказывая о семи пленницах-лесбиянках, которых Агамемнон предложил Ахиллу, "превосходящих женский род красотой". Платон в "Федре" называет Сапфо "прекрасной", но, вероятно, он имел в виду сладость ее песен. Демохарис в "Антологии" в эпиграмме на статую Сапфо говорит о ее ярких глазах и сравнивает ее красоту с красотой Афродиты. По словам Максима Тирского, сохранившего традиции комических поэтов, она была "маленькой и смуглой" - фраза, увековеченная Суинберном:

"Лесбийская прелесть маленького смуглого тела,
Что хранит вечный огонь".

Таким образом, проблема заключается в том, соответствовала ли она греческому идеалу красоты или была маленькой и смуглой. Единственным свидетельством в этом вопросе является искусство. Портрет Сапфо сохранился на монетах Митилены, на которых изображено лицо с изысканными очертаниями. Ваза V века, хранящаяся в Мюнхене, дает нам изображения Алкея и Сапфо, на которых Сапфо выше Алкея, имеет внушительную фигуру и необычайно красива. Ее часто изображали в пластике. Согласно Цицерону, бронзовая статуя Сапфо, сделанная Силанионом, стояла в пританеуме в Сиракузах и была украдена

Верресом. В пятом веке нашей эры ее статуя находилась в гимнасии Зевксиппа в Византии. Ватиканский бюст изображает женщину с греческими чертами лица, но, разумеется, не дает никаких подтверждающих свидетельств о ее размерах и цвете лица.

Альма-Тадема закрепил существующую традицию в своем идеальном изображении школы Саффо на Лесбосе - мраморной экседре на берегу моря в Митилене. Поэтесса сидит в первом ряду кресел, рядом с ней стоит ее любимая ученица Эринна. Опираясь на руки, она наклонилась вперед к столу и внимательно слушает, как Алкей играет на лире. Она маленькая, смуглая, красивая, напряженная, и художник "тонко уловил пророческий свет ее души, ее жаждущий интеллект, ее неосознанную грацию и дремлющую страсть в ее красноречивых глазах".

Теперь рассмотрим условия, в которых расцвел гений Саффо.

Существует легенда о том, что после убийства фракийскими женщинами Орфея, мифического певца Эллады, его голова и лира были брошены в море и поплыли по его волнам к острову Лесбос. Эта легенда - аллегория главенства острова в песне и непрерывной преемственности лирической поэзии от ее зарождения в доисторические времена до полного расцвета у лесбосских поэтов шестого века до христианской эры. На Лесбосе существовали все условия для воспитания любви к прекрасному и культивирования всех утонченностей жизни. Сама земля представляла собой горы и побережья, холмы и долины в приятном и гармоничном разнообразии, а вокруг нее плескалось блестящее сапфировое море. Остров славился соленьем климата, чистотой атмосферы и прозрачностью неба. Его жители, благодаря разнообразию продуктов, производимых на земле, и вниманию к торговле, наслаждались безграничным процветанием. Они предавались наслаждениям жизни, культивировали все, что способствовало роскоши, изяществу и материальному благополучию. Мужчины посвящали свои силы политике, войне и удовольствиям. Женщины, отличавшиеся красотой и изяществом, пользовались свободой и почетом, которых не было больше нигде в Греции. Саймондс ярко описывает свободную и творческую жизнь эолийских женщин:

"Эолийские женщины не были заточены в гареме, как ионийки, и не подвергались строгой дисциплине спартонок. Свободно общаясь с мужским обществом, они были высокообразованны и привыкли выражать свои чувства в такой степени, которая неизвестна в истории - вплоть до настоящего времени. Лесбиянки успешно занимались литературой. Они создавали клубы по изучению поэзии и музыки. Они изучали искусство красоты, стремились усовершенствовать метрическую форму и дикцию. Они также не ограничивались научной стороной искусства. Не сдерживаемые общественным мнением, жаждущие прекрасного, они культивировали свои чувства и эмоции, развивали свои самые необузданные страсти. В их распоряжении были все роскоши и изящества жизни, которые мог предоставить климат и богатые долины Лесбоса; изысканные сады, в которых благоухали розы и гиацинты; русла рек, пылающие олеандрами и дикими гранатами; оливковые рощи и фонтаны, где цикламены и фиалки цвели перьевыми девичьими волосами; Мраморные скалы, усыпанные весной жасмином и анемонами, благоухающие миртом, чечевицей, самфиром и диким розмарином в течение всех месяцев; соловьи, поющие в мае; храмы, тусклые от сумрачного золота и яркие от слоновой кости; статуи и фрески героических форм. В таких сценах лесбийские поэтессы жили и думали о любви. Когда мы читаем их стихи, нам кажется, что духи, цвета, звуки и свет этой роскошной страны переработаны в стихах".

В такой обстановке горящая Сафо пела:

"Песни, что волнуют сердце потрясенных небес,

Песни, от которых сердце земли разрывается от жалости,

Слышать, чтобы слышать их".

Полное собрание сочинений Сапфо должно было быть значительным. Она была величайшим эротическим поэтом древности, главным сочинителем эпифаламии, или свадебных песен, автором эпиграмм и элегий, зазывных гимнов, ямбиков и монодий. Девять книг ее лирических од существовали в древности и были известны Горацию, который часто подражал ее стилю и метру, и, несомненно, иногда в своих одах прямо переводил ее стихи. Но из всего этого у нас есть только две поэмы, о которых можно сказать, что они в какой-то мере завершены: значительная часть оды ее брату Хараксу, которая уже цитировалась, и несколько более ста пятидесяти фрагментов, в общей сложности составляющих не более трехсот строк. За последние несколько месяцев доктор Шубарт из египетского отдела Королевского музея в Берлине обнаружил в папирусах, недавно пополнивших его коллекцию, несколько доселе неизвестных стихотворений Сапфо.

"Немногие, но эти розы", как говорит Мелеагр в "Антологии", - драгоценные стихи, сохраненные для нас вопреки нечестивому рвению антиязычества. И, как ни странно, мы обязаны тем, что имеем, цитатам грамматиков и лексикографов, которые сохранили стихи, как правило, не из-за их поэтической красоты, а чтобы проиллюстрировать тот или иной момент синтаксиса или метрики. Но, хотя они так немногочисленны и фрагментарны, они, как говорит профессор Пэлгрейв, "песчинки золотого песка, которые поток Времени донес до нас".

Сапфо писала на эолийском диалекте, отличающемся мягкостью гласных звуков; ее стихи, несомненно, были написаны для декламации под аккомпанемент лиры, являясь самыми ранними образцами песни или баллады, столь популярной в наши дни.

Предшественников мелодичной поэзии Сапфо можно найти в песнопениях и гимнах в честь Аполлона, распространенных по всей Греции, в народных песнях Эллады, а также в песнях, которые пели дома и на религиозных праздниках мужчины и женщины-лесбиянки: детские стишки, песни на праздниках винограда, песни пастухов, выражающие деревенскую любовь, эпифаламии или свадебные песни, причитания, треножники и плачи по Адонису, символизирующие уход весны и лета.

САПФО В СВОЕЙ ШКОЛЕ ПОЭЗИИ НА ЛЕСБОСЕ.

По картине Гектора Леру.

Уортон в своем большом мемуаре о Сапфо говорит, что она "была центром общества в Митилене, столице Лесбоса, своего рода эстетским клубом, посвященным служению Музам. Вокруг нее собирались девы даже из сравнительно далеких мест, привлеченные ее славой, чтобы изучать под ее руководством все, что связано с поэзией и музыкой". В мемуарах он защищает ее характер и говорит о "пылкости ее любви и чистоте ее жизни". Британская энциклопедия называет ее "несравненно величайшей поэтессой, которую когда-либо видел мир".

Форма и мелодика стихов Сапфо обусловлены тем, что они должны были сопровождать вокальную и инструментальную музыку, которая, благодаря нововведениям Терпандра Лесбосского, в то время была прекрасно приспособлена для целей лирики. Терпандр ввел семиструнную лиру, или китару, с диапазоном, или греческой октавой, и она стала особым инструментом Сапфо и ее школы. Выбор музыкальной меры определял тон поэмы. Терпандр объединил музыку Малой Азии с музыкой Греции, и в результате эолийская поэзия стала продуктом союза восточного сладострастия с греческой сдержанностью и искусством. Из многочисленных песен Сапфо только две оды представлены нам в полном объеме: одна посвящена служению Афродите, а другая написана в честь подруги, Анактории. Дионисий Галикарнасский воплощает первую из них в одном из своих риторических произведений, как прекрасную иллюстрацию тщательно законченного стиля поэзии, и комментирует тот факт, что ее изящество и красота заключаются в тонкой гармонии между словами и идеями. Эдвин Арнольд переводит ее следующим образом:

"Царица с тронem великолепия, бессмертная Афродита,
Дочь Юпитера, очаровательница, я умоляю тебя
Не терзай мою душу муками и страданиями;
Не убивай меня, богиня!
Приди в жалости своей - приди, если я молила тебя;
Приди на крик моей печали; в былые времена
Часто ты слышала и покидала отчий рай,
Покинула золотые дома,
запряг колесницу свою. Стремительно летели голуби,
Они быстро принесли тебя, размахивая чудесными плюмажами.
Вьются темные шлейфы по всему эфиру,
По всей лазури.
Очень скоро они зажглись. И тогда ты, Божественный,
Засмеялся ярким смехом из уст и глаз бессмертных,
Спросил меня: "Что со мной, почему я покинул небеса?
Я так тебя призвал?
Отчего я так обезумел в сердце своем?
Спроси меня, улыбаясь, - скажи мне: "Моя Сапфо,
Кто тебя обидел? Скажи мне, кто отказывает
Тебе, тщетно вздыхая.
Кто бы ни был, тот, кто летит, последует за тобой;
Кто отвергает дары, тот принесет тебе их много;
Тот, кто ненавидит сейчас, будет любить тебя дорого, безумно...
Да, хотя ты и не хочешь".
Так вновь приди, госпожа, и, освободив
Меня от печали, дай мне то, о чем я прошу,
Исполни мою молитву и будь, как прежде, мне
Другом и покровительницей".

Ода к Анакторуию цитируется автором трактата "О возвышенном" как иллюстрация совершенства возвышенного в поэзии. Джон Аддингтон Саймондс так переводит ее на английский язык:

"Равным из богов он кажется мне, блаженный
Человек, который сидит и смотрит на тебя перед собой,
Рядом с тобой сидит и в тишине слышит тебя.
Серебристый говор,
смех любви. О, это, только это
Заставляет трепетать беспокойное сердце в моей груди.
Ведь стоит мне лишь увидеть тебя на миг,
И голос мой затихнет;
Да, язык мой сломан, и сквозь меня
Непроницаемый огонь по плоти пробегает;
Ничто не видит глаз моих, и шум рева
Волны в ухе моем звучат;
Пот стекает реками, дрожь охватывает
Все конечности мои, и бледнее травы осенней,
Охваченный болью грозящей смерти, я падаю духом,
потерянный в любовном трансе".

Эпиталиями, или свадебные песни, были самыми многочисленными из всех произведений Сапфо, и в них она достигла совершенства, равного которому не было ни у одного другого поэта. Катулл, отчаявшись, похоже, довольствовался тем, что адаптировал в своих брачных одах известные песни Сапфо. Поэт, кажется, описал все этапы церемонии: греческие девы ведут бледную невесту к ожидающему жениху, распевая свой простой хор, обращенный к Гимену, богу брака. В один момент они поют о приближении жениха:

"Поднимите высоко балки крыши, плотники,

Гименей!

Как Арес, идет жених,

Гименей!

Выше, чем высокий человек,

Гименей!"

Но все их мысли - о ликующей невесте, которая румяна, "как яблоко на конце ветки".

"О прекрасное, о сладкое!

Как сладкая яблоня цветет на ветвях,

Высоко, как самый высокий, забытый сборщик:

Так и ты...

Но не так: не забыты сборщики;

Высоко в золотом воздухе,

O sweet--O fair!"

Мы расположим более краткие фрагменты по теме, а не по метру, чтобы через них получить ясное представление об отношении Сафо к жизни и природе, чтобы узнать поэтессу в ее любви и дружбе, в ее тоске и печали, в ее чувствительности к влияниям природы и искусства.

Ее концепция любви уже была отмечена в более длинных стихотворениях, которые мы только что процитировали. Ряд фрагментов свидетельствует о подобной интенсивности эмоций.

Так, она заявляет:

"Снова любовь, король, отнимающий конечности,

Горько-сладкая, неосуществимая вещь,

Как дикий зверь, терзает меня с яростным трепетом".

В другом:

"О, Любовь, вновь душа моя во мне разрывается

Как ветер, что на горный дуб спускается".

Такое сильное существо, как Сафо, с такими утонченными чувствами и такой острой интуицией, естественно, обладало пылкой любовью к природе. Ее способность выражать ее очарование проявляется во множестве фрагментов. Каждый аспект природы, кажется, привлекал ее.

Об утре она рассказывает:

"Рано взошла заря с золотым песком".

А о вечере:

"Вечер, все, что ты приносишь

Которые рассвет расстилает друг от друга;

Ягненка и ребенка ты приносишь,

Ты приводишь мальчика к его матери".

И о ночи:

"И темноглазый Сон, дитя Ночи".

Она также поет нам о

"Радуга, переливающаяся тысячью оттенков".

И о звездах:

"Звезды, что сияют вокруг полной луны.

Бледны, и скрывают свой блеск меньший.

Когда она льет свой серебристый пленительный

Свет свой серебристый пленилунарный на землю".

И снова о Луне и Плеядах:

"Луна покинула небо;

Потерян свет Плеяд;

Наступила полночь

И время проносится мимо;

Но лежу я на диване одном".

Деревья, цветы и растения привлекают ее, как будто они наделены жизнью, и при упоминании о них она вызывает в воображении тропическое лето с сопутствующими ему развлечениями. Так, она поет о прохладном ветерке, шелестящем в яблоневых ветвях:

"От шума прохладных вод, доносящегося сквозь зеленые ветви

Плодоносящих деревьев,

и шелест ветра,

Глубокий сон, как транс, нисходит на меня".

Сафо любит цветы с личной симпатией. Она сочувствует гиацинту:

"Как когда пастухи на холмах

Попирают гиацинт ногами,

И на земле пурпурный цветок лежит раздавленный".

Она также поет о золотом пульсе, растущем на берегах, и о чистом, мягком цветении травы, которую топчут ногами критянки, танцуя вокруг прекрасного алтаря Афродиты. Роза, по-видимому, была ее любимым цветком, ибо, как говорит Филострат, "Сафо любит розу и всегда увенчивает ее похвалами, уподобляя ей прекрасных девиц".

Птицы тоже нашли в ней самого отзывчивого друга. Ее ухо открыто для:

"Вестник весны, сладкоголосый соловей".

И она жалеет лесных голубей, когда "сердце их холодеет и крылья падают" под ударом стрелы лучника.

Любовь Сафо к природе превосходит только любовь к искусству, к пышности и праздности, поскольку они обращены к эстетической природе. Она любит свою лиру, песни и танцы, гирлянды, пурпурные одежды и все, что сопутствует поклонению Афродите и музам. К своей лире она обращается следующим образом:

"Приди же, моя лира божественная!

Пусть речь будет твоей".

А к Афродите она обращается с таким призывом:

"Приди, царица Кипра, пролей поток

Нектара, смешанного сочно

С весельем, в кубки золотые".

Она также призывает к себе муз и граций:

"Придите сюда, прекрасные Грации

И прекрасные Музы!".

И снова:

"Придите, розоворукие, целомудренные Грации! Придите,

Дочь Юпитера!"

И еще:

"Придите, придите, Музы!

Покиньте золотое небо".

При поклонении Афродите и Грациям для почитателей уместны гирлянды:

"Из листвы и цветов, усыпанных любовью.

Сплети венки для волос твоих.

Своими нежными пальцами, дева,

Сплети гирлянды из петрушки прекрасной;

"Ибо цветы сладки, и милости

На сторонников, увенчанных венками

Взирают с небес,

Но от безвенцовых отвратись".

Такова была радость почитателей Муз. Сапфо верила в украшение души так же, как и тела, и так обращается к тому, кто пренебрегает услугами муз:

"Да, ты умрешь,

И лежать

В безмолвной могиле;

И имя твоё

Не будет славы

В веках будущих и грядущих;

Для цветущей розы,

Что на Пиерии распускается,

Ты не имеешь доли:

Но в печальном доме Аида

Неизвестный, бесславный

Среди мрачных теней, что бродят там.

Ты будешь летать и витать в пленочном воздухе".

"Я думаю, что в последующие дни о нас еще вспомнят", - сказала Сафо, и это чувство часто подражало последующим поэтам. Так поэтесса получила предчувствие бессмертия, которое по праву принадлежит ей, и читатель проникнется духом пересказа Суинберна:

"Я, Сафо, буду едина со всеми этими вещами,

Со всеми вещами высокими навсегда; и лицо мое

Увиденное однажды, мои песни, услышанные в чужом краю,

Прилепится к жизни людей, и расточатся дни их

В радости, печали и долгой любви".

Сафо поет о любви и ее проявлениях, о тоске и страсти, о печали и сожалении, о красоте природы в море и небе, днем и ночью, о птицах, деревьях и цветах, и "обо всем этом она рассказывает нам языком одновременно властным и нежным, стихом столь же симметричным, сколь и изысканным, свободным и пылким, метафорой простой или возвышенной; каждое слово, каждая строка выражают сокровенный смысл писателя; с искусством, которое в своей греческой сдержанности, сравнении и сладости, а также в своей восточной пылкости, безупречно и безошибочно".

Сафо представляет интерес для женщин нашего времени не только как поэт, но и потому, что она была основательницей первого женского клуба, о котором нам известно. Однако этот лесбийский литературный клуб не занимался изучением актуальных тем, не стремился собрать снопы знаний из области науки и истории, а был посвящен исключительно служению Музам. Сафо привлекала своей славой молодых женщин Лесбоса и соседних городов. Она собирала их вокруг себя, наставляла в поэзии и музыке, побуждала к развитию всех искусств и граций. Многие из этих девиц издалека искали общества Сафо, несомненно, потому, что устали от низкой рутины и однообразной домашней жизни, которая выпала на долю женщин в ионийских городах, и потому, что чувствовали потребность в более свободной атмосфере и более вдохновляющем окружении.

Сафо стремилась возвысить свой пол. Она показывала им, что благодаря более совершенной тренировке ума и тела их кругозор расширится, их ресурсы для счастья увеличатся, а их дома станут центрами вдохновляющего влияния на мужа и детей.

Никогда не было учителя, который бы так стремился завоевать любовь и доверие своих учеников. Максим Тирский сравнивает свои отношения с подругами с отношениями Сократа с юношами. Временами люди порицали эту интимную дружбу Сократа и Сафо с их

учениками, усматривая в ней аморальные отношения, подобные тем, что характеризовали страстную преданность многих греческих мужчин прекрасным юношам; но для таких обвинений нет никаких оснований. Показывая красоту, сладость и удовлетворение любви женщины к женщине, Сапфо не пыталась заменить этой любовью любовь мужчин. Сама она была замужем, и в ее стихах есть намеки на то, что некоторые из ее подруг променяли удовольствия эстетического товарищества на радости супружеской жизни.

Из фрагментов ее песен мы знаем имена по меньшей мере четырнадцати ее учениц, и приятно попытаться восстановить картину этой восхитительной компании девушек-друзей, которые проводили дни в изучении поэзии и музыки, а вечера - во всех возвышенных формах отдыха. Один писатель так обрисовал эту картину: "Давайте мысленно соберем вокруг нее девиц, которые приехали из разных уголков Греции, чтобы узнать о ней. Анактория - из Милета, Эвника - из Саламиса, Гонгила - из Колофона, другие - из Памфилии и с острова Телос. Эринна и Дамофила вместе учатся составлять сапфические метры. Аттис учится ударять по арфе плектром, изобретением Сапфо; Мнасидика вышивает священное одеяние для храма. Учительница тем временем исправляет меры одной, ноты другой, строфы третьей; то отрывает всех от работы, чтобы вместе прорепетировать какой-нибудь священный хор или храмовый ритуал; то останавливается, чтобы прочесть стих собственного сочинения или обличить соперницу-наставницу. На протяжении всего общения с этими девами ее поведение характеризуется страстной любовью, как между равными по уму и сердцу, и выражается пылким и высокопарным языком, воплощающим чистоту, которую невозможно не понять или предать забвению".

VII

СПАРТАНСКАЯ ЖЕНЩИНА

Именно из Спарты Парис в героическую эпоху увез в свой фригийский дом аргивянку Елену, прекраснейшую из смертных, греческий идеал женской красоты и очарования. Но с того рокового дня - как, впрочем, и до него - в Спарте не было ни одной женщины, которая могла бы сравниться с ней; спартанские девы исторических времен, хотя и были красивы, энергичны и отличались физической красотой, были отлиты в более твердой и прочной форме, чем та, которая характеризовала Елену, цветок грации и прекрасного.

Путешественник, побывавший в Спарте в период ее расцвета, должен был восхититься великолепными девами и матронами, которых он видел среди холмов Лакедемона - тренированных в атлетических упражнениях, быстроногих, энергичных и хорошо сложенных, показывающих самой своей походкой, как важны они были для благополучия государства.

В Спарте женщина была равна мужчине, в Афинах - ниже его. В этом факте кроется секрет воспитания, которое ей давали, ведь характер воспитания женщины - это показатель того положения, которое отводилось ей духом государства. Спартакое законодательство в отношении женщины управлялось одной идеей - развить в деве будущую мать. Эта идея настолько прекрасна, настолько глубока, что по прошествии веков невозможно найти лучшего принципа для женского воспитания. Как мать, так и сын - а спартанским идеалом

сына был воин, сильный, храбрый и решительный, переносящий трудности и живущий только ради государства. Следовательно, мать должна быть сильной, смелой и решительной, жертвуя каждой женской нежностью ради преобладающей концепции патриотизма.

Велик контраст между женщинами разных народов Греции. Ахейская женщина в гомеровские времена не играла заметной роли в общественных делах; ее дом был ее дворцом, и она проявляла те домашние черты и женские качества, которые и в наши дни составляют женское очарование. Жизнь ионийской женщины была уединенной, она находилась под властью сильного пола и была вынуждена посвящать себя разнообразным обязанностям по дому. Эолийская женщина, напротив, отстаивала свою свободу и жила на условиях социального и интеллектуального товарищества с мужчинами. Она посвящала себя культивированию всех женских граций и была искренней последовательницей Афродиты и муз. В отличие от них, спартанская женщина представляет собой совершенно уникальный тип. Она была всего лишь созданием государства, и воспитание ее высшей природы находилось под контролем жесткой системы. Как таковая, она в значительной степени способствовала общественному благосостоянию, но при этом жертвовала многими женскими качествами. Природная привязанность и женская симпатия были принесены в жертву одной добродетели - патриотизму. Но одна функция была подчеркнута - материнство. Все ее обучение было посвящено только одной цели - производству солдат. Жизнь отдельного человека была строго подчинена благу государства. Такая система воспитала замечательный тип женщины, и спартанская матрона вошла в историю бессмертным именем.

От центрального массива горной системы Пелопоннеса в Аркадии отделяются две цепи, Таягетская и Парнонская, которые тянутся на юг и заканчиваются двумя опасными мысами Тенарум и Малей. Между этими двумя хребтами в юго-восточном направлении извивается река Евротас. В волнистой долине, образованной руслом этой реки и закрытой горными хребтами, лежала древняя Спарта. Природа и климат этой страны делали людей выносливыми и решительными. Еврипид называет ее "страной, богатой продуктами, но трудной для возделывания; закрытой со всех сторон барьером суровых гор; почти недоступной для врага". Ее скрытое положение в долине Евротаса делало ее хорошо охраняемым лагерем, и дорийские завоеватели Пелопоннеса, окруженные врагами и угрожаемые воинственными соседями, вскоре убедились, что единственная надежда удержать свои завоевания и расширить свою власть заключается в поддержании воинственного рода.

Ликург, обычно считающийся жившим в девятом веке до нашей эры, был основателем законодательства, которое составляло величие Спарты. Он был одним из родоначальников принципа, столь характерного для античности и столь контрастирующего с духом современности: "Гражданин рождается и живет для государства; ему принадлежат его время, его сила и все его способности". Нигде этот принцип не соблюдался так жестко, как в Спарте. Ликург создал институты общественного характера, которые обеспечивали централизованное управление самого жесткого типа, и правила частной жизни, которые развивали воинственный тип гражданина. Вся система была направлена на то, чтобы сделать Спарту верховной в Пелопоннесе, а ее солдат непобедимыми в войне. Для достижения этой цели повседневная жизнь каждого человека, как мужчины, так и женщины, находилась под контролем государства. Влияние подобной системы на характер было удачно выражено Руссо: "Он укрепил гражданина, отняв у него человеческие черты".

Ликург видел, что спасение Спарты зависит от того, станут ли ее граждане нацией воинов. Только будучи всегда готовым к войне и обладая непобедимым воинским корпусом, государство могло выполнить свое предназначение в деле мира. Он также понимал, что естественным предшественником нации мужчин, сильных физически и интеллектуально, является раса здоровых, крепких, трудоспособных женщин. Поэтому обучение дочерей Спарты стало краеугольным камнем его системы. Целя женщины только за ее плодовитость, его законодательство в отношении нее преследовало лишь одну цель - сделать ее матерью могущественной расы мужчин. Поэтому девы, как и юноши, подвергались самой жесткой физической подготовке.

С момента рождения спартанский мальчик или девочка находились в руках государства. Младенца выставляли на всеобщее обозрение, а если старейшины считали его хрупким и неперспективным или по какой-либо причине считали, что его существование не представляет ценности для государства, ребенка сбрасывали со скалы горы Таягет, - обычай, шокирующий современную чувствительность, но признанный как необходимость Платоном, Аристотелем и другими древними философами. Трудоспособного ребенка возвращали матери, и она под присмотром магистратов занималась ранним воспитанием своего подопечного. Хотя спартанская девочка не была, как юноша, полностью оторвана от матери в семилетнем возрасте и воспитывалась в казарме, ее обучение было не менее суровым, чем у мальчиков. Женские работы по прядению и ткачеству, привычные для свободных женщин других народов, спартанцы поручали рабыням, а государство так распоряжалось жизнью свободных девиц, чтобы в будущем они могли стать матерями крепких детей. "Он [Ликург] велел девам, - говорит Плутарх, - упражняться в борьбе, беге, метании квоита и дротики, чтобы зачатый ими плод в сильных и здоровых телах пустил более крепкие корни и лучше рос". Эти гимнастические упражнения они практиковали на публике, одетые лишь в скромные одежды, преодолевая таким образом страх перед открытым небом, а также чрезмерную нежность и застенчивость. В таком же одеянии они участвовали в шествиях вместе с юношами и обучались пению и танцам в общественных хорах. Это тщательно регламентированное товарищество между юношами и девами поощрялось с целью стимулировать молодых людей к доблестным поступкам. Девы в таких случаях в шуточной форме высказывали достойные размышления о юношах, которые плохо вели себя на войне, и пели хвалебные песни о тех, кто совершал доблестные поступки. Таким образом, страх перед женскими насмешками подстегивал юношей к большим усилиям, а женские похвалы вдохновляли их на совершение великих поступков. Спартанская дева всегда должна была поддерживать огонь патриотизма и героического стремления. Мать наставлениями и примером учила дочь подавлять все чувства женской нежности, ставить государство на первое место в своем сердце и жизни и находить свое предназначение в том, чтобы рожать храбрых сыновей для защиты своей страны. Допущенные к свободе общения со своими братьями в играх и шествиях и стимулируемые наставлениями своих матерей, они рано уловили дух и цель, одушевлявшие всех и каждого, - дух бескорыстного патриотизма. Поэтому вполне естественно, что они без ропота принимали тиранию одной идеи и находили в ней свою славу и гордость. Много историй рассказывают об их удивительной преданности государству. Спартанская мать, потерявшая в бою своего мальчика, восклицает: "Разве я родила его не для того, чтобы он умер за Спарту?". К другой, ожидавшей вестей о сражении, приходит гонец, сообщающий, что пять ее сыновей погибли. "Ты, презренный раб, - отвечает она, - это не то, что я хочу услышать. Как поживает моя страна?" Услышав, что Спарта одержала победу, она, не дрогнув, добавляет: "С готовностью я слышу о смерти моих сыновей".

Брак является определяющим фактором в экономических условиях общества, а предписания, касающиеся его, служат прекрасным показателем характера любого народа. При ликурганской системе брак находился под строгим контролем государства. Богиня любви была практически изгнана из Спарты. Только один храм Афродиты стоял в Лакедемонне, и в нем богиня была представлена вооруженной, но не волшебным поясом, а мечом, и сидящей с покрывалом на голове и оковами на ногах, что символизировало ее скованность. История насчитывает множество примеров привязанности между мужем и женой, но соображения любви не входили в брачный контракт. Ни одна слабая женщина не могла выйти замуж. Возраст вступления в брак определялся периодом, который считался наилучшим для совершенствования потомства, обычно около тридцати лет для мужчин и около двадцати для девиц. Плутарх бесцветным языком описывает основные черты брачных отношений спартанцев:

"При заключении брака муж уводил невесту силой; невесты были не маленькие и нежного возраста, а в полном расцвете сил и зрелости. После этого приходит распорядительница свадьбы, обрезает волосы невесты вокруг головы, одевает ее в мужскую одежду и оставляет на матрасе в темноте; затем приходит жених в своей повседневной одежде, трезвый и собранный, как будто поужинавший за общим столом, и, войдя в комнату, где лежит невеста, развязывает ее девственную зону и берет ее к себе; пробыв некоторое время вместе, он спокойно возвращается в свою квартиру, чтобы спать, как обычно, с другими молодыми людьми. И так он продолжает, проводя с ними дни и ночи, посещая свою невесту в страхе и стыде и с осторожностью, когда думал, что его не должны заметить; она же, со своей стороны, используя свою смекалку, помогает найти благоприятные возможности для их встречи, когда компания находится в стороне. Так они прожили долгое время, так что иногда у них рождались дети от жен, прежде чем они виделись при свете дня. Таким образом, трудные и редкие встречи служили не только для постоянного упражнения их самообладания, но и сводили их вместе с их телами, здоровыми и энергичными, и их привязанностями, свежими и живыми, не насыщенными и не притупленными легким доступом и долгим пребыванием друг с другом, в то время как их расставания всегда были достаточно ранними, чтобы оставить после себя неугасимый огонь тоски и взаимного наслаждения в каждом из них.

"Охраняя брак с такой скромностью и сдержанностью, Ликург не менее тщательно изгонял пустую и женскую ревность. С этой целью, исключив все развратные действия, он сделал тем не менее почетным для мужчин отдавать своих жен в пользование тем, кого они сочтут нужным, чтобы иметь от них детей; высмеивая тех, по чьему мнению, такие благодеяния настолько непригодны для участия, что из-за них приходится сражаться, проливать кровь и идти на войну. Ликург разрешил человеку, достигшему преклонных лет и имеющему молодую жену, рекомендовать какого-нибудь добродетельного и достойного одобрения юношу, чтобы она могла иметь от него ребенка, который унаследовал бы хорошие качества отца и был бы сыном ему самому. С другой стороны, честный человек, который любил замужнюю женщину из-за ее скромности и благосклонности к ее детям, мог без формальностей просить ее у мужа, чтобы тот мог, так сказать, вырастить из этого участка хорошей земли достойных и благосклонных детей для себя".

Подобные правила, хотя и шокируют современную чувствительность, похоже, не наносили ущерба общественной морали, пока Спарта подчинялась суровой строгости законов. Удивительно, что в то время как женщина могла законно быть признанной женой двух мужей, мужчине не разрешалось дублировать супругов. Это правило иллюстрируется единственным историческим исключением - случаем царя Анаксандрида, который, по словам Геродота,

когда царский род Гераклидов от Эврисфея оказался под угрозой исчезновения, женился на своей племяннице, которая не родила ему детей. Народ уговаривал его развестись с ней и заключить другой брак, но из-за любви к жене он решительно отказался. Тогда они предложили ему следующее: "Так как мы видим, что ты крепко привязан к своей жене, то согласишься на это и не противься этому, чтобы спартанцы не приняли против тебя иного совета, чем хотелось бы. Мы не требуем от тебя, чтобы ты бросил жену, которая у тебя теперь; но дай ей все, что даешь теперь, и в то же время возьми в дом свой другую жену в дополнение к этой, чтобы она родила тебе детей". Когда с ним так поговорили, Анаксандрид согласился, и с этого времени он вел два отдельных хозяйства, имея двух жен, что, как нам говорят, отнюдь не соответствовало спартанской моде.

Для поощрения брака предлагались всевозможные стимулы, а холостяки были предметом всеобщего презрения и насмешек. "Те, кто оставался холостяком, - говорит Плутарх, - были в определенной степени лишены прав по закону; их не допускали к общественным шествиям, в которых юноши и девы танцевали обнаженными, а в зимнее время чиновники заставляли их ходить голыми вокруг рыночной площади, распевая на ходу определенную песню к их собственному позору, чтобы они справедливо понесли это наказание за неповиновение законам". Более того, на одном из праздников женщины сами пытались привести этих заблудших к правильному пониманию своего долга, таская их вокруг алтаря и постоянно нанося им удары. Несомненно, все девы были склонны к браку, поскольку это усиливало их влияние и позволяло им выполнять свою миссию; и правители всегда были готовы обеспечить их мужьями.

Бездетность была своего рода позором. Мужчины, не ставшие отцами, лишались уважения и почтения, которые молодые люди Спарты регулярно оказывали старшим. Однажды в собрание вошел знаменитый полководец Дерсиллидас. Один из молодых спартанцев, вопреки обычаю, не встал при его приближении. Воин-ветеран был удивлен. "У тебя нет сыновей, - сказал юноша, - которые когда-нибудь окажут мне такую же честь". И общественное мнение оправдало это оправдание.

Влияние атлетических тренировок на физическую природу женщины было весьма похвальным. Спартанская дева славилась на всю Грецию энергичностью тела и красотой форм. Это впечатляло даже афинян. Лисистрата в пьесе Аристофана, приветствуя Лампито, делегата из Спарты, приехавшего на женскую конференцию, говорит таким образом:

"О дорогая лаконианка, о Лампито, добро пожаловать! Как ты прекрасна, милейшая! Какой свежий цвет! Как энергично твое тело! Какая у тебя красивая грудь! Ты можешь завалить быка!" На это приветствие следует ответ:

"Да, думаю, я могла бы, клянусь Кастором и Поллуксом! Ведь я занимаюсь гимнастикой и высоко прыгаю".

Идеалы красоты в разных эпохах и странах различны, и нет сомнений, что Лампито была великолепным образцом женщины; однако можно усомниться, что такая мужественная сила согласуется с высочайшим моральным и духовным развитием, которое, в конце концов, является главным фактором женского очарования. Спартанские женщины были востребованы в качестве кормилиц и пользовались всеобщим уважением за свою энергичность и доблесть; однако именно столь же здоровая, но более изящная ионийская женщина была выбрана в качестве модели для статуй богини любви и красоты.

Спартанская дисциплина порождала красивых животных, но любая система, которая притупляла чувствительность, вряд ли могла привить грацию, сладость и теплоту темперамента, которые необходимы для красоты.

Что касается нравственной природы спартанской женщины, то, несомненно, бескорыстная преданность государству и подчинение индивидуальных склонностей благу целого способствовали бы развитию строгой морали. Однако свободное общение между полами шокировало афинян, а Еврипид в "Андромахе" вложил в уста Пелея суровый обвинительный акт в адрес спартанской женщины:

"Хоть бы кто сказал,

Добродетельной не может быть дочь Спарты.

Они выходят за границу с юношами из своих домов,

И - с голыми бедрами и в свободном, распушенном одеянии - рас

бются с ними - вещи невыносимые

Для меня! И разве удивительно, что

Что вы не приучаете своих женщин к целомудрию?"

Спартанские законы, правда, разрешали и поощряли некоторые виды практики, которые в наши дни считаются морально неправильными, но все же то, что было законным, не могло считаться аморальным. Ксенофонт и Плутарх были горячими поклонниками спартанской системы и решительно утверждали прямогу и благородство спартанцев. Плутарх рассказывает случай, иллюстрирующий спартанскую добродетель в старые времена. Герадас, очень древний спартанец, на вопрос незнакомца, какое наказание закон назначил прелюбодеям, ответил: "В нашей стране нет прелюбодеев". "Но, - ответил незнакомец, - предположим, что они есть". "Тогда, - ответил он, - преступник должен был бы подарить истцу быка с такой длинной шеей, чтобы тот мог пить с вершины Тайгета из реки Евротас, протекающей под ним". Человек, удивленный этим, сказал: "Да ведь такого быка найти невозможно". Герадас с улыбкой ответил: "В Спарте так же невозможно найти прелюбодея".

Хотя нам приходится признать многое в спартанском устройстве, что противоречит нашим представлениям о святости семейных уз, мы должны испытывать глубочайшее уважение к спартанской матроне в лучшие дни Лакедемонии. Эта жесткая система на протяжении четырех или пяти веков обеспечивала "череду сильнейших мужчин, которые, возможно, когда-либо существовали на земле", а сила характера матерей сделала сыновей теми, кем они были. Только римская матрона может быть достойно сравнена со спартанской матерью.

Неудивительно, что такие матери обладали влиянием, которому завидовала вся Греция. "Вы, спартанские женщины, единственные, кто властвует над мужчинами", - сказал незнакомец Горго, жене Леонида. "Верно, - ответила она, - ведь только мы являемся матерями мужчин".

В течение нескольких столетий благодаря своей особой дисциплине Спарта, не считая Афин, была передовым государством Греции. Но время - враг, которого часто недостаточно учитывают люди, создающие особые системы. Ликург, желавший сделать свою систему вечной, не в полной мере учитывал разрушающее воздействие, которое время оказывает на все временное. "*Naturam expellas furca, tamen usque recurret* [Можно силой подавить природные склонности, но они обязательно проявятся вновь]", - говорит мудрейший из римских сатириков Гораций; и спартанское государство пыталось подавить природу в

мужчинах и женщинах и контролировать ее с помощью закона. Огромный недостаток лакедемонской конституции заключался в нарушении вечных законов, которые определяют каждому существу его роль в гармонии мира. Люди созданы для войны, но они созданы и для мира. Поэтому, когда Ликург превращал город в вооруженный лагерь, в мирные периоды спартанец "ржавел, как неиспользованный меч в ножнах", и в безделье дома или в гарнизонной службе за границей становился легкой жертвой скупости и похоти.

В своем законодательстве, касающемся женщин, Ликург нарушил природные склонности в еще большей степени, чем в своих законах, регулирующих поведение мужчин. Женщина была предназначена прежде всего для домашней жизни. Она была создана для рождения детей; но ее царство - дом с его разнообразными обязанностями, и воспитание детей - такая же ее функция, как и их рождение. Однако спартанского мальчика насильно отнимали от матери в семилетнем возрасте, а спартанская дева, живя дома, подчинялась строгим правилам, сформулированным и навязанным государством.

Женщина интуитивно заинтересована в выполнении домашних обязанностей, в ведении домашнего хозяйства, починке одежды и заботе о бесчисленных нуждах мужа и детей. Однако *сисситии*, или общественные трапезы, лишали ее общества мужа и сыновей и отнимали у нее домашние заботы, поскольку считали их слишком рутинными для свободной спартанки. "Женщины-рабыни, - утверждал Ликург, - достаточно хороши, чтобы сидеть дома, прясть и ткать; но кто может ожидать великолепного потомства - надлежащей миссии и долга свободной спартанской женщины по отношению к своей стране - от матерей, воспитанных в таких занятиях?"

Хотя спартанская система предписывала спартанской женщине жесткую дисциплину вплоть до материнства, после этого она оставляла ее жизнь совершенно нерегулируемой законом. Платон, который во многих отношениях был большим поклонником спартанцев, критикует этот необычный недостаток. Он находил недостаток в системе, которая рассматривала женщину только как мать, и, следовательно, когда дети рождались и передавались государству, закон не обеспечивал матери занятие и никак не регулировал ее поведение. Не было ничего, что могло бы сдерживать их роскошь или удерживать их в верности долгу и порядочности. Высшая культура не поощрялась, сношения с чужаками запрещались, и женщина была предоставлена самой себе в вопросах занятости и отдыха, но в значительной степени она была лишена обычных женских занятий. В прежние времена, когда государство было для граждан всем, а матери побуждали мужей и сыновей к доблестным поступкам, зло ликурганской системы не проявлялось; но когда наступил кризис и Спарта утратила свое главенство в греческих делах, старые нравы сдали позиции, порок и слабость нахлынули, и мужчины и женщины стали развратными и порочными.

Аристотель, находившийся в зените своего могущества во второй половине четвертого века до Рождества Христова, сурово осуждает вольность спартанских женщин. Он считает, что это противоречит намерениям спартанской конституции и подрывает добрый порядок в государстве. Он утверждает, что если Ликург стремился сделать все государство выносливым и умеренным и преуспел в этом в случае с мужчинами, то с женщинами, которые жили во всевозможной невозддержанности и роскоши, он этого не сделал. Он обвиняет спартанских мужчин в том, что они находятся под властью своих жен - Арес всегда был восприимчив к желаниям и склонностям Афродиты. И результат один и тот же, добавляет он, "независимо от того, правят ли женщины или правители управляются женщинами". Он также нападает на храбрость женщин, утверждая, что во время вторжения фиванцев они были совершенно бесполезны и внесли больше смятения, чем враг. Он находит их

склонными к скупости и сожалеет, что из-за неравенства законов, регулирующих собственность, более двух пятых всей страны уже находилось в руках женщин.

В конце концов природа заявила о себе, и пороки, присущие ликурговой системе, привели к падению государства. Спарта пожертвовала свободами своих граждан, пренебрегла законами природы в судьбе и воспитании женщин, изгнала искусства и стремилась не допустить никакого гуманизирующего влияния. Поэтому, когда эта конституция, негибкая и в некоторых отношениях безнравственная и противоестественная, была нарушена, ее упадок был стремительным. Печально, что Аристотель увидел в безнравственности, жадности, неправильном поведении женщин одну из причин падения Спарты!

Спарта вырождалась, но ей не суждено было погибнуть без последней борьбы. В середине третьего века до Рождества Христова два царя Спарты, вдохновленные рассказами о ее ранних временах, попытались преодолеть разгул роскоши и порока и вернуть государству его первобытную простоту и величие. В своих благородных попытках совершить невозможное они привлекли усилия благородных женщин, которые своей самоотверженной преданностью на мгновение озарили умирающее государство.

Самым первым из этих двух царей был молодой и кроткий Агис. В развращенном состоянии общества он видел необходимость реформ и хотел начать с корня зла, аннулировав долги и перераспределив землю. Одним из первых советников, с которыми он посоветовался по поводу задуманных реформ, была его мать Агесистрата, женщина, обладавшая огромным богатством и властью, у которой многие спартанцы были в долгу и могли серьезно пострадать от перемен. Однако, осознав необходимость реформ, она вместе с бабушкой молодого царя с душой включилась в его планы по восстановлению величия Спарты. Агесистрата призывала других аристократок присоединиться к движению, "хорошо зная, что лакедемонские жены всегда имели большую власть над своими мужьями". Те, однако, яростно воспротивились, ведь в это время большая часть денег Спарты находилась в руках женщин и была главной опорой их кредита и власти. Леонид, другой царь, возглавил оппозицию, и между Агисом и Леонидом завязалась смертельная борьба: один выступал за народ, другой - за аристократов. Сначала Агис одержал победу, а Леонид был свергнут, и вместо него на царский престол был возведен Клеомброт, его зять. Теперь на первый план выходит другая женщина. Хилонис, жена Клеомброта и дочь Леонида, видя, что ее престарелый отец находится в изгнании и бедственном положении, оставляет мужа в зените его могущества и посвящает себя своему престарелому отцу.

Однако колесо фортуны вновь поворачивается, и Леонид возвращается к власти. Агис и Клеомброт спасаются бегством и становятся сторонниками - один в храме Медного дома, другой в храме Посейдона. Леонид, еще больше разгневавшись на зятя, на время оставляет Агиса и вместе с воинами отправляется в святилище Клеомброта, чтобы упрекнуть его в том, что он вступил в сговор с его врагами, узурпировал его трон и изгнал из страны. Хилонис, понимая, что мужу угрожает большая опасность, покидает отца и стремится помочь и утешить беглеца. Плутарх так рассказывает ее историю:

"Клеомброт, не имея возможности сказать что-либо в свое оправдание, сидел молча. Его жена Хилонис, дочь Леонида, решила последовать за отцом в его страданиях; когда Клеомброт узурпировал царство, она оставила его и целиком посвятила себя утешению отца в его несчастье; пока он оставался в Спарте, она, как просительница, тоже оставалась с ним; а когда он бежал, она бежала вместе с ним, оплакивая его несчастье и крайне недовольная Клеомбротом. Но теперь, при таком повороте судьбы, она изменилась подобным образом, и теперь ее видели сидящей, как просительницу, со своим мужем, обнимающей его и

державшей рядом с собой двух маленьких детей. Все люди были полны удивления перед благочестием и нежной привязанностью молодой женщины, которая, указывая на свои одежды и волосы, одинаково запущенные и неухоженные, сказала Леониду: "Я доведена, отец мой, до такого состояния, в котором ты меня видишь, не из-за нынешнего несчастья Клеомброта; мой траурный наряд давно мне знаком; он был надет, чтобы соболезновать тебе в твоём изгнании; а теперь ты вернулся в свою страну и в своё царство, должна ли я по-прежнему пребывать в горе и несчастье? Или ты хочешь, чтобы я облачилась в свои царские одежды, чтобы я радовалась вместе с тобой, когда ты убьёшь в моих объятиях человека, которому отдал меня в жены? Либо Клеомброт должен успокоить тебя моими слезами и слезами моих детей, либо он должен понести наказание большее, чем ты предлагаешь за его проступки, и увидеть, как я, которую он так хорошо любит, умру перед ним. Для чего мне жить и как я буду выглядеть среди спартанских женщин, если так очевидно, что я не смогла вызвать сострадание ни у мужа, ни у отца? Похоже, я рождена для того, чтобы участвовать в несчастье и позоре, как жена и дочь, самых близких и дорогих мне людей. Что касается Клеомброта, то я в достаточной мере отказалась от всяких благородных доводов в его пользу, когда оставила его, чтобы последовать за тобой; но ты сам предлагаешь самое справедливое оправдание его поступку, показывая всему миру, что ради царства справедливо убить зятя и быть независимым от дочери". Закончив эти причитания, Хилонис положила лицо на голову мужа и оглядела стоявших перед ней плачущими и убитыми горем глазами.

Леонид, тронутый состраданием, удалился на некоторое время, чтобы посоветоваться с друзьями; затем, вернувшись, велел Клеомброту покинуть святилище и отправиться в изгнание; "Хилонис, - сказал он, - должна остаться с ним, не справедливо, чтобы она оставила отца, чья привязанность даровала ей жизнь мужа". Но все, что он мог сказать, не возымело действия. Она тотчас же поднялась, взяла на руки одного из детей, другого отдала мужу, и, отдав дань уважения алтарю божества, вышла и последовала за ним. Словом, если бы Клеомброт не был полностью ослеплен честолюбием, он, несомненно, предпочел бы быть изгнанным со столь прекрасной женщиной, нежели без нее владеть царством".

Избавившись от Клеомброта, Леонид стал думать, как ему заманить Агиса в ловушку. Однако Агис хранил своё убежище до тех пор, пока его не выдало предательство трех мнимых друзей - Амфареса, Дамохареса и Аркесилая. Его отвели в тюрьму и казнили.

Плутарх рассказывает: "Сразу после смерти Амфарес вышел из ворот тюрьмы, где нашел Агесистрату, которая, считая его все тем же другом, что и раньше, бросилась ему в ноги. Он осторожно поднял ее и заверил, что ей не нужно больше бояться насилия или смертельной опасности для своего сына и что, если ей будет угодно, она может войти и увидеть его. Она попросила, чтобы ее мать также была допущена, и он ответил, что никто не должен препятствовать этому. Когда они вошли, он велел снова запереть ворота и сначала ввести Архидамию, бабушку; она была уже очень стара и прожила все свои дни в высшем свете среди своих сородичей. Как только Амфарес решил, что ее ввели, он сказал Агесистрате, что она может войти, если пожелает. Она вошла и, увидев распростертое на земле тело сына и висющую на шее мать, первым делом помогла офицерам снять тело; затем, прикрыв его, положила рядом с сыном, которого обняла и поцеловала в щеки: "Сын мой, - сказала она, - это твое слишком большое милосердие и доброта привели тебя и нас к гибели". Амфарес, стоявший за дверью, услышав это, ворвался и гневно сказал ей: "Раз ты так одобряешь поступки своего сына, то тебе подобает принять участие в его награде". Она же, поднявшись, чтобы предложить себя в петлю, ответила лишь: "Молюсь, чтобы это пошло на пользу Спарте"."

Так потерпела поражение первая попытка реформации Спарты. За всю долгую историю города Агис стал первым царем, который был предан смерти по приказу эфоров. Когда тела кроткого царя и его благородных матери и бабушки были обнажены, ужас народа не знал границ, а престарелые Леонид и Амфарес стали объектами всеобщего презрения.

Вторая попытка реформации Спарты также примечательна бескорыстием и благородством женщин, принявших в ней участие.

После казни царя Агиса его жена Агиатис была вынуждена Леонидом стать женой его сына Клеомена, хотя тот был еще слишком молод для брака. Поскольку Агиатис была наследницей огромного состояния своего отца Гиlippа, старый царь не хотел, чтобы она стала женой кого-либо, кроме его сына. Агиатис, по словам Плутарха, была "самой молодой и красивой женщиной во всей Греции и хорошо воспитанной в своих жизненных привычках". Она сопротивлялась союзу, сколько могла; но когда ее заставили выйти замуж, она стала для юноши доброй и услужливой женой. Клеомен очень любил ее и часто расспрашивал о реформах Агиса, а она не переставала внушать ему возвышенные идеалы своего прежнего кроткого и высокоумного мужа. В результате Клеомен сам полюбил старые порядки и после смерти Леонида попытался провести реформы, которые не удались Агису. Его мать, Кратесиклея, также с большим рвением содействовала его амбициям, а для того, чтобы эффективно помогать ему в осуществлении его планов, она взяла в мужья одного из самых богатых и влиятельных граждан. С ее помощью царю удалось сломить власть эфоров, и возврат к системе Ликурга был частично осуществлен. Но у Клеомена появился грозный враг в лице Арата, главы Ахейской лиги. Он перенес войну с Аратусом в Ахей и стал хозяином почти всего Пелопоннеса, но, благодаря настойчивости своих врагов, почти так же быстро потерял эту территорию. В разгар своих несчастий он получил известие о смерти жены, к которой был преданно привязан. "Это известие чрезвычайно огорчило его, - говорит Плутарх, - и он горевал, как молодой человек, о потере очень красивой и превосходной жены". Когда казалось, что все потеряно, он получил обещание помощи от египетского царя Птолемея, но только при условии, что тот отправит ему в качестве заложников свою мать и детей. Плутарх продолжает рассказ следующим образом:

"Птолемей, царь Египта, обещал ему помощь, но потребовал в качестве заложников его мать и детей. Долгое время он стыдился открыть это своей матери; и хотя он часто приходил к ней специально и как раз в это время говорил, но все же воздерживался и держал это в себе; так что она начала подозревать и спрашивала своего друга, не хочет ли Клеомен сказать ей что-нибудь, о чем он боится говорить. Наконец, Клеомен решился рассказать ей, и она громко рассмеялась и сказала: "Это то, что ты так часто хотел мне сказать, но боялся? Поспешి посадить меня на корабль и отправить эту тушу туда, где она будет наиболее полезна Спарте, прежде чем возраст уничтожит ее здесь". Поэтому, приготовив все необходимое для плавания, они отправились по суше в Тхенарум, и войско ждало их. Когда Кратесиклея была готова к отплытию, она отвела Клеомена в храм Посейдона и, обняв его, сильно удрученного и расстроенного, сказала: "Ступай, царь Спарты; когда мы выйдем на порог, пусть никто не увидит нас плачущими или проявляющими недостойные Спарты страсти, ибо только это в нашей власти; что же касается успеха или неудачи, то они ждут нас по воле божества". Сказав это и сохранив спокойствие, она пошла на корабль со своим маленьким внуком и велела лоцману немедленно выйти в море. Прибыв в Египет и узнав, что Птолемей принимает предложения и уговоры Антигона о мире и что Клеомен, хотя ахейцы и приглашали его к соглашению, боится ради нее вступать в него без согласия Птолемея, она написала ему письмо, советуя поступить так, как выгоднее и лучше для Спарты, а не ради старухи и

маленького ребенка постоянно находиться в страхе перед Птолемеем. Этот характер она сохранила и в своих несчастьях".

Однако вскоре Клеомена поняла, как мало нужно полагаться на благосклонность принцев. Антигон Сирийский выступил против него на стороне Арата, и Птолемей, который всегда был готов помочь доблестному спартанцу, не захотел навлекать на себя враждебность более сильного противника. Клеомен был разбит Антигоном и стал изгнанником при дворе Птолемея, но это оказалось не домом, а тюрьмой. После смерти старшего Птолемея его сын держал Клеомена и его друзей в заточении и, чтобы угодить Антигону, задумал предать их смерти. Клеомен и его спутники, зная, что их ждет трагический конец, решили прорваться сквозь тюремные решетки и поднять народ на восстание против Птолемея. Им легко удалось бежать, но народ нельзя было убедить в необходимости борьбы за свободу, и тогда преданная группа решила умереть. Тогда каждый из них покончил с собой, кроме Пантея, самого молодого и красивого из них, которого Клеомен выбрал, чтобы тот подождал, пока остальные умрут, и совершил над ними последние действия. Он тщательно уложил тела своих товарищей, а затем, поцеловав своего любимого царя и обняв его, покончил с собой. Весть об этом печальном событии, распространившись по городу, дошла, наконец, до престарелой матери Клеомена, которая, будучи женщиной сильной духом, не могла вынести тяжести этого несчастья, тем более что знала, что столь же трагическая судьба ожидает и ее внуков.

Египетский царь приказал распластать тело Клеомена, а его детей, мать и женщин, которые были с ней, предать смерти. Среди них была и жена Пантея, еще совсем юная и изысканно красивая, которая совсем недавно вышла замуж. Родители не позволили ей отправиться с Пантеем в Египет так скоро после их свадьбы, хотя она страстно желала этого, и отец закрыл ее и насильно держал дома. Но она нашла способ сбежать. Через несколько дней после отъезда Пантея она ночью ускользнула, села на лошадь и поскакала в Таенарум, а там села на судно, плывшее в Египет, где вскоре нашла своего мужа и вместе с ним стойко перенесла все страдания и лишения, выпавшие на их долю во враждебной стране. Теперь она была моральной поддержкой всей компании беспомощных женщин. Она передвигалась среди них, утешая и успокаивая. Она подала руку Кратесиклее, когда ее вели солдаты на казнь, придержала ее мантию и умоляла ее быть мужественной, сама ничуть не боясь смерти и желая лишь одного - быть убитой прежде, чем будут умерщвлены дети. Когда они добрались до места казни, сначала на глазах у Кратесиклеи были убиты дети, а затем она сама приняла смерть с такими патетическими словами на устах: "О дети, куда вы ушли?". Жена Пантея, как и ее муж, совершила последние действия над мужчинами, а затем и над женщинами. В тишине и совершенном спокойствии она присматривала за каждым убитым и укладывала тела так, как позволяли обстоятельства. А затем, после того как все были убиты, поправляя свою мантию, чтобы она могла красиво упасть, она мужественно подчинилась удару палача.

Так закончилось второе великое движение за реформацию Спарты, и отныне Спарта, как независимое государство, исчезает из истории. История падения Спарты обязана своим человеческим интересом главным образом женщинам, вовлеченным в нее, и Плутарх признает этот факт, когда, завершая рассказ о Клеомене, он, имея перед глазами греческие драматические состязания, говорит: "Так Лакедемон, показав драматическое состязание, в котором женщины соперничали с мужчинами, продемонстрировал в свои последние дни, что добродетель не может быть оскорблена фортуной".

Хилонис, Агесистрата, Агиатис, Кратесиклея, жена Пантея, - как жаль, что мы не знаем ее имени, - составляют самую восхитительную женскую группу, которую предлагает нам греческая история. Что особенно очаровывает нас, так это то, что они объединяют с силой и

самоотречением древних спартанских матрон милость, нежность, женственность, которые мы не привыкли приписывать спартанским женщинам. Они спартанки, но прежде всего они женщины.

VIII

АФИНСКАЯ ЖЕНЩИНА

Писатели, рассуждавшие о социальном положении женщины в Афинах и о том, как ее оценивал мужчина, придерживались разных точек зрения. Многие ученые утверждали, что женщины находились в заточении, не похожем на восточный гарем, что их жизнь была разновидностью вассальной зависимости, и что представители другого пола относились к ним с презрением; немногие же утверждали, что существовала степень эмансипации, незначительно отличающаяся от той, что есть у женского пола в наши дни. Как это обычно бывает, истина лежит в золотой середине между этими двумя крайностями; и внимательное прочтение греческих авторов, с суждением, направленным на дух их упоминаний о женщинах, а не на буквальное толкование разрозненных отрывков, покажет, что положение свободной афинской женщины, хотя отнюдь не идеальное и не соответствующее нашим современным стандартам, было гораздо лучше, чем обычно признают авторы, пишущие о греческой жизни.

Однако нельзя отрицать, что социальное положение афинской женщины было намного хуже, чем у женщины героического века, и что, несмотря на хваленую демократию и свободомыслие того периода, положение женщины в республиканских Афинах было упреком той передовой культуре и любви к хорошему и прекрасному, выразителем которой был город с фиолетовой короной. Со времен Гомера, воспевавшего женщин героической Греции, в образе жизни греков произошел переворот, и студенту не нужно далеко искать основные причины этих перемен.

Главной из них является греческая идея города-государства, которая достигла своего наивысшего развития в Афинах. Гражданство, как правило, было наследственным, и для сохранения его чистоты принимались все возможные правовые меры. Главным принципом наследственного гражданства было то, что союз, от которого происходил ребенок, должен быть признан государством. Для этого требовался законный брак, либо через обручение родителями или опекунами, либо через назначение магистратом. Перикл пересмотрел старые условия, которые стали слабыми во время тирании, приняв меру, ограничивающую гражданство теми, кто родился от двух родителей-афинян. Гражданству матери придавалось большее значение, чем гражданству отца, поскольку ребенок считался естественно принадлежащим матери. Увеличить число граждан можно было путем народного голосования, но в лучшие времена Афин их гражданство считалось настолько высокой привилегией, что право голоса охранялось очень ревностно. Поэтому в V веке в Афинах и Аттике проживало около четырехсот тысяч человек, из которых не более пятидесяти тысяч

были гражданами; остальные состояли из несовершеннолетних, иностранцев-резидентов, которых насчитывалось около пятнадцати тысяч, и рабов, которых в эпоху Перикла было около двухсот тысяч.

Чтобы сохранить чистоту гражданства при таком большом количестве жителей, увеличенном тысячами приезжих и чужестранцев, часто посещавших метрополию, были приняты все меры предосторожности, чтобы афинские дочери не сочетались браком с иностранцами и чтобы государство не получило поддельное потомство. Поэтому брак гражданина ограничивался союзом с законной афинской девицей, имеющей полное право первородства. Брак афинской девы с чужестранцем или гражданина с иностранцем был строго запрещен, а потомство от такого союза считалось незаконным.

При такой концепции государства брак лежал в самой основе государства, и уважение к местным божествам, обязательства гражданства, уважение к своей расе и роду требовали, чтобы вокруг него были созданы все условия и чтобы афинские женщины соблюдали те постановления и обычаи, которые позволяли бы им быть матерями граждан и удерживали бы их от любых запутанных интриг с чужаками.

Результатом такого управления стало необычное явление: в Афинах существовало два класса женщин: один - тщательно уединенный и ограниченный, под строгим надзором закона и обычаев; другой - свободный делать все, что ему заблагорассудится, за исключением брака с гражданами. При этом последние с радостью поменялись бы местами с первыми, а первые, несомненно, завидовали свободе и социальным достижениям вторых. К одному классу относились высокородные афинские матроны, славящиеся своим правом первородства и правящие домом; к другому - постоянно проживающие иностранцы женского пола, незамужние, раскрепощенные интеллектуально и свободные морально, которые могли стать "спутницами" великих людей города. Таким образом, из-за афинской концепции города-государства естественные функции женщины - домашнее хозяйство и дружеское общение, которые должны быть объединены в одном человеке, - были разделены: афинский мужчина обращался к жене только для ухода за домом, рождения и воспитания детей, а к гетере - для товарищества и интеллектуального сочувствия. Это зло было тем червем, который выгрыз сердцевину общественной жизни Афин и стал причиной несчастья женского пола.

При рождении девочки в Афинах на дверь дома вешали шерстяной филей, чтобы указать пол ребенка, а оливковый венок использовался, чтобы возвестить о рождении мальчика. Этот обычай демонстрирует относительную важность сына и дочери в глазах родителей и общества. Сын был предназначен для всех побед, которые может дать общественная жизнь и престиж государства; поэтому олива, символ победы, служила для того, чтобы возвестить о его появлении. Жизнь дочери должна была состоять из домашних обязанностей, поэтому лента шерсти с ее значением прядения и ткачества была подходящей эмблемой карьеры, для которой предназначался младенец. План греческого дома показывает, насколько уединенной должна была быть вся жизнь женщины. Во внутренней части греческого особняка, отделенной от передней части здания дверью, располагались *гинцекониты*, или женские апартаменты, обычно построенные вокруг двора. Здесь были спальни, столовые, детская, комнаты для прядения и ткачества, где хозяйка дома сидела за своим колесом. Короче говоря, это были женские владения.

В уединении *гинцеконита* девочка воспитывалась матерью и кормилицей. Ее игры - посуда, игрушечные веретена и куклы - были такими, чтобы привить ей вкус к домашним обязанностям. Для девочки не было предусмотрено регулярного общественного и

систематизированного обучения; образование не считалось необходимым, поскольку ее жизнь должна была быть посвящена домашнему хозяйству, вдали от мира дел. Но хотя школ для девиц не существовало, чтение и письмо, а также основы знаний регулярно прививались любящей матерью или верной няней. Расписанные фресками стены знакомили девочек с мифологическими историями, а музыка и чтение стихов были частыми источниками обучения и отдыха в домах зажиточных людей. Девиц, прежде всего, обучали сугубо женским искусствам - домоводству, прядению, ткачеству и вышиванию. Они были жестко отстранены от общения с представителями другого пола, а их контакты с внешним миром ограничивались участием в религиозных праздниках, которые занимали столь значительное место в повседневной жизни греков. "Когда мне было семь лет, - говорит хор афинянок в *"Лисистрате"* Аристофана, - я несла в процессии мистический ящик; потом, когда мне было десять, я молола лепешки для нашей богини-покровительницы; и, одетая в шафрановый халат, я была медведицей на брауронском празднике; и я несла священную корзину, когда стала красивой девушкой". Таковы были возможности, предоставленные высокородной афинской деве, чтобы время от времени взглянуть на величие и активность ее родного города; и можно ли сомневаться, что в таких случаях она была поражена возвышенностью храмов и произведений искусства и что на нее бросали множество скромных взглядов прекрасные юноши на лошадях, которые, в свою очередь, были очарованы красотой и свежестью этих нежно воспитанных девиц?

Уединение афинских девушек и заботливое воспитание, которое они получали от матерей и кормилиц, было таким, что позволяло им править домом. Афинская дева славилась по всей Элладе своей скромностью и миловидностью. Интеллект не культивировался, но сердце и чувствительность имели широкие возможности для развития в обязанностях и развлечениях *гинекопита* и в участии в религиозных упражнениях. Такое простое и мирное воспитание способствовало сохранению нежности души, незапятнанной невинности и чистоты. Когда проводится сравнение со спартанской системой, предпочтение следует отдать афинскому методу воспитания, со всеми его недостатками. Милая скромность, привитая уединением, была гораздо более женственной, чем смелость, приобретенная атлетическими упражнениями в присутствии молодых мужчин. Спартанская система готовила женщину к общественной жизни, к тому, чтобы быть патриотической матерью воинов; афинская система готовила деву к тому, чтобы быть хранительницей домашнего очага, ласковой и преданной матерью.

Когда дева достигала пятнадцатилетнего возраста, родители начинали переговоры о ее замужестве. Афинский брак был, по сути, вопросом удобства и обычно заключался по договору между отцами юноши и деви. Равенство рождения и состояния обычно были главными соображениями при выборе зятя или невестки; а в атмосфере, когда привлекательность деви была так мало известна, профессиональная сваха часто сводила заинтересованные стороны вместе. Так, деревенский Стрепсиад в *"Облаках"* Аристофана выражает желание, чтобы несчастно погибла та сваха, которая побудила его жениться на надменной, роскошной, циничной племяннице аристократа Мегакла, сына Мегакла.

Гомеровский обычай приносить ценные подарки или совершать доблестные подвиги, чтобы завоевать руку деви, давно канул в Лету, и в великие времена Афин отец должен был обеспечить приданое, состоящее частично из денег, частично из одежды, украшений и рабов. Солон, который, как рассказывает Плутарх, желал, чтобы браки заключались по мотивам чистой любви или доброй привязанности и способствовали рождению детей, а не из корыстных соображений, постановил, чтобы приданое не давали и чтобы невеста имела только три смены одежды; но этот добрый обычай ушел в прошлое с наступлением эпохи

простой жизни. Приданое стало неременным условием брака, поэтому бедных девушек часто одаривали щедрые родственники, или же само государство выделяло свадебную часть для дочерей мужчин, достойных своей страны. Например, когда афиняне узнали, что внучка тираноборца Аристокрита оказалась в бедственном положении на острове Лемнос и была так бедна, что никто не хотел на ней жениться, они привезли ее в Афины, выдали замуж за человека хорошего происхождения и подарили ей ферму в Потамосе в качестве брачного удела. Приданое, как правило, обеспечивалось жене жесткими ограничениями; в большинстве случаев при разводе приданое возвращалось к родителям жены; и хотя состояние мужа могло быть конфисковано, брачная доля жены от этого освобождалась.

Из всех церемоний и формальностей брака торжественное обручение было первой и самой важной, так как оно устанавливало законность союза; именно на этой церемонии невеста получала приданое. В присутствии двух семей отец девицы обращался к жениху со следующей формулой: "Чтобы родились законные дети, я дарю тебе свою дочь". Затем обрученные обменивались клятвами, сжимая правые руки или обнимая друг друга, а дева получала от своего жениха подарок в знак любви. Брак обычно следовал сразу за обручением.

Любимый месяц для церемонии назывался Гамелион, или "месяц брака"; он включал в себя часть нашего января и часть февраля. Накануне свадьбы молитвами и жертвоприношениями заручались благосклонностью божеств, покровительствующих браку, особенно Зевса Телея, Геры Телеи и Артемиды Эвклеи.

Как ни странно, сама свадьба, хотя и имела религиозный характер благодаря сопутствующим церемониям, не была ни религиозным, ни юридическим актом. Законность брака устанавливалась обручением, а его религиозный аспект заключался исключительно в обрядах в честь богов брака.

Второй церемонией, соблюдавшейся повсеместно, была свадебная ванна, которую жених и невеста принимали по отдельности перед заключением союза. В Афинах с незапамятных времен воду для этой ванны брали из священного фонтана Каллирроя, названного Писистратом "Эннеакрун", или "Девять струй", со времени его ограждения. Власти расходятся во мнениях, кто служил водоносом в этом случае - мальчик или девочка, но в пользу последнего предположения говорит архаичное изображение на гидрии, где священный фонтан Каллирроз вытекает из головы льва под дорической надстройкой. Девушка, держащая в руках ветви лавра или мирта, задумчиво смотрит вниз на гидрию, которую наполняют водой для новобрачных. Пять других девушек сгруппировались вокруг фонтана, одни с пустыми кувшинами ждут своей очереди, другие собираются идти домой с наполненными кувшинами. Несомненно, это месяц свадьбы, и многие девы готовятся к этому счастливому событию.

В день свадьбы, ближе к темноте, в родительском доме был устроен пир, на который собрались все новобрачные - ведь это был один из немногих случаев в жизни афинян, когда мужчины и женщины обедали вместе. Здесь появлялись жених и невеста, одетые в пурпур и увенчанные священными для Афродиты цветами. Отличительным знаком невесты была фата, которая покрывала ее голову и частично скрывала лицо. Все гости надели венки в честь радостного события. Невеста собственноручно срывала маки и кунжут, которые должны были увенчать ее лоб, так как надевать купленный брачный венок было бы дурным предзнаменованием.

Вскоре банкет завершается возлияниями и молитвами, как раз когда наступает ночь. Тогда невеста покидает празднично украшенный родительский дом и занимает место в колеснице,

между женихом и его шафером, чтобы отправиться в свадебное путешествие в свою новую обитель. Почетное место в процессии занимает мать невесты, которая идет позади колесницы, неся свадебные факелы, зажженные у семейного очага, чтобы невеста могла поддерживать священный огонь родного дома в своем новом жилище. Праздничная компания поет свадебную песню Гименей под звуки флейт, пока колесница медленно движется к дому жениха. В конце "*Птиц*" Аристофана, когда происходит свадьба Пишетэра и Басилеи, хор приветствует брачную пару следующими строками:

"Юпитер, этот бог возвышенный,
Когда судьбы в прежние времена
Соединили его с царицей небесной
На торжественном пиру,
Такой пир был устроен наверху,
И чарующий бог любви
Присутствовал на нем,
Как жених, занявший свой пост
С золотыми поводьями в руках,
Нυμεν, Нυμεν, Но!"

Новый дом, как и дом отца невесты, украшен гирляндами из лавра и плюща - лавр для мужа, как символ победы, а нежный и изящный плющ для невесты, олицетворяющий ее привязанность к мужу, как плющ к крепкому дубу. У дверей молодую пару ожидает мать жениха с горящими факелами в руках. Когда супруги входят в дом, на их головы выливается ушат сладостей, отчасти в шутку, отчасти в знак изобилия и процветания, на которые их призывают. Чтобы символизировать новые обязанности невесты как хозяйки дома, рядом с покоем новобрачных вешают пестик, которым толкут кукурузу; а по другому обычаю, преобладающему со времен Солона, ей полагается съесть айву, которая считалась символом плодовитости. Вскоре мать жениха сопровождает пару в *таламос*, или брачную палату, где невеста впервые предстает перед мужем. Тем временем перед дверью сопровождающие невесты, увенчанные гиацинтами, присоединяются к эпифаламу, или брачному гимну, характерный образец которого мы имеем в свадебном гимне Елене, написанном Феокритом:

"Так скоро ли ты уснешь, милый жених?
Любишь ли ты спать?
Или у тебя свинцовые отяжелевшие конечности?
Или ты слишком глубоко напился
Когда ты бросился в свое логово?
Временами тебе следовало бы спешить,
если бы сон был твоей целью,
В холостяцкую постель,

И оставить ее в объятиях матери,
чтобы она нежилась и играла,
Девочка среди своих подружек,
До глубокого дня...
Ибо не одна на эту ночь,
И не одна на следующую,
Но сквозь дни и сквозь годы
Ты ее себе присвоил".
И заканчивается она следующим образом:
"Спите, и любовь, и тоска
Дышите в груди друг друга,
Но не забудьте, когда утро вернется
Чтобы пробудить вас от отдыха;
С рассветом мы всколыхнемся,
Когда, высоко подняв свою прекрасную
И пернатую шею, самая ранняя птица
К рассвету взывает.
О Бог невест и женихов!
Пой: "Счастливая, счастливая пара!"".

Фрагмент Анакреона сохранил для нас пример утреннего брачного песнопения, исполняемого хором для приветствия жениха и невесты при их пробуждении:

"Афродита, царица богинь; Любовь, могущественная завоевательница; Гименей, источник жизни: о вас пою я в своих стихах. Это о вас я пою: Любовь, Гименей и Афродита. Узри, юноша, узри жену свою! Встань, о Стратикл, благосклонный Афродиты, муж Мириллы, полюбуйся невестой своей! Ее свежесть, ее грация, ее прелести - она блистает среди всех женщин. Роза - царица цветов; Мирилла - роза среди своих спутниц. Да вырастет в доме твоим сын, похожий на тебя!"

Затем начинается второй праздничный день для новобрачных. Муж и жена принимают визиты и подарки от родственников и друзей, а также обмениваются подарками друг с другом. Праздник завершается банкетом в доме мужа, на котором признается положение жены в клане семьи мужа, и теперь она может появляться без фаты, как хозяйка своего нового дома.

Свадебные сцены часто становятся предметом иллюстраций в античном искусстве. Самая замечательная из них - великолепная настенная роспись, известная как "*Свадьба Альдобрандини*", хранящаяся в Ватикане. На ней изображены на одной поверхности три различные сцены брачной церемонии. Центральная картина представляет собой комнату

гиноэ Онитис, где невеста, целомудренно покрытая вуалью, откидывается на красивую кушетку; "Пеито, богиня убеждения, сидит рядом с ней, как видно из короны на ее голове и из многократно сложенного пеплуса, падающего на ее спину. Она заступает за жениха и, кажется, ободряет робкую деву. Третья женская фигура, слева от группы, опирающаяся на часть колонны, кажется, ожидает капитуляции девушки; она наливает мазь из алабастрона в вазу из раковины, чтобы она была готова к использованию после купания невесты. Скорее всего, она изображает вторую служанку Афродиты, Харис, которая, согласно мифу, купала и помазывала свою госпожу амброзиальным маслом в священной роще Пафоса. Столб сзади Харис указывает на перегородку между этой камерой и соседней слева. Здесь мы видим большой бассейн, наполненный водой, стоящий на колонне. Возможно, это вода из колодца Каллирроэ, набранная стоящей рядом девушкой для брачной ванны. Девушка, кажется, пылливо смотрит на матрону, которая подходит к бассейну с другой стороны и опускает пальцы в воду, как бы проверяя ее теплоту. Ее возвышенные формы и священническое одеяние, а также инструмент в форме листа в руке (вероятно, используемый при люстрации), кажется, изображают ее как Геру Телею, богиню-покровительницу брака, которая осматривает и благословляет брачную ванну. Третья сцена картины расположена у входа в дом невесты. Жених, увенчанный виноградными ветвями, сидит на пороге, как бы с нетерпением ожидая окончания церемонии внутри дома. Перед ним группа из трех девиц, одна из которых, похоже, делает подношение на переносном алтаре, а две другие начинают гимней под аккомпанемент китары".

С завершением брачных церемоний дева переходит от *гинеконита* своего отца к гинекониту своего мужа; но, хотя она все еще находится под мужским контролем, она является абсолютной хозяйкой своей ограниченной сферы; тем не менее от нее ожидается, что она не будет проявлять интерес к общественным делам своего мужа и ограничит свое внимание домашними обязанностями.

"Хорошие женщины должны оставаться в доме;

Те, кого мы встречаем за границей, ничего не стоят".

пишет поэт; и в этом двустишии выражено представление афинского мужа о сфере деятельности жены. Его жизнь, по сути, проходит на открытом воздухе. Рынок, суды, многочисленные колоннады - вот центры его деятельности, где он проводит время, занимаясь делами, обсуждая политику, рассказывая или выслушивая что-то новое. Его досуг заключается в посещении *палестр* или *гимназий*, клубов Древней Греции, и в участии с избранными друзьями в банкетах, на которых прекрасные флейтисты и культурные гетеры развлекаются и веселятся. Дома он проводит совсем немного времени.

Тем временем жена руководит рабами и распределяет между ними обязанности; она следит за запасами, утварью и обстановкой дома; она руководит кухней; она ухаживает за больными; и, прежде всего, она посвящает свое внимание тщательному воспитанию детей, чья болтовня нарушает монотонное существование в женских апартаментах. Время от времени она навещает своих подруг или принимает их в своем доме; но мужа препятствовали сборищам женщин, считая, что сплетни приводят к супружескому недовольству.

Религиозные церемонии занимали значительную часть женской жизни, и женщины старше шестидесяти могли посещать любые похороны, на которые их призывала склонность; и похороны у греков, за исключением отдельных случаев, не были безнадежно торжественными. Эти пожилые женщины также имели право присутствовать на поминальных мероприятиях в честь выдающихся покойников, и именно по такому случаю

Фукидид вкладывает в уста Перикла знаменитую сентенцию, так метко выражающую афинское представление об идеальной женщине: "Лучшая жена - та, о которой меньше всего говорят ни хорошего, ни дурного". Символом женской жизни была черепаха - существо, никогда не выходящее из своего панциря. Ликиург рисует драматическую картину получения в Афинах известий о роковом дне в Херонее, когда афинские женщины стояли в дверях своих домов, наводя справки о мужьях, братьях и отцах, но не собирались на улицах, как можно было бы ожидать, чтобы обсудить страшную весть.

Несмотря на ограниченные возможности для социальной жизни, афинские женщины уделяли много времени своему туалету. Купание было ежедневной привычкой и сопровождалось помазанием маслами и ароматическими эссенциями. Достоинство и изящество афинской одежды прекрасно иллюстрирует драпировка женских форм, поддерживающих крышу южного портика Эрехтеума. Туника с нависающими *складками*, закрепленная вокруг бедер с помощью пояса, была изящно уложена в симметричные складки. Материалом обычно служил лен, а любимый цвет скромных гречанок - белый; впрочем, носили и разноцветные восточные одежды. Платья часто украшались ткаными узорами, каймой и вышивкой. Верхней одеждой была мантия, или *пеплос*, по форме напоминающая шаль и способная к разнообразным живописным драпировкам. Головной убор женщин был прост. Шляпы не носили, разве что в путешествиях, и, помимо обычной вуали, главным украшением была лента, скрепляющая обильные волосы. Она часто завязывалась узлом на макушке и скреплялась золотыми и серебряными булавками, верхушки которых имели форму ананаса или цветка лотоса; иногда волосы спереди укладывались в небольшие колечки, а сзади частично гладко спадали на шею, а частично длинными локонами спускались ниже плеч. Часто для скрепления волос использовались ленты, украшенные, где они лежали на лбу, металлической бляшкой, сформированной как лоб, называемой *стефане*; или же использовалась лента из ткани или кожи, широкая в центре и сужающаяся к концам, называемая *сфендоне* из-за ее сходства с пращей. Сандалии были обычной формой обуви, а разнообразие придавали длина и изящное складывание ремешков. Изысканная простота прослеживалась и в украшениях. Главным украшением было ожерелье; иногда оно состояло из шариков золота и гранатов, перемешанных между собой, или изумрудов, чередующихся с мелким жемчугом и скрепленных маленькими цепочками. Браслеты обязаны своим греческим названием форме, которую им обычно придавали - змее. Обычно их носили на запястье, иногда на верхней части руки, а иногда и на лодыжке. Иногда браслеты представляли собой просто круги из золота. Иногда их украшали медальонами через промежутки, иногда - изумрудами, гранатами или жемчугом. Кольца для ушей были изящной формы, иногда изображавшие лебедя из черной эмали, с золотыми клювом, крыльями, лапами и хвостом, иногда голубя на изящном постаменте, виноградную гроздь с золотым стеблем, сфинкса или голову пантеры. Застежки или пряжки, скреплявшие тунику или пеплум, обычно в форме дуги, отличались редкой красотой. Кольца, украшенные сердоликом, агатом, сардониксом, аметистом и другими драгоценными камнями, и броши всех видов дополняли украшения в шкатулках афинянок.

Раскрывая секреты афинского туалета, любовь к истине заставляет нас заявить, что эти прекрасные дамы прибегали к использованию косметики, возможно, чтобы преодолеть бледность цвета лица, вызванную недостатком пребывания на свежем воздухе. Щекам и губам придавали румяный оттенок с помощью *сурика*, или корня алканы; брови затемняли,

наносил толченую сурьму; а темные волосы можно было превратить в светлые с помощью определенного порошка, который придавал золотистый оттенок, воспетый поэтами.

Когда читаешь о том, какое большое внимание уделяли афинские женщины воспитанию изящества форм, вкуса в одежде и красоты черт лица, трудно понять, что эти прелести ограничивались женскими покаями и показывались внешнему миру только по торжественным случаям.

Хотя галантность современных времен не входила в привычную экипировку афинского джентльмена, он все же был очень внимателен к своему поведению в присутствии дам. Строго соблюдался этикет, который регулировал отношения полов. Ни один джентльмен не входил в женскую обитель в отсутствие хозяина, а неподобающие выражения в присутствии женщин считались грубым нарушением. Муж тщательно воздерживался в присутствии жены от действий, которые могли бы понизить ее оценку его достоинства. Между женатыми людьми, очевидно, сохранялась определенная дистанция, а сердечное знакомство иногда приносилось в жертву любви к социальным формам. Несомненно, и афинский муж, который, подобно Агатону из *"Симпозиума"* Платона, проявлял тончайший такт и сентиментальность в обращении с людьми, обычно демонстрировал жене и правительнице своего дома воспитанность и истинную вежливость.

В мирной атмосфере домашнего очага афинская женщина должна была вести безупречную жизнь. Неверность мужа рассматривалась как провинность, но жена, нарушившая брачный обет, наказывалась самым страшным позором. Если она снова выходила замуж, то мужчина, решившийся на брак с ней, лишался права голоса. Она становилась изгоем в обществе. Если она появлялась в храме, ее могли подвергнуть любым унижениям, вплоть до смерти. Кроме того, мужчина мог развестись с женой под малейшим предлогом, а жена, чтобы получить развод, должна была подать архонту жалобу на мужа и мольбу о возвращении приданого, и в ходе этого процесса она подвергалась множеству задержек и неудобств. Затем, поскольку в глазах закона она все еще оставалась несовершеннолетней, жена, ушедшая от мужа, должна была вернуться под опеку отца или брата; и многие страдающие жены молча терпели пренебрежение или дурное обращение, вместо того чтобы вернуться под контроль отца. И все же многие пылкие женщины восставали против неверности своего мужа. Самый печальный случай такого супружеского неравенства, который мы находим в греческой литературе, - это история жены Алкивиада, Гиппарете, и ее случай показывает, как трудно было жене отстаивать свои права. Ранняя смерть Гиппарета оставляет у читателя впечатление, что ее сердце было разбито непостоянством и жестокостью ее блестящего мужа.

"Гиппарет, - пишет Плутарх, - была добродетельной и послушной женой, но в конце концов, устав от оскорблений, причиняемых ей постоянными развлечением мужа с гетерами, как чужеземцами, так и афинянами, она ушла от него и удалилась в дом своего брата. Алкивиад, казалось, ничуть не обеспокоился этим и жил по-прежнему в той же роскоши; но по закону она должна была лично, а не по доверенности, передать архонту документ, в котором требовала развода; и когда, повинувшись этому, она предстала перед архонтом, чтобы выполнить это, Алкивиад вошел, подхватил ее и понес домой через рынок, никто не смел ему противостоять или отнять ее у него. Она оставалась с ним до самой своей смерти, которая случилась вскоре после этого, когда Алкивиад отправился в Эфес".

В замечательном трактате Ксенофонта *"Домашнее хозяйство"* мы находим интересное описание метода, которого придерживался образцовый греческий джентльмен при подготовке к домашним обязанностям своей молодой жены, нежной пятнадцатилетней

девочки, воспитываемой в условиях строжайшей сдержанности, чтобы она "как можно меньше видела, как можно меньше слышала и как можно меньше задавала вопросов".

Его не устраивало, чтобы его молодая жена просто знала обычные домашние обязанности - прясть, ткать и руководить служанкой, - но он хотел воспитать ее так, чтобы она имела более широкие представления о своей сфере, а также была способна понять, что желательно для счастья обоих. Рассказ образцового мужа Исхомаха в его диалоге с Сократом о своем опыте воспитания жены бросает много светлых пятен на брачные отношения афинян и философию их системы. Как только ребенок-жена была должным образом одомашнена и могла свободно разговаривать, муж начинал говорить с ней об их взаимных обязанностях и прививать те уроки, которые были бы полезны для них обоих. Теперь она, продолжает он, хозяйка его дома; отныне все должно быть их общим - забота об их богатстве, а также воспитание детей, которых им дадут боги. Он никогда не будет спрашивать, кто из них больше сделал для увеличения их общего состояния, но каждый должен стремиться внести свой вклад в это состояние.

Молодая жена, удивленная такими словами, спрашивает: "Как я могу помочь тебе в этом, и где та малая сила, которой я обладаю, может принести тебе пользу? Ведь мать говорила мне, что и мое состояние, и твое полностью в твоей власти, и что главной моей заботой должна быть добродетельная и трезвая жизнь".

ИСХОМАХ. - Это правда, добрая жена; но дело трезвого мужа и добродетельной жены не только сохранять состояние, которым они владеют, но и в равной степени способствовать его улучшению.

ЖЕНА. - И что же ты видишь во мне такого, что считаешь меня способной содействовать улучшению твоего состояния? ИСХОМАХУС. - Приложи все усилия, добрая жена, чтобы совершить те дела, которые угодны богам и предписаны тебе законом.

ЖЕНА. - И что же это за дела, дорогой муж?

Затем Исхомах перечисляет дела, угодные богам и установленные законом, и определяет границы, отделяющие обязанности мужчины от обязанностей женщины. Он говорит: "Мудрость божества подготовила союз двух полов и сделала брак полезным для каждого из них, - союз, который обеспечит им поддержку в детях и старости.

"Долг человека - добывать пищу, заниматься полевыми работами, ухаживать за стадами и защищаться от врагов. Поэтому бог наделил его силой и мужеством. Женщина должна заботиться и готовить пищу, ткать одежду и воспитывать детей. Поэтому бог наделил ее тонким телосложением, которое позволит ей не покидать дом, изысканной нежностью сердца, благодаря которой она проявляет материнскую заботу и любовь и бдительно следит за безопасностью своих малышей.

"Поскольку они объединены для общего блага, они наделены одинаковыми способностями памяти и трудолюбия. Оба они наделены одинаковой силой души, чтобы воздерживаться от вредных вещей, и тот, кто больше практикует эту добродетель, имеет, по милости божества, лучшее вознаграждение. Однако, - добавляет он, - поскольку они не одинаково совершенны, у них больше поводов для помощи друг другу; ведь когда мужчина и женщина соединены, то, к чему прибегает один, обеспечивает другой".

Затем Исихаст показывает, что при правильном выполнении своих функций муж и жена подчиняются правилам доброго и прекрасного. Если жена покидает дом или муж остается в нем, он или она нарушает законы природы. Он сравнивает обязанности жены с

обязанностями пчелиной королевы, которая, не выходя из улья, распространяет свою деятельность вокруг него, посылает других на поле, получает и хранит принесенную провизию, следит за строительством ячеек и воспитывает маленьких пчел.

Об одной обязанности он говорит ей с сомнением - ухаживать за рабами, когда они могут заболеть. Но, к его великой радости, она отвечает: "Это, несомненно, акт милосердия и подобает каждой добродушной хозяйке, ведь мы не можем обязать людей больше, чем помогая им, когда они больны. Это, несомненно, вызовет любовь наших слуг к нам и сделает их вдвойне усердными по отношению к нам во всех случаях".

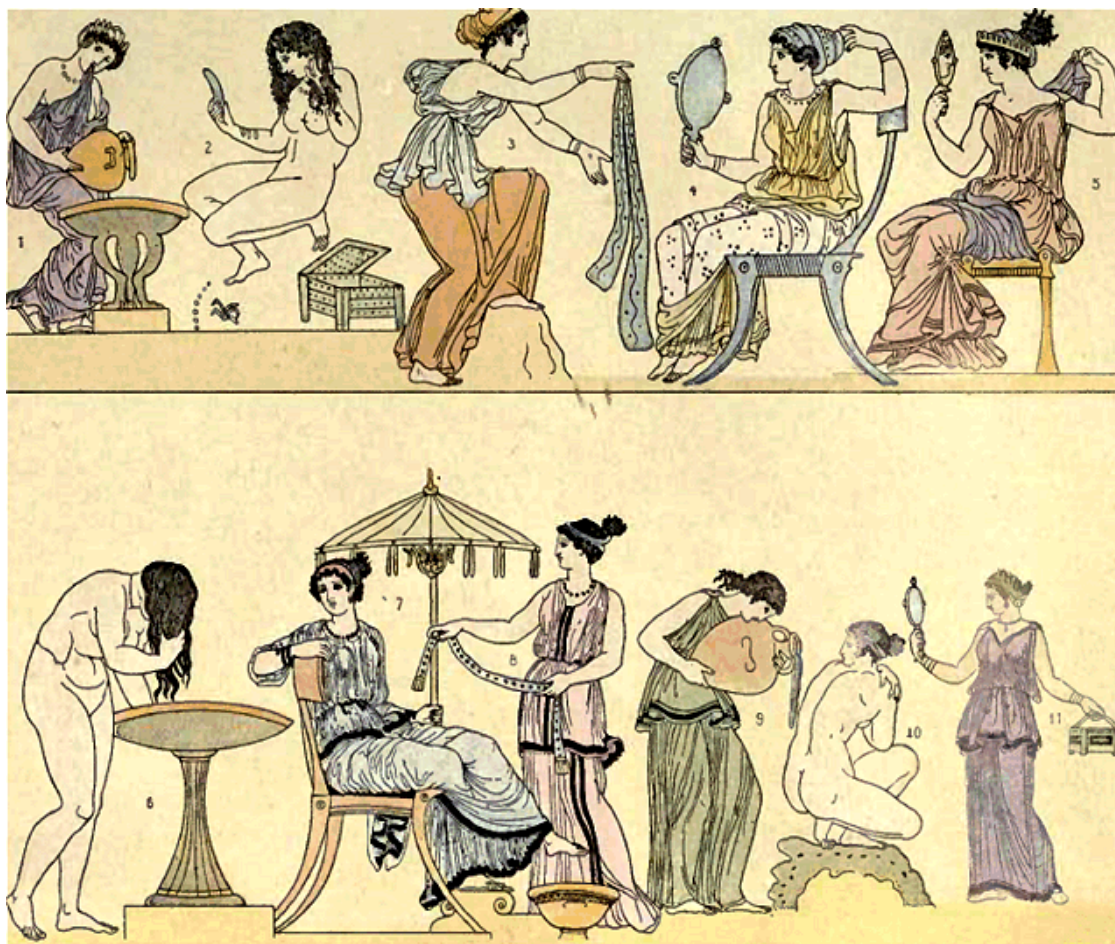
Он отвечает: "Благодаря заботе и нежности пчелиной королевы все остальные члены улья так привязаны к ней, что всякий раз, когда ей вздумается отправиться за границу, вся колония, принадлежащая ей, сопровождает свою королеву и заботится о ней".

Мысль о том, что ей предстоит стать королевой, приводит в ужас молодую девушку, чье воспитание научило ее тому, что пассивное повиновение - это первая обязанность жены. Муж вложил в ее руки скипетр, которым, по ее мнению, она не в силах распоряжаться. Поэтому она заявляет:

"Дорогой Исхомах, скажи мне, разве дела хозяйки пчел не являются тем, чем ты должен заниматься, а не я? Или ты не имеешь в них доли? Ведь я останусь дома и буду руководить своими слугами, если ты не пришлешь домой провизии, необходимой для нашей работы".

ИШОМАХУС.- И от моей предусмотрительности будет мало толку, если дома не будет человека, готового принять и позаботиться о тех благах, которые я посылаю домой. Разве вы не замечали, с какой жалостью люди относятся к тем, кого наказывают, приговаривая лить воду в сита, пока они не наполнятся? Жалость вызвана тем, что эти люди напрасно трудятся.

ЖЕНА. - Я считаю поистине несчастными тех, кто не получает никакой пользы от своих трудов.

ГРЕЧЕСКИЙ ТУАЛЕТ

С античной вазы

Греческие женщины очень заботились о своем теле. После купания они имели обыкновение помазать себя духами, пастами или жидкостями, помадами и маслами. В №№ 1, 2 и 6 представлен таз, наполненный парфюмированной водой. Фигура под № 6 смывает с волос пудру, нанесенную накануне вечером. Краски могли быть черными, красными, серебряными, золотыми или любыми другими, в зависимости от вкуса. Брови были подкрашены для гармонии. На №№ 9 и 10 изображено нанесение масла, которое следовало за завершением прически. На №№ 3 и 4 изображены простое платье рабыни и богатый прозрачный наряд госпожи. Зеркала, № 4, 5 и 11, были обрамлены слоновой костью или чеканным серебром, украшенным драгоценными камнями. Одним из праздников в честь Минервы был праздник парасолей, которые часто делались из шелка, см. № 7.

ИСХОМАХУС. - Предположим, дорогая жена, ты возьмешь к себе в услужение ту, которая не умеет ни картавить, ни прясть, и научишь ее этому, разве это не будет честью для тебя? Или если ты возьмешь служанку, которая нерадива и не понимает, как делать свое дело, или склонна к воровству, и сделаешь ее прилежной, обучишь ее манерам хорошей служанки и научишь ее честности, разве ты не возрадуешься своему успеху и не будешь довольна своим поступком? Так и вы, видя своих слуг трезвыми и благоразумными, должны поощрять их и оказывать им благосклонность. Но тех, кто неисправим и не желает следовать вашим указаниям, вы должны наказывать. Подумайте, насколько похвально будет для вас превзойти других в благоустройстве вашего дома. Поэтому будь усерден, добродетелен и скромнен, уделяй необходимое внимание мне, своим детям и дому, и твое имя будет почетно даже

после твоей смерти, ибо не красота лица и формы, а добродетель и благонравие принесут тебе почет и уважение, которые будут длиться вечно".

Так он завершает свою первую беседу с женой о ее обязанностях, и она старательно усваивает и применяет на практике то, чему ее научили. Когда чуть позже он просит ее найти посылку, которую он принес домой, и она с раскрасневшимися щеками и встревоженным взглядом вынуждена признаться, что не может ее найти, он использует этот случай, чтобы поговорить с ней о порядке и гармонии во всем. Он говорит ей, чтобы она не огорчалась из-за того, что не нашла посылку, ведь это его вина, что он не определил для каждой вещи определенное место. Он показывает ей, как все прекрасно устроено в хоре, в большой армии и в команде судна, чтобы все было сделано гармонично и по порядку. "Итак, давайте определим подходящее место, где наши запасы будут храниться не только в безопасности, но и так расположены, чтобы мы знали, где искать каждую вещь. Таким образом, мы будем знать, что мы приобретаем и что теряем; и, осматривая наши хранилища, мы сможем судить о том, что необходимо принести, что может нуждаться в ремонте и что будет ухудшено от хранения". С простотой, свойственной людям высокого интеллекта, он без колебаний признается, что находит красоту даже в кухонной утвари, расположенной в порядке.

Молодая жена очарована его идеей, и они проходят по дому, определяя место для каждой вещи; они распределяют обязанности между рабами и дают им другие наставления, стремясь завоевать их расположение и возвысить их характеры. Затем Исхомах говорит ей, что все заботы будут бесполезны, если хозяйка дома не будет следить за тем, чтобы установленный порядок не нарушался. Сравнивая ее с магистратами, которые следят за соблюдением законов в городе, он добавляет: "Это, дорогая жена, я в первую очередь рекомендую тебе, чтобы ты считала себя главной блюстительницей законов в нашем доме".

Он говорит ей, что в ее компетенции следить за всем в доме, как начальник гарнизона следит за своими солдатами; что в своем доме она имеет такую же большую власть, как королева, чтобы раздавать награды добродетельным и усердным и наказывать тех, кто этого заслуживает. Он желает, чтобы она не была недовольна тем, что он доверил ей больше, чем кому-либо из слуг, ибо у них нет такого стимула беречь то, что принадлежит не им, а ей.

До сих пор с мужем общался любящий и неопытный ребенок. Теперь же именно женщина, хозяйка дома, заявляет:

"Я была бы очень огорчена, если бы вместо тех добрых правил, которые вы мне предписываете для благополучия нашего дома, вы предписали мне не обращать внимания на имущество, которым я наделена; ведь как для хорошей женщины естественно быть внимательной и прилежной к своим детям, а не пренебрегать ими, так и для женщины, обладающей хоть каплей здравого смысла, не менее приятно и приятно заботиться о делах своей семьи, а не пренебрегать ими".

Великий Сократ восхищается мудростью жены своего друга и, попросив Исхомаха продолжить рассказ, добавляет: "Слышать описание добродетельной женщины гораздо приятнее, чем если бы знаменитый художник Зевксис показал мне портрет самой прекрасной женщины в мире".

Этот диалог между мужем и женой, несомненно, типичен для отношений между супружескими парами в афинском доме, а в девушке-жене можно распознать невинность и бесхитрость обычной девы пятнадцати лет, перенесенной из уединения девичьей жизни дома в уединение замужней жизни в доме своего мужа. Заметно, что в обучении, предложенном Исомахом, не предусмотрено ни интеллектуальной дисциплины, ни

общественных обязанностей, из чего читатель может сделать вывод, что карьера жены должна была быть чисто домашней, а ее стремления должны были ограничиваться стенами дома.

Однако, хотя такое беспрекословное повиновение было правилом, из такой бесхитростности жены были заметные исключения, и, несомненно, было много случаев, когда жена была правящей силой в семье из-за умственного превосходства, властного нрава или размера дани. Человеческая природа во многом одинакова во всем мире, и сильная личность в женщинах требовала выражения как в древние, так и в современные времена. Верно и то, что были случаи прекрасной привязанности между мужем и женой, хотя тот факт, что о них много говорили, доказывает, что супружеская любовь была исключением, а не правилом.

Жаль, что мы не знаем больше о женах, сестрах и матерях великих афинян, ведь те немногие из них, о которых мы знаем, представляют необычайный интерес. Многие жены пользовались искренним восхищением и дружеским расположением своих мужей. Кимон, несмотря на периодические промахи с его стороны, питал необычайно страстную любовь к своей жене Изодике и был преисполнен горьчайшей скорби после ее смерти. Сократ упоминает Никерата как "человека, который был влюблен в свою жену и любим ею". Есть приятный анекдот о Фемистокле, рассказанный нам Плутархом, который показывает, где в его доме находилось место власти. "Смеясь над собственным сыном, который заставлял свою мать, а через мать и отца, потакать ему, он сказал ему, что у него больше всех власти в Греции, "ибо афиняне повелевают остальной Грецией, я повелеваю афинянами, твоя мать повелевает мной, а ты повелеваешь своей матерью".

Плутарх также рассказывает о великом государственном деятеле, что из двоих, занимавшихся любовью с его дочерью, он предпочел достойного человека тому, кто был богат, сказав, что ему лучше мужчина без богатства, чем богатство без мужчины! Однако самой приятной среди жен великих афинян является жена Фокиона Неподкупного, какой она предстает перед нами на страницах Плутарха. Последний описывает простой образ жизни Фокиона и говорит о его жене, которая занималась замешиванием хлеба своими руками. "Она была, - продолжает он, - не менее известна среди афинян своими добродетелями и простотой жизни, чем Фокион своей честностью". Однажды, когда народ развлекался новой трагедией, актер, собиравшийся выйти на сцену для исполнения роли царицы, потребовал, чтобы за ним следовали несколько роскошно одетых сопровождающих; когда их не предоставили, он погрузился и отказался выступать, заставив зрителей ждать, пока наконец Мелантий, который должен был обеспечить хор, не вытолкнул его на сцену, воскликнув: "Что! Разве ты не знаешь, что жену Фокиона никогда не обслуживает больше одной официантки, а ты должен быть величественным и забивать головы нашим женщинам суетой?" Эта речь, произнесенная достаточно громко, чтобы быть услышанной, была встречена бурными аплодисментами. Сама жена Фокиона однажды сказала гостье из Ионии, которая показала ей все свои богатые украшения из золота и драгоценных камней, венки, ожерелья и т. п.: "Что касается меня, то все мое украшение - это мой муж Фокион, вот уже двадцатый год занимающий пост полководца в Афинах".

Аристотель говорил много такого, что свидетельствует о его низкой оценке слабого пола, но он с большой нежностью любил свою жену Пифию, племянницу и приемную дочь своего друга Гермия, правителя Атарнея и Ассоса в Мисии. Когда она умерла после нескольких коротких лет супружеской жизни, Аристотель дал указание, чтобы после его собственной смерти оба тела были помещены рядом в одну гробницу. Когда он сам умер, то оставил после себя вторую жену, Герпиллиду, чьи добродетели он высоко ценил, и просил своих друзей заботиться о ней и предоставить ей другого мужа, если она захочет снова выйти замуж.

Эти примеры домашней привязанности разрушают холодную логику жесткой теории и доказывают, что, несмотря на законы и условности, любовь - повелительница всего, и что среди афинян счастливая супружеская жизнь была небезызвестна.

В Афинах также не было сильных женщин, ведь там была Эльпиника, сестра Кимона, которая, взяв за образец спартанских женщин, ходила одна и делала многое другое, что шокировало степенный вид афинских матрон. О ней говорили неприятные вещи - как и о каждой женщине, которая бросает вызов условностям: в частности, что она была слишком близка с художником Полигнотом, который изобразил ее в образе Лаодики на своей фреске с троянскими женщинами в Стоа Пойкиле. Но суть этого скандала могла заключаться лишь в том, что она служила художнику в качестве модели в то время, когда немногие женщины осмеливались посещать мастерскую художника. Для своего брата Кимона она оказалась преданной сестрой. Однажды, когда его судили за жизнь, она так убедительно просила Перикла, что его оправдали; а позже она договорилась с этим великим соперником о переговорах, которые привели к возвращению Кимона из изгнания. Она была так привлекательна, что Каллиас, один из самых богатых людей в Афинах, неистово влюбился в нее и предложил заплатить штраф, к которому был приговорен ее отец, если он сможет получить дочь в жены; и с согласия самой Эльпиники Цимон обручил ее с Каллиасом.

Мы оставили в стороне краткое рассмотрение самой известной из всех афинских женщин, той, которая бросает вызов всем представлениям о господствующих условностях, - Ксантиппы, жены философа Сократа. Судя по всему, она была аристократической дамой, жившей в достатке, и вышла замуж за Сократа в зрелом возрасте, будучи уже за пределами того возраста, в котором женщины обычно выходят замуж, но на несколько лет моложе своего мужа. Сократ как-то сказал, что женился на ней ради азарта завоевания, как наслаждаются разгоряченной лошадью; но, как бы то ни было, философ был побежден, и Ксантиппа стала править домом. За Ксантиппой закрепилась репутация типичной ругательницы античности. Несомненно, эта репутация небезосновательна, однако ей стоит посочувствовать, ведь на ее долю выпали самые странные и трудные мужья. Должно быть, ее нездоровый от природы характер был до предела измучен спокойным безразличием мужа к домашней проблеме "свести концы с концами". Некрасивый, небрежно одевающийся, собирающий дурную компанию, предающийся трансам, совершенно пренебрегающий своей семьей - можно ли удивляться, что жена такого мужчины теряет всякое терпение и из-за постоянных неудач в его исправлении постепенно превращается в заклую террористку? Однако рассказы о вспыльчивости Ксантиппы опираются на неопределенные авторитеты, и ее репутация, возможно, во многом объясняется тем, что сказочникам было необходимо найти фокус для всегда спокойного и невозмутимого философа. Платон, самый надежный авторитет, не говорит нам ничего пренебрежительного о Ксантиппе, а бурная скорбь, которую он приписывает ей при последнем расставании, предполагает высокую степень привязанности к ее флегматичному супругу. В последние часы жизни Сократ предпочел философские беседы с друзьями обществу жены, но нежно поручил ее и детей ее заботам. Так рассталась злополучная пара, каждый из которых прославился на весь мир: один - как мировой философ, другой - как пресловутая строптивница.

В ранние времена афинской демократии женщины оказывали сильное влияние на решение гражданских вопросов, о чем свидетельствует случай с Килоном и его заговорщиками, которые были безжалостно убиты, за исключением тех, кто упал к ногам жен архонтов, которые из жалости спасли их. Геродот рассказывает историю, которая показывает, насколько сильно афинские женщины интересовались государственными делами в ранние времена. Между Афинами и соседним островом Эгиной всегда существовало сильное

соперничество. Однажды афиняне потребовали от эгинетян выполнения определенных условий в отношении статуй из аттического оливкового дерева, которые те украли у эпидауров. "Жители Эгины отказались, и члены посланной против них экспедиции, пытавшиеся утащить священные статуи на веревках, были охвачены безумием и уничтожены один за другим, так что только один человек вернулся живым в Афины. Этот человек, рассказывая о бедствиях, был окружен женщинами, чьи мужья были убиты, и каждая из них пронзила его пером, скреплявшим ее одежду, так что он умер под их руками. Поведение этих женщин привело афинян в ужас, и в наказание они обязали всех афинянок отказаться от дорийского платья, которое они носили, и одеться в ионийскую тунику, которая не нуждалась ни в какой булавке для скрепления".

При тиранах женщины из аристократических семей по всей Элладе обладали влиянием, которое было утрачено в процессе нивелирования демократии. Писистрат, после первого изгнания, способствовал восстановлению своей тирании, женившись на дочери Мегакла и тем самым завоевав для себя влияние могущественных Алкмеонидов. Он поклонялся Афине как своей богине-покровительнице и, чтобы придать должную религиозную санкцию своему возвращению, устроил необычную церемонию, которую Геродот считает "самой нелепой из всех, что когда-либо были придуманы", но которая представляет нам самую прекрасную афинскую деву того времени:

"В племени пеанов была женщина по имени Фия, ростом в четыре локтя и в других отношениях прекрасная. Одев эту женщину в полный доспех, посадив ее на колесницу и обучив, как вести себя, последователи Писистрата повезли ее в город, предварительно послав глашатаев возвестить: "Афиняне, приветствуйте Писистрата, которого сама Афина, почитая превыше всех людей, ведет теперь в свою цитадель! Так распространилась весть о том, что богиня Афина возвращает Писистрата; и народ, поверив в правду, поклонился женщине и позволил Писистрату вернуться". Возвращение состоялось, и вскоре после этого узурпатор отпраздновал свадьбу этого "поддельного подарка" богини с одним из своих сыновей.

Женщине суждено было сыграть роковую роль в истории узурпированной Писистратом власти. Тиран жестоко обращался со своей молодой женой, и это заставило ее отца, Мегакла, снова встать на сторону оппозиции. Писистрата снова изгнали из Афин, а на этот раз и из Аттики. Но он вернулся в третий раз и установил свою власть так прочно, что после смерти завещал ее своим сыновьям в неизменном виде. Гиппий и Гиппарх сначала правили мудро и продолжали многочисленные общественные дела, которыми занимался Писистрат; но в конце концов их постигла неудача из-за оскорбления высокородной афинской девицы, и эта история, рассказанная Фукидидом, показывает, как высоко ценилась в Афинах честь сестры.

Гармодий, аристократический молодой афинянин, отверг дружбу Гиппарха, предпочтя ему Аристогитона, гражданина скромного положения. Тиран жестоко отомстил. Призвав сестру Гармодия принять участие в шествии в качестве носильщика одного из священных сосудов, Гиппий и Гиппарх публично отвергли девицу, когда она предстала перед ними в праздничном наряде, заявив, что не приглашали ее для участия, так как она недостойна этой чести.

Гармодий был очень возмущен этим оскорблением и вместе со своим другом, который был так же возмущен, составил заговор, который привел к смерти Гиппарха, хотя Гармодий тоже был убит во время осуществления этого плана. Аристогитон был подвергнут пыткам, а его любовница Лена, по преданию, также подверглась пыткам и, опасаясь, что в агонии она

может выдать кого-нибудь из заговорщиков, откусила себе язык. После изгнания Писистратиды афиняне почтили ее память бронзовой статуей львицы без языка, которую установили на Акрополе. Этим актом афиняне показали свое восхищение игрой имен, ведь *Leōna* - это греческое слово, означающее "львица".

Афинская женщина никогда не отличалась патриотизмом, характерным для ее спартанской сестры, но временами она проявляла почти сверхчеловеческую преданность государству. После разгрома Афин Мардоном и его войсками во время Персидской войны сенатор Лисидас посоветовал своим соотечественникам принять условия, которые предложил им персидский полководец. Афиняне с презрением забили камнями до смерти того, кто мог предложить такой трусливый поступок. А женщины, услышав о поступке своих мужей, передали друг другу весть об этом и, собравшись вместе, по собственной воле отправились в дом Лисидаса и подвергли такому же наказанию его жену и детей - жестокий поступок, но свидетельствующий об их любви к родине и ненависти к измене.

Эти женщины, которые могли быть такими безжалостными, когда речь шла о патриотизме, умели быть искренними утешительницами, когда их близкие попадали в беду. Оратора Андокида и его спутников судили и посадили в тюрьму за нечестивость, выразившуюся в нарушении Элевсинских мистерий. "Когда, - рассказывает Исократ, - нас всех связали в одной камере, наступила ночь, и тюрьма была закрыта, к одному подошли мать, к другому - сестра, к третьему - жена и дети, и они плакали над своими несчастьями".

В столь блестящей расе было невозможно, чтобы некоторые женщины не поднялись над поверхностью и, благодаря необыкновенной добродетели, интеллектуальным и духовным способностям высокого порядка, не завоевали прочное уважение мужчин.

IX

АСПАСИЯ

Период в истории Греции, когда интеллектуальная и художественная жизнь Эллады достигла своего зенита, известен как Золотой век Перикла. Возвышенные идеалы этого величайшего из греческих государственных деятелей побудили его сделать Афины центром могущественной империи, которая должна была распространить самые благородные и возвышающие влияния по всей Элладе. Он призвал на помощь всех великих людей своего родного города, а также заставил изящные искусства служить служанками Афин и способствовать их могуществу и великолепию. Все условия были созданы для того, чтобы наступила такая интеллектуальная и художественная эпоха, какой мир еще не видел. В распоряжении Перикла была неисчерпаемая сокровищница - накопление дани от союзников. Каменоломни Пентеликона в изобилии предлагали материал, необходимый для возведения общественных зданий, которые могли бы выразить в чувственной форме самые благородные идеалы греческой расы. В Афинах были государственные деятели, философы, художники, драматурги, историки, люди, выдающиеся во всех областях высшей жизни.

Главным среди них был друг и советник Перикла, Фидий, "царь в области искусства, каким был Перикл в политической жизни".

"Воистину, что это был за век, когда в одном городе, как спутники Перикла, собрались Софокл и Еврипид, Геродот и Фукидид, Метон и Гиппократ, Аристофан и Фидий, Сократ и Анаксагор, Апполлодор и Зевксис, Полигнот и Паррасий; - в городе, который совсем недавно потерял Эсхила, а вскоре должен был стать обладателем Ксенофонта, Платона и Аристотеля; в городе, который, более того, чтобы сделать прославленных мертвецов своими, воздвигал статуи в их память!"

"Какими должны были быть ученики таких мастеров? Такими, какими они были, - мастерами Греции. Фукидид говорит, что в это время Афины были наставницей Греции, так как являлись источником ее снабжения. Представьте себе эту прекрасную демократию, идущую из театра Софокла к Парфенону Фидия или к Беме, где Перикл говорит с ними на языке богов; слушающую Геродота, который рассказывает о великом столкновении Европы и Азии; Гиппократа из Коса и афинянина Метона, из которых один основал науку медицины, а другой - математическую астрономию; Анаксагора, который устраняет идею Бога как отличного от материи; Сократа, который устанавливает принципы морали! Что это были за уроки! Искусство, история, поэзия, философия - все это обретает возвышенный полет. Здесь нет места второсортным талантам. Искусство, которое Афины почитают больше всего, - величайшее из всех искусств - архитектура; ее поэзия - драма - высшее проявление поэтического гения, ибо она объединяет в себе все формы, как архитектура призывает к себе все остальные искусства. В этот удачный момент все велико - и мощь Афин, и гений выдающихся людей, которые руководят городом и делают ему честь".

Такова, вкратце, картина Афин в их величайшие дни, нарисованная выдающимся историком. Великолепие и превосходство города в эту эпоху были в значительной степени обусловлены конструктивным гением одного человека - Перикла; и если мы изучим его личную жизнь, чтобы обнаружить формирующие влияния, которые способствовали его величию, то обнаружим, что главным источником его вдохновения была женщина - милезийка Аспазия, самая блестящая и культурная женщина классических времен.

Аспазия - одна из самых замечательных женщин всей античности; ее восхождение как одной из самых выдающихся представительниц своего пола объясняется тем, что она - единственная женщина, чье имя фигурирует в блестящей плеяде Перикла, и что величайшие лидеры в этой компании великих людей были рады признать себя обязанными ей за наставления и вдохновение. Она - единственная женщина, занимавшая видное место в жизни Афин, о которой нам многое известно, и она заняла совершенно уникальное место в истории греческой женственности.

Она была дочерью некоего Аксиоха, родилась и выросла в Милете, самом любящем удовольствия и артистичном из городов Малой Азии. История ее детства и юности - закрытая книга, но мы знаем, что она была тщательно обучена риторике, музыке и изящным искусствам и стала обладательницей всех женских достоинств. Ее воспитательницей, как говорят, была знаменитая Таргелия, также из Милета, которая использовала свою власть для Великого Царя во время Персидской войны и в конце концов вышла замуж за одного из фессалийских царей. Как Аспазия попала в Афины, неизвестно, но наиболее вероятно версия, что она поселилась там как молодой и блестящий учитель риторики, следуя примеру Анаксагора в философии, Протагора и других риториков, которые нашли в Афинах самое выгодное поле для приложения своих талантов. Здесь Аспазия собрала вокруг себя всех ученых и опытных людей Афин. Она не была простым созданием удовольствий, служившим

роскоши и похоти; своей красотой и культурой она стремилась привлечь к себе первых людей города, чтобы учиться у них, как они у нее. "Вскоре стало ясно, что она околдовывает души мужчин не только искусством обмана, которому она научилась. Ее природа была возвышенной и богато одаренной, с совершенным чувством прекрасного, а ее - гармоничным и гармоничным развитием. Впервые сокровища эллинской культуры оказались во владении женщины, окруженной изяществом ее женственности, - явление, на которое все мужчины смотрели с удивлением. Она умела с неотразимым изяществом вести беседы о политике, философии и искусстве, так что самые серьезные афиняне, даже такие, как Сократ, стремились к ней, чтобы послушать ее разговор".

Не могло быть ничего более естественного, чем то, что при встрече Перикла и Аспасии душа каждого из них открыла в другом свое родство. Перикл был женат на афинской родственнице, но супружеская жизнь не показалась им вполне благодатной, и по взаимному согласию их брачные узы были расторгнуты, а Перикл нашел для своей жены другого мужа. Тогда он взял Аспасию к себе домой и назвал ее своей женой. Они не могли вступить в брак, так как она была иностранкой, и их союз, следовательно, не имел гражданской санкции; тем не менее это был настоящий брак, основанный на самой искренней и нежной привязанности и расторгнутый только смертью.

Преданность Перикла Аспасии была столь замечательна, что Плутарх в качестве доказательства ее искренности сообщает, что великий афинянин целовал Аспасию, выходя утром на улицу и возвращаясь домой - очевидно, необычное явление в афинских домах, иначе оно не показалось бы достойным упоминания. Обладание столь редкой женщиной, несомненно, во многих отношениях было бесценным для великого государственного деятеля. Плутарх утверждает, что милезианка привлекла его прежде всего своей мудростью и политической проницательностью. Сократ, который также признавался, что обязан Аспасии, утверждает, что она была учительницей Перикла в искусстве риторики и даже могла писать его речи. Перикл был замкнутым человеком, который посвящал себя исключительно своим служебным заботам и воздерживался от общения с окружающими. Поэтому в Аспасии он нашел не только отраду для досуга, сочувствующего друга и советчика в его недоумениях, но и звено, связывающее его с повседневной жизнью. Она знала, как чувствовать себя непринужденно в любом обществе; как быть в курсе всего, что происходило в городе, о чем Перикл должен был знать; как быть в курсе великих движений по всей Элладе и делать так, чтобы они способствовали славе Афин: и во всем этом, и во многих других отношениях она оказалась полезной для него в его политической жизни.

Вероятно, Аспасии было около двадцати лет, когда Перикл впервые встретил ее, в то время как сам он был намного старше. Она, должно быть, обладала очаровательной личностью, которая сразу же пленила великого государственного деятеля; но, помимо ее интеллектуальных способностей, в наши дни трудно проанализировать ее обаяние. Нет никаких доказательств того, что она была красива по греческим стандартам, хотя это естественный вывод. Древние писатели называют ее доброй, мудрой, красноречивой; они говорят о ее "медового цвета" или золотых волосах, о ее "серебряном голосе", о ее "маленькой, высоко поднятой ноге", но ни один писатель того времени прямо не сказал, что она была красива. В музеях Европы хранятся различные бюсты, на которых написано ее имя, но они впечатляют нас скорее выражением серьезной и глубокой мысли, изысканностью и четкостью черт, чем просто красотой. Ее очарование, несомненно, заключалось скорее в ее мудрости, живости, сладости высказываний, чем в совершенстве форм и черт. Аспазия сделала дом Перикла первым известным нам салоном; и какая женщина когда-либо собирала вокруг себя более блестящую компанию друзей? С Фидием и его группой

выдающихся художников она говорила об украшении Акрополя прекрасными храмами и статуями; с Анаксагором и Сократом она обсуждала проблемы философии и узкий консерватизм афинян; с Софоклом и Еврипидом она беседовала о произведениях драматургов и об идеальных женщинах, представленных в их пьесах. Геродот, возможно, был неподражаемым рассказчиком историй в этом ученом кругу, а меланхолический Фукидид рассуждал о мрачной трагедии, лежащей в основе человеческих событий; несомненно, сатирический Аристофан иногда присутствовал здесь, поскольку платонические диалоги показывают нам социальную сторону его натуры, и, хотя в своих пьесах он презирает философский кружок, он находил среди них интеллектуальное общение; А молодой и веселый Алкивиад, несомненно, часто присутствовал здесь, рассказывая хозяйке о последних событиях в светской жизни города, о помолвках и браках, о скандалах и эскападах.

Один из сыновей Перикла насмехался над этим кружком интеллектуальных светил, высмеивал их метафизические рассуждения и ученые разговоры, но это лишь указывает на то, что такой салон был новшеством в Афинах, а потому вызывал резкую критику и непристойные сплетни со стороны тех, кто не мог оценить его привилегий. Музыка, поэзия и остроумие разбавляли серьезные дискуссии о политике, философии и литературе. Салон Аспазии, должно быть, был вполне пристойным, ведь многие мужчины нарушали традиции своих отцов и приводили своих жен, чтобы поговорить о супружеских обязанностях со знаменитой гетерой. Похоже, она серьезно и глубоко размышляла об обязанностях и судьбе женщины, понимала, насколько тяжела жизнь афинянок, и желала улучшить их положение. В одном из своих диалогов Эсхинс дает нам представление о ее методе в разговоре с Ксенофонтом и его женой Филесией.

"Скажи мне, Филесия, - сказала Аспазия, - если бы у твоего соседа был кусок золота большей ценности, чем твой собственный, ты бы не предпочла его своему?" "Да", - ответила Филесия. "Если бы у нее было платье или какое-нибудь женское украшение лучше твоего, разве ты не выбрала бы его, а не свое?" "Да", - ответила она. "Но, - сказала Аспазия, - если бы у нее был муж более достойный, чем твой собственный, разве ты не выбрала бы первого?" При этих словах Филесия покраснела. Затем Аспазия обратилась к Ксенофону. "Если бы у твоего соседа, Ксенофонта, был конь лучше твоего собственного, разве ты не выбрал бы его предпочтительнее своего?" "Да", - ответил он. "Если бы у него было имение или ферма большей ценности, чем у тебя, что бы ты выбрал?" "Первое", - ответил он, - "то есть то, что имеет большую ценность". "Но если бы его жена была лучше твоей собственной, разве ты не выбрал бы жену своего соседа?" На этот вопрос Ксенофонт промолчал. Тогда Аспазия продолжила: "Так как вы оба отказались ответить мне только в том вопросе, в котором я хотела, чтобы вы меня удовлетворили, то я сама скажу вам, что вы оба думаете: ты, Филезия, хотела бы иметь лучшего мужа, а ты, Ксенофонт, лучшую жену. И поэтому, если вы не будете стараться, чтобы в мире не было лучших мужа и жены, чем вы сами, вы всегда будете желать того, что вам покажется лучшим: ты, Ксенофонт, будешь желать, чтобы тебя женили на лучшей из жен, а Филесия, чтобы у нее был лучший из мужей".

Таким образом, эта блестящая и вместе с тем домашняя женщина советовала женщинам быть лучшими женами, а мужчинам - самыми внимательными мужьями, чтобы каждый из них мог найти в радостях дома и в супружеской гармонии свое величайшее счастье. Несомненно, многие жены уходили от нее с более высокими представлениями о супружеском долге, чем те, которым их учил обычай, и стремились сделать свой дом более благоприятным местом для отдыха мужа. Многие, однако, смотрели на эти сборища мужчин и женщин с опаской и не видели в их нарушении обычаев ничего, кроме зла. Мужья тоже

видели в этих нововведениях опасные тенденции, ведь если бы их жены стали эмансипированными, то их собственным пожеланиям был бы положен предел. Именно Аспазия в первую очередь стремилась к этому. Положение женщины в Афинах было далеко от идеала, и потребность в реформах была велика; если мы попытаемся выяснить, кто был главным виновником агитации, целью которой было освобождение женщины от виселицы, в которой она находилась, мы обнаружим, что это была мудрая и дальновидная Аспазия.

Благодаря интеллектуальному пробуждению в Афинах в эпоху Перикла и притоку новых идей из различных эллинских стран, в городе возникла либеральная партия, в основном под руководством Перикла и Анаксагора - радикальная партия, возглавляемая людьми культуры и науки, которые учили, что знание - это сила, презирали установленную религию и ставили на нет бытовые нравы того времени, стремясь возвысить женщину. Сократ, как и драматург Еврипид, от всей души сочувствовал целям этой партии. На другой стороне стояли ультраконсерваторы, представителями которых были Кимон и Аристофан. Последний часто делал Перикла, Аспазию, Сократа и Еврипида объектами своей сатиры. Тори того времени видели в догматах новой партии подрыв всех принципов старой демократии и вели ожесточенную борьбу за сохранение устоявшихся институтов. В конце трактата Ксенофонта "О домашнем хозяйстве" Критобул, на которого произвела впечатление история Исомаха, хочет узнать, как ему тоже воспитать свою молодую жену, и Сократ советует ему посоветоваться с Аспазией. Глубокое почтение, с которым к ней относились все философы, еще раз указывает на то, что именно от нее они почерпнули многие из своих передовых идей, касающихся отношений полов. Таким образом, хотя положительные свидетельства отсутствуют, случайные штрихи и побочные моменты, касающиеся женского вопроса, безошибочно указывают на одну великую женщину древних Афин как на инициатора первого движения за эмансипацию женщины, зафиксированного в истории.

Аспазия, благодаря общению с великими, достигла неограниченного влияния в государстве, и поскольку ее круг был выразителем идей, оскорблявших общепринятый дух, было естественно, что она была вовлечена в бурю критики, обрушившуюся на лидеров мысли. Как женщина, сошедшая с проторенной дорожки женственности, она стала объектом самой грубой клеветы. Ее называли Гера для этого Зевса, Перикл - Омфала, Деянира - Геракл того времени; ее подруги и ученицы, пользовавшиеся той же свободой, которую она требовала для себя, подвергались жесточайшей клевете; говорили, что она из самых низменных побуждений склонила Перикла к Пелопоннесской и Саамской войнам. Комические поэты, как главные представители оппозиции, разразились этой самой безжалостной и несправедливой тирадой против партии философов. Однако ни одно из их обвинений не имеет под собой никакой основы, и все они легко объяснимы, если принять во внимание зависть и ненависть невежд к красивой, опытной и независимой женщине. В Афинах пятого века до нашей эры, когда люди только начинали освобождаться от узкого консерватизма веков, женщина, которая пользовалась неслыханной свободой и благодаря своим талантам вызывала восхищение у величайших людей города, вполне могла стать мишенью для самых грубых оскорблений. Порочная женщина была бы последней, кто взялся бы, как Аспазия, за изучение философии, которая для Сократа была изучением добродетели.

Партия философов пострадала за свои взгляды: Фидий был обвинен в воровстве и умер в тюрьме; Анаксагор, чтобы избежать обвинений в свой адрес, отправился в добровольное изгнание; Аспазия была привлечена к суду по обвинению в нечестии, которое означало лишь то, что она, как и другие люди ее круга, сводила на нет многобожие народа и признавала лишь один творческий разум в управлении вселенной - обвинение, под которым Сократ впоследствии принял мученическую смерть. Она предстала перед судьями, и Перикл

выступил в ее защиту. Плутарх говорит, что он говорил со слезами, и, поскольку народ не мог противостоять эмоциям своего великого лидера, ее оправдали.

Последние дни Перидеса прошли во мраке начавшейся Пелопоннесской войны, чумы, опустошившей город, и недовольства его любимого народа. Ни одно яркое солнце не имело более мрачного заката. Однако в последние минуты жизни он думал о двух любимых объектах, которые поглотили его самые нежные привязанности. "Афины доверили мне свое величие, а Аспазия - свое счастье", - сказал Перикл, умирая; и не может быть более убедительного свидетельства чистоты характера Аспазии, влияния ее жизни на его, роли, которую она сыграла в том золотом веке Афин.

Афины и Аспазия - эти понятия были связаны в мыслях умирающего государственного деятеля; и как он сделал великими одни, так он сделал бессмертными другие. Если бы его жизнь не была благословлена союзом с ней, если бы его темперамент не был подслащен ее общением, если бы его политика не формировалась отчасти ее советами и ее мудростью, если бы его вкус не стал таким тонким и изысканным благодаря общению с ее художественным темпераментом, Афины не были бы украшены теми произведениями искусства, которые сделали этот город неприступным властелином в области духа. Влияние женщины там, где оно имело наибольшее значение, всегда было молчаливым и осуществлялось через мужчину. Разве Аспазия не достойна лаврового венка за результаты своей жизни в "городе фиолетового венца"?

Х

АФРОДИТА ПАНДЕМУС

Для правильного понимания положения женщины среди греков древности историку греческой женственности необходимо обратить внимание на заметное социальное явление, пронизывающее жизнь всех народов древности, но нигде так ярко не проявившееся в высшей жизни, как в землях Эллады, - явление, породившее социальные условия, разделившие женское население Греции на два резко выделяющихся класса: женщину-гражданку и куртизанку или любовницу.

Эта примечательная сторона греческой жизни объясняется тем, что древний эллин, как правило, искал отдыха и удовольствий не у домашнего очага, а в обществе умных женщин, которые не только культивировали свои физические прелести, но и тренировали свой интеллект и чувствительность, чтобы стать *виртуозами* во всех искусствах удовольствия. Их приятные формы общения, легкая и оживленная беседа придавали ассоциации с ними особую соблазнительность и очарование.

Чтобы обозначить этот класс женщин таким образом, чтобы отличить их от гражданских женщин, с одной стороны, и развратных проституток - с другой, их эвфемистически называли "hetæra", или компаньонками. Изначально термин *hetæra* был очень почетным, и Сафо использовала его в самом высоком и лучшем смысле для своих подруг, подразумевая товарищей схожего ранга и интересов. Неизвестно, когда оно впервые стало использоваться

со зловещим подтекстом, но, подобно нашему слову *mistress*, оно сошло со своего почетного места и стало обычным термином для обозначения этих женщин удовольствий.

Причины распространения гетайризма среди греков следует искать в их религиозных представлениях, политических институтах и врожденной чувственности греческих народов.

Греки поклонялись производительным силам природы, проявляющимся в животном и растительном мире. Афродита - женское, а Дионисий - мужское олицетворение генеративных принципов, и, как следствие, религиозные церемонии этих двух божеств порой принимали самый развратный характер. Со временем возникло различие в представлении об Афродите, выраженное в применяемых к ней фамилиях. Так, Афродита Урания стала считаться богиней высшей любви, особенно супружеской и плодотворной, в противоположность Афродите Пандему, богине чувственной похоти и божеству-покровителю куртизанок.

Вряд ли можно было ожидать высоких моральных идей в отношении сексуальных отношений у греков, чьи божества были столь распущенными. Сам Зевс предавался незаконным связям со смертными девами и постоянно вызывал ревность своей благоразумной супруги, леди Геры. Афродита не была верна своему повелителю Гефесту, а предавалась эскападам с воинственным Аресом. У Аполлона были свои смертные возлюбленные, а Аид похитил прекрасную Прозерпину. От людей, которых с детства учили подобным историям, вряд ли можно было ожидать большей нравственности, чем от их божеств.

Как было показано в предыдущей главе, в основе греческой концепции города-государства лежали законы и обычаи, которые подавляли женщину-гражданку и не позволяли уделять должное внимание ее образованию и полному и всестороннему развитию женских достоинств. Государство оградил себя самыми жесткими гарантиями, чтобы сохранить чистоту крови граждан. Были приняты строгие законы, запрещающие мужчине-гражданину жениться на чужой женщине, а мужчине-чужестранцу - на женщине-гражданке. Чтобы обеспечить соблюдение этих законов, необходимо было держать жен и дочерей государства в узких рамках гинецея; им запрещалось знать государственные дела, которые могли бы сделать их более интересными для мужчин. Поэтому ограниченность их культуры не позволяла им быть во всех смыслах спутницами своих мужей. Но для мужчин неестественно лишаться сочувствия и вдохновения, которые можно найти в общении с культурными женщинами; поэтому, особенно в Афинах, существовала особая сфера для культурных *hetæra*. Мужчины города осознавали необходимость женского общества в отдыхе, в политической жизни и в военных походах. Гетера входила в эту сферу, из которой женщина-гражданка была исключена.

Еще одна причина преобладания гетеры кроется в художественных порывах греческого народа. Эти куртизанки превратили жизнь в искусство наслаждения. Культивируя каждую женскую грацию, внимательно относясь ко всем маленьким тонкостям общения, изучая все способы быть приятными для мужчин, адепты разговора, почитательницы муз и граций, они знали, как сделать так, чтобы их отношения с мужчинами отвечали всем импульсам народа, любящего красоту. И как греки находили эстетическое удовлетворение в шедеврах прозы и поэзии, в произведениях архитектуры, скульптуры и живописи, так они находили его и в общении с гетерами.

В силу таких условий возникло самое неестественное разделение признанных функций женщины в мироустройстве. Великий оратор Демосфен сказал: "Мы берем гетеру для нашего удовольствия, наложницу - для ежедневного внимания к нашим физическим потребностям, жену - для того, чтобы она дала нам законных детей и уважаемый дом" - это высказывание

узко определяло статус гетеры в отличие от почетной жены. Последняя была домохозяйкой и матерью, не более того, хотя и окружена всеми достоинствами и привилегиями своего высокого положения; первая была спутницей, товарищем, в обществе которого находили отдых, сочувствие и интеллектуальное наслаждение, но она находилась за пределами общества, ее не уважали, но и не презирали.

Трудно установить зачатки гетайризма у греков. Примечательно отсутствие его в гомеровских поэмах, хотя греческие вожди часто имели наложниц, которые были рабынями, захваченными на войне.

Упоминания в лирических поэмах показывают, что гетера появилась уже в шестом веке до нашей эры. Самое раннее упоминание об этом социальном зле в истории Афин встречается в правлении законодателя Солон, который первым узаконил проституцию. С явной целью предотвратить соращение девственниц и жен он покупал девушек-рабынь на рынках Малой Азии и размещал их в общественных домах Афин. Это постановление, направленное на защиту домашнего очага, по общему мнению, заслуживало похвалы. Так говорит комический поэт Филемон:

"Но ты хорошо поступил с каждым человеком, о Солон:

Ибо говорят, что ты первым увидел

справедливость общественной меры",

Спаситель государства (и мне подобает

чтобы я произнес эту клятву, Солон);

Ты, видя, что государство было полно людей,

молодых и обладающих всеми естественными аппетитами,

И бродят в своих похотях, где им не место.

Купили женщин и в определенных местах разместили их,

чтобы они были на виду и готовы к встрече всех желающих.

Они стояли обнаженные: посмотри на них хорошенько, мой юноша, -

Не обманывай себя; разве ты не в недостатке?

Ты готов, они тоже: дверь открыта...

Цена - обол: входи прямо - здесь

Здесь нет глупостей, нет обмана и хитрости;

Делайте, что хотите и как хотите.

Вы уходите: пожелайте ей до свидания; она больше не имеет к вам претензий".

В ранние времена до Персидской войны, пока афиняне не развратились властью и обширными связями с внешним миром, для женатого мужчины считалось позорным связываться с гетерой. Если муж был виновен в таком поведении, оскорбленная жена могла добиться развода, который предполагал возвращение семье жены всего приданого, а на неверного мужа обрушивалась вражда родственников жены. Однако в золотой век Перикла

Афины отошли от своей прежней простоты, а рост богатства и приток иностранцев сметал старомодные нормы морали. Влияние Перикла и Аспазии на умы меньших, похоже, было печальным. Трепетное отношение к брачным узам ушло в прошлое, а гетайризм стал обычной практикой. Почти все великие люди Афин имели связи с гетерами; молодые люди предавались жизни в удовольствиях, и с разрушением семейных уз началось падение государства.

В Коринфе гетеры были наделены всей святостью религии, и эти приверженцы удовольствий пользовались таким почетом, какого не было ни в одном другом греческом городе. Когда Ксеркс наступал на Элладу со своим огромным войском, куртизанки Коринфа торжественной процессией направлялись в храм Афродиты, божества-покровителя города, и молили ее о помощи в сохранении родины, посвящая ей свои услуги в обмен на благоприятный ответ на их молитвы и клянясь наградить своими невыкупленными объятиями воинов-победителей после их возвращения. Предполагалось, что богиня услышала их прошения, и в знак благодарности коринфяне посвятили Афродите картину, на которой были изображены различные гетеры, обратившиеся к богине с мольбами, а внизу были начертаны следующие стихи Симонида:

"Эти девы, от имени Греции и всех

Их доблестные соотечественники, благородно стояли,

Молясь Венере, всемогущей богине;

И королева красоты не желала

Чтоб цитадель Греции пала

Под стрелами невоинственных персов".

Частные лица нередко давали обет при удачном исходе какого-либо дела посвятить богине любви определенное количество гетеров. Этих почитателей Афродиты называли *иеродулами*, или служителями храма. Пиндар в своих бессмертных стихах так описывает их:

"О гостеприимные девы, прекраснейший состав

мягких убеждений, -

Украшение богатого Коринфа,

Несущие в руках золотые капли

Что с ладана стекают, и летят

К прекрасной матери Любви,

Которая обитает в небесах,

Прекрасная Венера, - ты приносишь нам

Утешение и надежду в опасности, чтобы мы могли

В будущем, на нежных ложах Любви,

Пожинать долгожданные плоды радости.

Прекрасных и необходимых всем смертным".

Страбон утверждает, что в Коринфе его времени было более тысячи *иеродулов*. Из-за огромного количества таких девиц и уважения, которое им оказывали, Коринф стал самым известным городом гетеры. Здесь жили самые богатые и красивые гетеры. Будучи важнейшим торговым центром Греции, город был местом пребывания богатых купцов и путешественников; они становились жертвами сладострастной и развратной жизни этого места, и огромные состояния, накопленные профессиональными куртизанками, были приобретены за счет разорения многих купцов. Выражение "коринфская дева" обозначало вершину сладострастия, а "коринфянка" стала синонимом самой беспутной жизни.

В других известных торговых центрах Эллады и греческих колониях гетайризм также процветал. В афинской гавани Пирей был свой квартал деми-мондов, а количество куртизанок в Афинах и их портовом городе превосходило только коринфское.

Внутренние города были гораздо более нравственными в этом отношении. В Спарте, в ее лучшие времена, гетеры были строго исключены. Плутарх рассказывает, что, когда Афродита переплывала реку Евротас, она снимала с себя украшения и женскую одежду и ради Ликурга вооружалась щитом и копьем. Эта *Venus armata* спартанцев, а также их твердая мораль запрещали присутствие в их среде соблазнительных незнакомок; но Арес всегда был восприимчив к Афродите, и спартанский воин, оказавшись в сладострастных ионийских городах, часто забывал о своем раннем воспитании и становился жертвой своего окружения.

В пятом и четвертом веках в Афинах существовало четыре класса гетеры, которые подразделялись в зависимости от политического положения. Первым и самым низким классом были общественные проститутки - рабыни, купленные государством для общественных домов, которые облагались налогами в пользу города и находились под надзором городских инспекторов. Этих несчастных женщин собирали на невольничьих рынках Самоса, Лесбоса, Кипра и ионических городов, где каждый год выставляли на продажу огромное количество несчастных человеческих существ, оторванных от своих домов, как правило, в результате войны. Среди них было много молодых девушек, захваченных в плен при разграблении городов или украденных из своих домов извергами в человеческом обличье, которые занимались тем, что подбирали девиц многообещающей красоты или очарования для публичных домов греческих городов. С этих рынков также обычно поступали гетеры второго класса, которые также были рабынями, но принадлежали сводникам или сводницам, которые покупали девушек в нежном возрасте и воспитывали их ради богатства, которое можно было получить от торговли похотью. Старые и увядшие гетеры, прожившие жизнь в разврате и окончательно потерявшие связь с обществом, особенно посвящали себя этому ужасному ремеслу. Они владели собственными домами и при них существовали школы или институты для обучения гетеры. В этих заведениях девушек обучали физической культуре, музыке и танцам, а зачастую и всем популярным в то время отраслям знаний. Они становились экспертами во всех искусствах удовольствия, и им предлагались все преимущества, которые могли бы сделать их приятными для мужчин. Из этих институтов часто выходили молодые женщины, игравшие важную роль в общественной и интеллектуальной жизни того времени, такие как Леонтия, Гнатена, Пифионика и другие. Сохранились названия некоторых из этих заведений, например, Никареты, Вакхиды, фракийской Синопы, которая перенесла свой институт из Эгины в Афины. Девушки в таких заведениях всегда оставались на положении рабынь и были вынуждены отдавать хозяйкам или сводницам средства, вырученные от продажи их услуг. В юности девушки выступали в качестве музыкантов или танцовщиц на мужских банкетах, а по мере взросления вступали в карьеру обычных куртизанок. Часто их сдавали в наем на длительный срок, а если находился выгодный покупатель, то их продавали сразу и они жили как содержанки одного любовника.

От него они обычно со временем получали свободу, либо как знак благосклонности, либо как самый быстрый способ избавиться от обузы, когда любовник уставал от очарования гетеры.

Девушки-рабыни, получившие свободу, принадлежали к третьему и самому многочисленному классу гетеры; они жили на полностью независимых началах и вели свои дела за свой счет. Этот класс особенно привязывался к молодым и неопытным мужчинам, предпочтительно к юношам, которые еще находились под родительским контролем. Они посещали школы риторов и философов, студии художников и всячески стремились сделать себя интересными и незаменимыми для мужчин. Тогдашняя *молодежь* находила особое удовольствие в общении с этими молодыми, красивыми и независимыми девицами. На банкетах и попойках молодых людей их приглашали принять участие, а веселые и легкомысленные молодые люди собирались у них дома или отправлялись с ними в увеселительные поездки по окрестностям города, часто устраивая серенады и факельные шествия в их честь. Такая жизнь таила в себе множество ловушек для юношей, и они часто навлекали на себя гнев родителей за общение с этими сиренами. Скупость и жадность женщин этого сословия были таковы, что они пускали своих любовников на всевозможные ухищрения, чтобы добыть для них деньги и подарки. Украсть и продать драгоценности матери, взять долги на имя отца - к таким приемам часто прибегали юноши, чьи родители держали кошелек в узде. Героини деми-монда также стремились отвлечь своих возлюбленных от серьезных занятий. Лукиан в *"Диалогах куртизанок"* приводит интересный разговор между двумя гетерами, Челидонионом и Дросисом, о юноше, которого отец внезапно остановил в его бурной карьере и отдал в руки мудрого и искусного воспитателя, чтобы отвлечь его от диких увлечений и обучить философии.

Четвертый и самый возвышенный класс гетеры - это свободнорожденные женщины, которых привлекало это призвание из-за неудовлетворенности домашними ограничениями и тоски по легкости и независимой жизни, которую она, казалось, могла предложить. Нередко дочери горожан из-за бедности или жадности родителей или по собственной воле становились жертвами позора. Обычно они меняли имена, чтобы забыть о своем прежнем положении, и стремились внешним великолепием компенсировать утрату добродетели. Для нас в наши дни такая перемена кажется позорной, но для греков во многих случаях она была не более серьезной, чем смена богини-покровительницы. Так, дева переходила из-под покровительства одной из строгих богинь-девственниц, Артемиды и Афины, под защиту милостивой и соблазнительной Пафийской богини; или вдова, которая со смертью мужа лишилась средств к существованию, отказывалась от Геры, богини супружеской любви, в пользу легкомысленной и легкомысленной Афродиты. Этот переход обычно сопровождался торжественными религиозными церемониями, греческие эпиграмматисты часто поэтически обрабатывают такие истории жизни, и мы таким образом получаем возможность заглянуть в горести многих женских сердец; так, мы имеем патетическую жанровую картину девы, которая, устав от веретена и служения Афине, предается богине-покровительнице гетеры и обещает ей за защиту десятину от всех своих доходов в новом призвании.

Подношение votivных жертв Афродите за успехи и богатые приобретения в отношениях с мужчинами было обычным делом "благочестивых" hetærae. Богине часто посвящали предметы туалета, подчеркивающие красоту, и дорогие подарки, например, статуи. Хетæрае, последовавшие за афинским войском под предводительством Перикла на Самос, построили храм Афродите из десятины своих доходов. Эти votivные подношения часто становятся темой греческих эпиграмм.

Дочери или вдовы граждан составляли лишь меньшую часть гетеры этого класса. Большее число составляли чужестранки, в основном из Ионии, которые приезжали в Афины,

привлеченные их выдающимся положением в политике и искусстве, чтобы сыграть свою роль на более широкой и блестящей сцене. В различных городах Малой Азии были группы свободнорожденных женщин, порвавших с традиционными узами и посвятивших себя интеллектуальным и художественным занятиям, а также воспитанию всякого личного изящества и очарования. Естественно, что они и им подобные из других частей Эллады стекались в Афины. Такие женщины, хотя политически они были всего лишь иностранками, получали большую свободу и пользовались всеми интеллектуальными преимуществами, которые предоставлял город. Брак был единственным политическим грехом, который могли совершить эти красивые и культурные незнакомки; все остальное они могли делать по своему усмотрению. Поэтому они вступали в отношения с горожанами как "компаньонки" и вскоре становились важным фактором в общественной жизни того времени. Принося с собой из родных мест все привлекательные черты и милости, которые сопутствовали служению Музам, они, несомненно, оказывали благотворное влияние на общественные обычаи и нравы, но в то же время немало способствовали общей деморализации афинского народа.

Из числа этих женщин иностранного происхождения вышли самые красивые и знатные, а также самые эгоистичные и гордые представительницы сословия гетеры. Благодаря своей красоте и внешнему блеску своего положения они представляли собой настоящих жриц Афродиты, а благодаря своему интеллектуальному блеску и социальному обаянию оказывали огромное влияние на повседневную жизнь афинян.

К этому классу принадлежали знаменитые "дочери народа", за благосклонность которых ратовали самые видные и высокопоставленные мужчины государства. Как пел Проперций о Лаис, они могли буквально похвастаться тем, что "вся Эллада лежала перед их дверями". Среди этих гетеры мы видим светскую жизнь того времени в самом блестящем масштабе. Их жилища отличались роскошным убранством: стены были расписаны фресками, статуи и богатые гобелены украшали их апартаменты, а на территории вокруг домов были разбиты цветники и красивые фонтаны. Их одежда была из самых богатых тканей и выполнена в самых модных стилях. Они обладали множеством драгоценностей и украшений огромной стоимости. Они никогда не появлялись на публике без внушительного кортежа рабынь и евнухов. В их заведениях сохранялась большая часть этикета княжеских дворов.

Для поддержания столь изысканного состояния они продавали свои услуги по почти бесстыдным ценам. Так, старшие Лаис, Гнатхена и Фрина прославились своими невероятными запросами. Есть история о том, что оратор Демосфен совершил поездку в Коринф и заплатил десять тысяч драхм за один вечер с младшей Лаис. Как уже говорилось, Коринф обладал самыми сладострастными, а Афины - самыми высококультурными гетерами. Чрезмерные расходы "коринфской девы" дали повод для пословицы: "Не всякий мужчина может отправиться в Коринф". Не только знаменитые красавицы выставляли такие непомерные требования, но даже обычные куртизанки запрашивали цены, которые запрещали мужчинам со средним достатком вступать с ними в связь.

Красота и богатство определяли социальный статус гетеры, и с угасанием красоты и растратой своих богатств многие знаменитые гетеры опускались с высшей ступени на низшую.

Однако основной классификацией королев деми-монда было деление на "домашних" и "ученых" гетеры. Первые привлекали прежде всего своей красотой и светским изяществом, вторые - врожденным остроумием, живостью и интеллектуальными способностями. Эти одаренные женщины вступали в близкие отношения с философами и риториками того

времени; они посещали лекционные залы, посвящали себя серьезной учебе и занимались проституцией под защитой философии. Они вступали в союз с различными философскими школами и своей манерой оказывать знаки внимания стремились продвинуть интересы той секты, которую поддерживали.

В занятиях философией они также находили оправдание своему призванию. Гетеры Академии утверждали, что они всего лишь претворяют в жизнь учение Платона о женском сообществе. Последовательницы киренейской школы с ее доктриной умеренности в погоне за удовольствиями утверждали, что в своем стремлении к радостям любви они выполняют наставления Аристиппа. Приверженцы киников, или "стервы", как их называли, стремились превзойти друг друга, беря за образец для подражания зверей. Диалектики находили в своей системе широчайший простор для женской ловкости речи и защищали гетайризм с величайшей тонкостью и самым изобретательным софизмом. Женственные эпикурейцы видели в учениях своей школы, с ее доктриной дружбы и широкого развития чувств, самое полное оправдание стремлению к сексуальным наслаждениям, и стремились продемонстрировать величайшую сладострастность и утонченность в своих методах удовлетворения животной страсти.

Хетеры различных школ превзошли мужчин в подражании жаргону и манерам ведущих деятелей своих систем. Многие философы с готовностью поддавались соблазнам своих красивых и умных адептов, но были и такие духи, которые сожалели о деморализующих тенденциях, которые гетейризм приносил в серьезные занятия, и выражали свой протест в недвусмысленных выражениях.

Эти философы-гетеры были, бесспорно, самым интересным явлением в общественной жизни древних времен, которому поздний греческий мир и современность не дают адекватной параллели. Они всегда присутствовали на театральных выставках и на всех публичных мероприятиях, когда респектабельные женщины оставались дома. Они проявляли живой интерес к политике и всем общественным делам, обсуждали с гражданами животрепещущие вопросы дня, критиковали действия государственных деятелей, речи ораторов, драмы поэтов, произведения художников и скульпторов. Одним словом, они оказывали огромное влияние на общественную и политическую жизнь того времени, как во благо, так и во вред; при этом они сами сознавали свою миссию, имея в своих руках реальную власть своего пола.

Почти каждый великий человек в Афинах имел свою "спутницу", обычно в дополнение к законной жене. У Платона была Археанасса, которой он писал сонеты; но мы не знаем, чем она его привлекала. "Мне Теорис дорога", - поет Софокл; и мы хотели бы узнать больше об Архиппе, которой он оставил свое состояние. У Аристотеля была своя Герпилида, а у красноречивого Исократ - Метанейра. Спевсипп, преемник Платона, нашел себе "спутницу" в Ластении, а Эпикур - в Леонтии. Трудно поверить, что все те, к кому ученые мужи того времени проявляли такое уважение, были порочными женщинами; более того, некоторые из них описываются как благородные и высокодуховные.

"Она была горожанкой, без опекуна

Или близких родственников, и нравы ее

Чисты и строги по образцу добродетели,

Истинная госпожа [греч. *hegaira*]: ибо остальные члены экипажа

Своими мерзкими манерами ввергают в уныние,

Имя, которое само по себе не имеет ничего дурного".

Но если карьера ученых гетеры и была влиятельной, она не была равна по блеску и силе карьере более знаменитых домашних гетеры. Обширность влияния этого последнего класса лучше всего показать, назвав выдающихся правителей различных периодов, которые находились под властью своих "компаньонов". В одной из предыдущих глав мы обратили внимание на работу Таргелии по формированию персидских настроений перед вторжением Дария и Ксеркса, а также на влияние Аспазии в эпоху Перикла. Многие поздние гетеры играли видные роли при дворах принцев и царей и нередко пользовались царскими почестями: Лина, Миррина и Ламия были фаворитками Деметрия Бесигера, и последняя делила с ним все, кроме трона. Таис, некоторое время любимая Александром Македонским, по чьему приказу он поджег дворец персидских царей, впоследствии родила двух сыновей и дочь Птолемию Сотеру, первому македонскому царю Египта. Пифионика и Гликера пользовались большой популярностью при дворе Гарпала. Иероним Сиракузский возвел прекрасную проститутку по имени Пифо из публичного дома в свой дворец и на трон. Птолемей Филадельф прославился количеством своих любовниц, среди которых были Дидима, Блистиха, Стратоника, Миртиона. Птолемей Филопатор находился под унижительным влиянием Агатоклеи, дочери сводницы Энанты, и оба они, по меткому выражению Плутарха, вырывали диадемы из-под ног и в конце концов были убиты александрийской толпой.

Некоторые гетеры вызывали такое уважение, что им ставили публичные памятники. Первый случай такого рода в Афинах произошел с Линой, которая после убийства тирана Гиппарха вырвала себе язык, чтобы не выдать сообщников своего любовника Аристоклитона. Афиняне не хотели воздвигать статую, изображающую гетеру, но поставили на Акрополе бронзовую львицу, чтобы навсегда запомнить имя Лены и сохранить память о ее благородном поступке. В честь Фрины была установлена мраморная статуя в Феспиях, изваянная Праксителем, а также золотая статуя в Дельфах. В Спарте, в дни ее упадка, стоял памятник прославленной гетере Коттине. Там же находились знаменитые статуи Лаис, Гликера, Пифионики, Нееры, Клино, Блистихи, Стратоники и других женщин удовольствия. Ламии, знаменитой флейтистке, и ее сопернице Лине из Коринфа, любимице Деметрия Беседника, подневольные афиняне воздвигли храмы, в которых их почитали как богинь. В Афинах также была самая красивая и дорогая гробница в честь Пифионики, воздвигнутая македонским правителем Гарпалом, которую Павсаний назвал "лучшей из всех древних гробниц, достойных внимания". Таковы примеры дани, воздаваемой любящими красоту греками этим прекрасным, но легкомысленным женщинам, которые считались воплощениями самой богини Афродиты.

"Не зря, куда бы мы ни пошли.

Мы храм гетеры находим там,

Но нигде нет ни одной супруги".

поет один из поэтов "Антологии".

Характерные черты этих царствующих королей деми-монда почти во всех случаях были одинаковы. Главными чертами их характеров были эгоизм и жадность. При всей своей внешней доброте и видимой теплоте нрава они всегда были "мраморносердечными", холодными, неспособными ни на какие благородные чувства и невосприимчивыми к

проявлениям истинной любви. Есть несколько исключительных случаев самоотверженной преданности, как у Лины и Тимандры, которая поддерживала Алкивиада во всех его несчастьях, но их большая редкость подтверждает правило. Немногие из них обладали хорошим характером и были верны сложившимся отношениям; многие были просто справедливы и хрупки; большинство же опустилось до самых низких глубин разврата и порочности. Хотя в поведении тех *hetærae*, которые культивировали все женские прелести, есть много привлекательного, их образ жизни метко сравнили с корзинами с вредными сорняками и мусором, прикрытыми розами. Экстравагантность, разврат и беспутные привычки со временем обязательно приводили к сопутствующим бедам - убогости, нужде и безденежью. Осознав, что для них не существует истинной любви и домашнего счастья, они становились хищными и мстительными, циничными и вспыльчивыми. Ничто не может быть страшнее, чем картины, которые рисуют комические поэты и сатирики о некоторых из этих женщин; Анаксилай, например, так описывает их как класс:

"Тот, кто любил куртизанку,
Скажет, что более беззаконной, никчемной расы
Нигде не найти: ведь какая свирепая,
Непримиримый дракон, какая Химера,
Что Харибда, хоть и дышит огнем из пасти,
Какая трехголовая Сцилла, морская собака,
Или гидра, или сфинкс, или яростная львица,
Или гадюка, или крылатая гарпия (жадная раса),
Могут превзойти этих проклятых блудниц?
Нет чудовища страшнее. Только они
Превосходят все прочие пороки, вместе взятые".

Их внешнее поведение и манеры отличались большой элегантностью. Один комический поэт отмечает, что они принимали пищу очень деликатно, а не как горожанки, которые "набивали щеки и отрывали мясо". Их речь, однако, была необузданной, и они наслаждались бестактными остротами и *двусмысленными намеками*. Мачон собрал в своей книге анекдотов остроумные высказывания самых знаменитых гетеры. В книге *Athenæus* мы также имеем образцы их острот. Синопа из Эгины особенно славилась своим грубым остроумием и имела множество ловких столкновений с выдающимися людьми своего времени. Чтобы сохранить или подчеркнуть свою естественную красоту, гетеры пользовались косметикой. Эвбул в одном из фрагментов так представляет гражданскую женщину, поносящую этот ненавистный класс:

"Ей-богу, нас не красят киноварью,
И не соком темной шелковицы, как часто делаете вы:
И тогда, если летом ты выходишь на улицу,
Две струйки темного, обесцвеченного оттенка
Из глаз твоих текут, и пот капает с челюстей.

И прокладывает алую борозду по шее,
И светлые волосы, что выются над вашим лицом.
кажутся седыми, так густо они покрыты штукатуркой".

Тайные мистерии гетайризма, которые прославлялись в основном лесбийскими и самланскими гетерами и которые вызвали появление литературы гетасры, частично подготовленной такими представителями этого ремесла, как Филэнис, Элефантина, Нико и другие, представляют собой важный аспект нашей темы, на котором следует остановиться вкратце. Достаточно сказать, что женщины удовольствий Лесбоса и Самоса преуспели в изобретении и практике постыдных, противоестественных искусств, и что распущенность лесбийских куртизанок привела к отвратительной форме похоти, известной как "лесбийская любовь", которая стала пословицей.

Плутарх четко выделяет из гетеры класс, известный как "эмансипированные женщины", главной добродетелью которых, однако, была отнюдь не скромность. К этому классу принадлежали многие цветочницы, плетельщицы венков, натурщицы художников и скульпторов, которые зарабатывали на жизнь своей внешностью, хотя и не вели постыдный образ жизни. Самой известной представительницей этого класса была Гликера, которую обессмертил Гете. Она была уроженкой Сикиона и зарабатывала на жизнь продажей цветочных венков, которые она умела делать очень искусно, для использования на банкетах, похоронах и для украшения двери возлюбленной. Художник Паузиас, также уроженец Сикиона, страстно любил ее и часто вступал с ней в соревнование, сможет ли она сплести венок из цветов более художественно, чем он сам. Он написал портрет, на котором она была изображена сидящей с цветочным венком; он был настолько превосходен, что римский полководец Лукулл после Митридатской войны, когда он собирал коллекцию статуй и картин, заплатил за копию два таланта.

Нет ничего странного в том, что многие из гетеры, отмеченные своей великолепной красотой, культивированием искусства, литературы и утонченности жизни, достигли исторической известности и, как героини деми-мондов, повлияли на судьбы Греции во благо или во вред. Мы вкратце расскажем о важных событиях в карьере нескольких представительниц этого выдающегося класса.

Гнатхена, дочь пандеи Синопы, была одной из самых остроумных и умных афинских гетеры. Ее отличала удачная игра слов. Она также разработала свод правил для проведения обедов и банкетов, которые должны были соблюдать влюбленные, когда приходили к ней или ее дочери Гнатæнион. В этом она подражала самым культурным хозяевам Афин и проявляла такое отношение к общественным формам, которое бросает достойный свет на поведение более культурных гетеры. Дочь Гнатæнион некоторое время была любимицей комического поэта Дифила, и у него было много блестящих реприз с матерью по случаю его визитов к дочери.

Еще одной знаменитой гетерой была Мелитта, которую любили за прекрасную фигуру и голос, а также за приятный разговор и энергичность. Поскольку каждый из ее любовников говорил, что "прекрасная Мелитта была его безумием", ее также называли Манией. Она была одной из многочисленных фавориток Деметрия Беседующего. Однако более известной, чем Мелитта, фавориткой Деметрия была прекрасная Ламия, самая знаменитая флейтистка древности. Она была дочерью видного афинского гражданина по имени Клинон и, решив вести независимый образ жизни гетеры, сделала родной город первой ареной своих подвигов. Отсюда она отправилась в Александрию, где благодаря своему искусству и

красоте быстро завоевала признание при дворе Птолемея. Сопровождая Птолемея Сотера в его морской войне против Антигона и Деметрия, она попала пленницей в руки последнего. Хотя ее молодость и красота были уже на исходе, ей удалось пленить Деметрия, который был намного моложе ее, так что, как утверждает Плутарх, он оказался фактически ее любовником, в то время как с другими женщинами он был лишь объектом любви. Ламия полностью властвовала над ним и доводила его до многих излишеств. Так, однажды он заставил афинян собрать для него по первому требованию двести пятьдесят талантов, а когда их наконец принесли, сразу же отправил их Ламии и ее спутникам, "за деньги на булавки". Однажды Ламия сама потребовала от граждан огромную сумму денег, чтобы приготовить великолепный банкет для Деметрия. Этот банкет из-за непомерных расходов, которые он повлек за собой, получил такую необычайную известность, что Ликиург Самосский написал о нем книгу. В связи с этим комический поэт охарактеризовал Ламию как настоящую *Гелеполиду*, или разрушительницу городов, - так назывался один из самых известных военных двигателей Деметрия. Деметрий остался страстно влюблен в нее даже после того, как ее красота увяла. Чтобы польстить Деметрию, афиняне воздвигали ей алтари, совершали умиловительные жертвоприношения и праздновали ее праздник. Фиванцы дошли до того, что воздвигли в ее честь храм и поклонялись ей как Афродите Ламии.

Пифионика, фаворитка Гарпала, друга и доверенного лица Александра Македонского, пользовалась почестями, которые соперничали с почестями Ламии. В самый блестящий период карьеры Гарпала Пифионика была вызвана в Вавилон, где разделила его почести и носила титул вавилонской царицы. Сохранилось письмо историка Теопомпа к Александру, в котором он говорит о страстной преданности Гарпала своей фаворитке и так упоминает о ней: "Этой Пифионице, рабыне флейтиста Вакхиса, который, в свою очередь, был рабом гетеры Синопы, Гарпал воздвиг два памятника, один в Афинах, другой в Вавилоне, стоимостью более двухсот талантов, что казалось дешевым для этого скупердяя; кроме того, он устроил для нее участок и святилище, которые назвал храмом и алтарем Афродиты Пифионики. Она родила ему дочь и умерла до внезапной перемены, которая произошла в его судьбе".

Другой фавориткой Гарпала, а затем и знаменитого уродливого поэта-комика Менандра, была Гликера, дочь Талассиса. Она была родом из Афин и большую часть времени проводила в обществе литераторов и философов. Однажды на пиру мегарский философ Стиппо обвинил ее в том, что она вводит в заблуждение молодежь своим обольстительным искусством. Она ответила на это: "Стиппо, мы с тобой находимся под одинаковым осуждением. О тебе говорят, что ты прививаешь своим ученикам бесполезные и эротические софизмы, обо мне - что я учу их эротическим софизмам". Некоторые из сохранившихся писем Гликера к своему любовнику-поэту Менандру показывают, насколько теплая симпатия существовала между ними и насколько нежные чувства могли характеризовать такой союз.

Одно из имен гетеры, известных как в древности, так и в современности, - имя Лаис, принадлежавшее двум греческим женщинам, прославившимся своей необыкновенной красотой, которые различались как Лаис Старшая и Лаис Младшая.

Старшей и, бесспорно, более известной из них была дочь той самой гетеры, Тимандра, которая осталась верна Алкивиаду во время его злоключений. Семилетней девочкой Лаис попала в плен к афинянам во время разграбления своей родины, Гиккары на Сицилии, и была привезена в качестве рабыни в Коринф. Здесь ее рано посвятили в искусство галантности и основательно приучили к культуре того времени.

Физические прелести Лаис развились в редко встречающуюся красоту. Ее грудь отличалась таким неопишуемым совершенством, что скульпторы и художники брали ее за образец в своих творениях идеальной женской формы. Считалось, что она превзошла не только всех своих современниц, но и всех знаменитых красавиц прежних времен, а последующие эпохи считали ее прототипом женской красоты и с удовольствием давали пространные и подробные описания ее прелестей, как, например, софист Аристенет в первом из пятидесяти своих эротических посланий.

Вскоре после ее первого появления о Лаис заговорили, прославили, обожествили во всех эллинских землях. По выражению одного греческого поэта, считалось удачей, что Лаис, самая красивая из представительниц своего пола, приняла образ жизни гетеры; ведь если бы она не была доступна всем, в Греции разразился бы конфликт, сравнимый разве что с аргивской Еленой.

Слава о ее красоте в короткое время привела к огромной иммиграции в Коринф самых богатых и знатных людей, отчасти чтобы насладиться ее благосклонностью, отчасти чтобы восхититься ее чарами, а отчасти чтобы изучить этот образец женской красоты для подражания в произведениях искусства. От почтения, которое она получала, и особенно от богатства, которое сыпали к ее ногам ее любовники, она вскоре стала настолько гордой и эгоистичной, что уединилась со всеми, кроме самых богатых. Однако ее гордое сердце не было полностью закрыто для любовных чувств. Она увлеклась киническим философом Диогеном, несмотря на его грязь и грубость; а Илиан рассказывает о ее влечении к молодому атлету Евбату из Киринеи, который приехал в Коринф на игры, оставив после себя красивейшую и любимую жену. "Когда Лаис познакомилась с Эвбатасом Киринейским, - рассказывает Илиан, - он ей так понравился, что она сделала ему предложение руки и сердца. Чтобы не навлечь на себя месть могущественной гетеры, он обручился с ней, но при этом продолжал вести разгульную жизнь. По окончании игр он должен был выполнить свое обещание. Но после того, как его объявили победителем, чтобы избежать видимости разрыва верности с куртизанкой, он заказал картину с изображением Лаис и взял ее с собой в Киринею, утверждая, что не нарушил обещания, а привез Лаис с собой домой. В награду за верность его добродетельная жена в Киринее воздвигла в его честь статую".

Аристипп, основатель киренской философской школы, тщетно пытался завоевать любовь этой прекрасной гетеры, хотя из всех ее любовников он больше всего времени проводил в ее обществе и тратил на нее значительные суммы денег.

Из общения с этим ученым философом Лаис почерпнула немало знаний, так что стала не только самой красивой, но и одной из самых блестящих женщин своего времени. Она примкнула к киринейской школе, чья философская система понравилась ей гораздо больше, чем грубая система ее фаворита Диогена, который всячески пытался склонить прославленную красавицу к кинизму. Однако Лаис не испытывала ничего, кроме презрения, к моральным претензиям философии. "Я не понимаю, - говорила она, - что подразумевается под аскетизмом философов, ведь они с этим прекрасным именем находятся в моей власти, как и остальные граждане".

Очарование Лаис, столь неприступное в своем расцвете, все же оказалось преходящим, и жалко было метаморфоз, которые претерпевал блеск знаменитой красоты с их угасанием. Богатых поклонников становилось все меньше и меньше, и наконец они перестали появляться, а вместе с ними и ее средства. Некогда гордая красавица стала игрушкой всех мужчин. Она пыталась утопить свою горе в кубке с вином - обычная практика среди греческих женщин неблагополучной жизни. В этот печальный период своей карьеры Лаис посвятила

свое зеркало, как неприятное напоминание о потерянной красоте, богине, служению которой она посвятила свою жизнь. В последние годы жизни она занималась гнусным ремеслом сводницы.

После ее смерти коринфяне вспомнили, какую репутацию принесло их городу пребывание в нем столь знаменитой женщины, и воздвигли ей мавзолей в Кранейоне, кипарисовой роще неподалеку от города, на котором львица, разрывающая на части ребенка, символизировала хищность покойной гетеры.

Лаис Младшая была современницей оратора Демосфена и художника Апеллеса и расцвела почти через столетие после своей более знаменитой тезки. Она тоже жила в Коринфе и славилась своей красотой и общением с выдающимися людьми. Она родилась вне брака, и имена ее отца и матери неизвестны. Когда она росла, бродяжничая в беспутном городе, Апеллес, знаменитый художник, как говорят, первым заметил ее начинающуюся красоту и дал ей образование. Согласно распространенному преданию, Апеллес увидел ее, когда она, будучи юной девушкой, черпала воду из фонтана Пирен, и сразу же был так очарован ее красотой, что взял ее с собой на банкет, куда собирался. Когда друзья в шутку упрекнули его в том, что вместо гетеры, как это было принято, он привел на пир ребенка, он ответил на это: "Не удивляйтесь. Я покажу вам ее еще раз, пока не пройдет три года; тогда вы увидите, какой красивой и живой она стала".

Не прошло и трех лет, как Лаис стала самой знаменитой гетерой города. Ее имя было у всех на устах - в банях, в театрах, на улицах и площадях. Слава о ней распространилась по всей Элладе, и в Коринф стекались самые богатые люди Эллады. По количеству и известности любовников ее превзошла только ее современница, Фриния Афинская.

Находясь в зените своего триумфа, эта прославленная и любимая гетера, "воспламенившая любовью всю Элладу, за благосклонность которой боролись два моря", внезапно исчезла со сцены своих завоеваний. Фессалиец по имени Гипполох научил ее, что такое настоящая любовь. Она бежала с ним из компании других своих любовников и жила в Фессалии в почетном браке. Однако ее красота стала причиной печального конца этого приятного романа. Из зависти и ревности фессалийские женщины заманили ее в храм Афродиты и там забили камнями до смерти. Некоторые историки утверждают, что у нее было много фессалийских любовников, что вызвало ревность женщин, и они лишили ее жизни на празднике Афродиты, на котором не было ни одного мужчины. Говорят, что после ее убийства в Фессалии начался мор, который не прекращался до тех пор, пока в качестве искупления не был воздвигнут храм Афродите.

Фриния была самой красивой женщиной древности. Она родилась в Феспиях в Беотии, а расцвела в Афинах во второй половине четвертого века до нашей эры. Имя Фрины по сути принадлежит истории греческого искусства, ведь вся ее жизнь была связана с деятельностью самых выдающихся живописцев и скульпторов. В юности она была любима скульптором Праксителем. Павсаний рассказывает историю о том, как "однажды, когда Фриния попросила у него самую красивую из его работ, Пракситель, как влюбленный, обещал дать ей ее, но не сказал, какую считает самой красивой. Тогда вбежал слуга Фрины и объявил, что мастерская скульптора загорелась, и большинство, но не все, его работы погибли. Пракситель тут же бросился к двери, протестуя, что весь его труд пропал, если пламя добралось до *Сатиры* и *Любви*. Но Фрина велела ему остаться и быть бодрым, сказав, что он ничего не потерял, а только был введен в заблуждение, сказав, какие из его работ самые прекрасные. И она выбрала *Любовь*".

ФРАЙН

По картине Генриха И. Симирадского.

Фрина, отличавшаяся скромностью, которую нельзя было ожидать от женщины ее сословия, тщательно скрывала свою прекрасную фигуру, избегая общественных бань и всегда прикрывая тело длинной и изящной туникой. Но в двух случаях любящие красоту греки продемонстрировали им прелести ее лица. Первый - на торжественном собрании в Элевсисе, на празднике Посейдонию. Распустив свои прекрасные волосы и отпустив драпировку, Фрина на глазах у всех собравшихся греков окунулась в море.

Фрина была очень скромного происхождения и первоначально добывала средства к существованию сбором каперсов, но впоследствии ее красота принесла ей огромное богатство. В Дельфах ей воздвигли золотую статую.

Либо эта, либо похожая статуя Эроса была посвящена Фрине в Феспиях, городе ее рождения. Позже Пракситель сделал из нее золотую статую, которая была установлена в Дельфах между статуями двух царей. Она также послужила ему моделью для знаменитой Афродиты из Книдоса, которую Плиний описывает как "самую прекрасную статую не только Праксителя, но и всего мира". Жители Книдоса поместили изображение, которое, по их мнению, было сделано под непосредственным вдохновением самой богини любви, в прекрасном святилище, окруженном миртовыми деревьями, так, чтобы фигуру можно было видеть с разных точек зрения; "и со всех сторон, - добавляет Плиний, - она вызывала одинаковое восхищение". Греки съезжались сюда со всех концов света только для того, чтобы посмотреть на статую и поклониться святыне богини. Царь Вифинии Никомед, желая завладеть статуей, предложил заплатить за нее весь государственный долг острова, который был огромен; но жители Книдоса предпочли вытерпеть все, чем отдать свое сокровище, и не без оснований, "ведь благодаря этой статуе Пракситель прославил Книдос". Авторы эпиграмм любили восхвалять эту статую, и многие из сохранившихся статуй Венеры являются копиями или адаптациями этого великого прототипа, смоделированного по форме Фрины. Самая знаменитая копия книдийской статуи находится в Ватикане, правда, изуродованная фальшивой драпировкой. Статуя дает нам некоторое представление о превосходной красоте Фрины. Она очень чиста, очень бессознательна в своих чарах, и пленяет зрителя своим простым изяществом и естественностью. Лукиан, эстетствующий критик, при создании своей идеальной статуи выбрал для описания голову Афродиты из

Книдоса. Он особенно восхищался тонким карандашным почерком, говорящим о том, что он не потерпел убытков, а лишь был введен в заблуждение, говоря, какие из его работ самые прекрасные. Поэтому она выбрала *"Любовь"*.

Эросу или похожей статуе Фрина посвятила свою жизнь в Феспиях, городе своего рождения. Позже Пракситель сделал из нее золотую статую, которая была установлена в Дельфах между статуями двух царей. Она также послужила ему моделью для знаменитой Афродиты из Книдоса, которую Плиний описывает как "самую прекрасную статую не только Праксителя, но и всего мира". Жители Книдоса поместили изображение, которое, по их мнению, было сделано под непосредственным вдохновением самой богини любви, в прекрасном святилище, окруженном миртовыми деревьями, так, чтобы фигуру можно было видеть с разных точек зрения; "и со всех сторон, - добавляет Плиний, - она вызывала одинаковое восхищение". Греки съезжались сюда со всех концов света только для того, чтобы посмотреть на статую и поклониться святыне богини. Царь Вифинии Никомед, желая завладеть статуей, предложил заплатить за нее весь государственный долг острова, который был огромен; но жители Книдоса предпочли вытерпеть все, чем отдать свое сокровище, и не без оснований, "ведь благодаря этой статуе Пракситель прославил Книдос". Авторы эпиграмм любили восхвалять эту статую, и многие из сохранившихся статуй Венеры являются копиями или адаптациями этого великого прототипа, смоделированного по форме Фрины. Самая знаменитая копия книдийской статуи находится в Ватикане, правда, изуродованная фальшивой драпировкой. Статуя дает нам некоторое представление о превосходной красоте Фрины. Она очень чиста, очень бессознательна в своих чарах, и пленяет зрителя своим простым изяществом и естественностью. Лукиан, эстетствующий критик, при создании своей идеальной статуи выбрал для описания голову Афродиты из Книдоса. Он особенно восхищался тонко очерченными бровями и тающим взглядом глаз с их сладким, радостным выражением.

Фрина, отличавшаяся скромностью, которую нельзя было ожидать от женщины ее класса, тщательно скрывала свою прекрасную фигуру, избегая общественных бань и всегда облачаясь в длинную и изящную тунику. Но в двух случаях любящие красоту греки продемонстрировали им прелести ее лица. Первый - на торжественном собрании в Элевсисе, на празднике Посейдолии. Распустив свои прекрасные волосы и отпустив драпировку, Фриния на глазах у всех собравшихся греков погрузилась в море. Художник Апеллес, охваченный восхищением от этого зрелища, сразу же удалился в свою мастерскую и перенес на холст мысленный образ, который неизгладимо запечатлелся в его воображении; в результате получилась картина *"Афродита Анадиомена"*, самая знаменитая из его картин.

Вторая выставка состоялась перед строгим двором Гелиастов. Фрина была вызвана в суд по обвинению в осквернении Элевсинских мистерий, а ее защитником стал Гиперид, блестящий молодой оратор. Не сумев убедить судей своими доводами, он сорвал тунику с ее груди и открыл им совершенство ее фигуры. Судьи, увидев воплощение богини любви, движимые суеверным страхом, не посмели осудить на смерть "пророчицу и жрицу Афродиты". Они увидели и помиловали, и под аплодисменты народа Фрину с триумфом понесли в храм Афродиты. В наши дни такая сцена кажется очень театральной, но Афродита больше не почитается среди людей, а греческое поклонение красоте - это нечто непонятное в наш материальный век.

Жизнь Фрины отнюдь не была безупречной, и в результате своей популярности она приобрела огромное богатство. Говорят, она предложила восстановить стены Фив, разрушенные Александром, при условии, что она поместит на них эту надпись: *Александр*

разрушил Фивы, а Фриния, гетера, восстановила их; но предложение было отвергнуто, что свидетельствует о том, что хотя времена были порочными, но стыд еще не совсем покинул людей.

Нельзя слишком резко подчеркнуть деморализующее влияние гетеры на социальную жизнь греков или не увидеть в грубой безнравственности полов одну из главных причин падения греческих народов.

Однако то, что женское бесстыдство было наиболее благоприятно для искусства скульптуры и живописи, - это истина. Чувственность близка к чувственности, и от страсти к этим "жрицам Афродиты" греческие художники, без сомнения, черпали большую часть своего вдохновения, а возможности, которые открывал гетайризм для изучения женской формы, позволили Праксителю и его современникам и преемникам создавать шедевры, которые по идеализму равнялись произведениям эстетского искусства, созданным в предыдущем веке.

Стать идеалом для живописца и скульптора было величайшей амбицией прекрасной и культурной гетеры. Позволив художнику запечатлеть свои прелести, она не только оказала долговременную услугу искусству, но и сама стала знаменитой и бессмертной. Слава о ее красоте разнеслась по всем эллинским землям, и народная преданность богине Афродите сразу же распространилась на ее земной аналог. Если она соединяла интеллектуальный блеск с красотой, фортуна тут же бросала к ее ногам свои самые ценные дары. Самые знаменитые мужчины каждого города боролись за ее благосклонность, поэты делали ее темой своих стихов, художники изображали ее прелести резцом и кистью, а богачи наполняли ее сундуки золотом и драгоценными камнями.

XI

ЖЕНСКИЙ ВОПРОС В ДРЕВНИХ АФИНАХ

Тот, кто внимательно изучит философскую литературу Афин четвертого века до нашей эры, будет поражен тем вниманием, которое уделялось вопросу о социальном и бытовом положении женщины. Если он проследит этот вопрос, то заметит, что в драматической литературе второй половины предыдущего века те же проблемы рассматривались Еврипидом и Аристофаном. И он убедится, что в основе этой агитации лежало социологическое движение огромной важности, а драматические и философские писатели просто придали литературную форму дебатам, которые глубоко взволновали афинское общество в V веке.

Дискуссия о правах женщины - тема вечная, и основные течения в таких движениях обычно одни и те же в каждую эпоху. Они возникают не благодаря усилиям филантропов, которые признают, что положение женщины не такое, каким оно должно быть, а благодаря усилиям самих представительниц этого пола, которые достаточно умны, чтобы понять, что они, неся большую долю бремени, не имеют справедливой доли жизненных благ, и поэтому стремятся улучшить условия, в которых находятся они сами и их сестры.

В этой главе мы рассмотрим афинских драматургов и философов в той мере, в какой они дают представление о социальной жизни города в его самую важную эпоху, и расскажем о том, какой вклад они вносят в наше знание о греческой женщине и постоянно возникающем Женском вопросе.

В начале этого блестящего периода мы должны полагаться на идеальные картины трагедии для высшей стороны, и на грубые пародии комедии для низшей стороны женской жизни. Эсхил процветал незадолго до и во время славного периода после Персидской войны, - хорошие дни до того, как приток иностранцев и новое образование испортили жизнь и подорвали веру граждан. В семи сохранившихся пьесах он представил нам только три женских персонажа, имеющих хоть какое-то значение: Клитемнестру, Электру и Кассандру, - все они принадлежат к циклу трагедий, повествующих о судьбе царя Агамемнона и его царского дома в Микенах. Картины домашней жизни драматурга свидетельствуют о его высоком представлении о способностях и значении женщин и о той большой роли, которую они играют в истории человечества. Его Клитемнестра - властная царица, выполняющая все функции царской власти, но ее могущественная натура ослаблена горем и грехом. Она отождествляет себя с "древним горьким Аластором", который насылает на Агамемнона проклятие его дома. Она - воплощение самодостаточности, непреклонной цели, изученного ремесла и холодного презрения. Пышными речами и искусной лестью она приветствует мужа дома, а когда дело сделано и он лежит мертвый от ее руки, она ликующими тонами радуется крови на своем одеянии, как "кукурузное поле весенним росам". Воистину, она - самый сильный портрет женской вины, который может дать нам драматическая литература. Эсхил черпал свои декорации и характеры в основном из условий героического века, изображенного Гомером, и был мало затронут течением повседневной жизни вокруг него.

Как Эсхил дал нам Клитемнестру как идеальный тип женской силы и злобы, так и Софокл представил двух бессмертных героинь, Антигону и Электру, статных в красоте и величии своих характеров. В Антигоне мы видим два основных качества - энтузиазм в исполнении долга и глубокую привязанность к семье, что проявляется в ее стремлении примирить братьев, Полиника и Этеокла, желании защитить сестру Исмену, самопожертвовании ради брата Полиника и сыновней преданности своему престарелому отцу. Электра также является идеальным образцом сестринской любви. Измученная противоестественным поведением матери, издевательствами трусливого и жестокого тирана, узурпировавшего место ее отца, она питала лишь одну надежду - что ее брат Орест вернется, чтобы отомстить виновной паре за их обиды. Когда дело сделано, и Ореста преследуют фурии, она проявляет себя как преданная и бескорыстная сестра. В этих двух персонажах мы имеем возвышенные представления о героической преданности долгу, но более человеческие женские черты были утеряны при изображении их поэтом как воплощения высоких идеалов.

Махаффи находит в этих двух героинях что-то жесткое и мужественное, черты, которые не вызовут симпатий у читателя или слушателя и не приведут к подражанию. Он предпочитает софокловских Деяниру и Текмессу как "истинно "женских женщин", как сказал бы Гомер, нежных и любящих, не склонных к ревности, и по этой причине представляющих собой более тонкий и четкий контраст с героями, чем более грубые и доминирующие героини". ... "Если эти критические замечания справедливы, - добавляет он, - то они показывают, что в самом совершенном и исключительном афинском обществе - то есть в среде Фукидида и Софокла - идеал женского характера вырожден; что для этих мужчин, чьи привязанности были сосредоточены на совершенно других объектах, понятие истинной героини перестало быть естественным, а было вытеснено жестким и мужественным типом. Прежняя свободная, благородная женщина, которую Эсхил в ранние времена еще знал, была изгнана из

городской жизни, чтобы освободить место для домашней рабыни аттического дома, называемой "госпожой", но как таковая противопоставляемой "спутницам", которые постепенно вытеснили ее в афинском обществе".

Типы женственности, представленные Эсхилом и Софоклом, относились к ушедшему в прошлое состоянию общества и были слишком далеки от жизни своего времени, чтобы быть идеалами для афинских дочерей. Эти драматурги не затрагивали проблем, которые в то время занимали мысли просвещенных мужчин и женщин. В "Эсхиле", поглощенном проблемами судьбы, нет ничего, что свидетельствовало бы о том, что он ощущал многие серьезные проблемы, стоявшие перед социальной жизнью его времени; а безмятежный Софокл не дает и намека на то, что мир вокруг него не был лучшим из всех возможных миров. Но как обстояло дело с мрачным и меланхоличным Еврипидом? Какое представление он дает нам о социальной жизни того времени?

Известно высказывание Софокла о том, что "он сам представлял людей такими, какими они должны быть, а Еврипид - такими, какие они есть". Это значит, что Еврипид, положив в основу своих трагедий древние легенды, приписал своим героям и героиням недостатки и страсти обычных мужчин и женщин и использовал свои сюжеты, чтобы представить проблемы, с которыми сталкивалось общество, каким он его знал. Будучи последователем Анаксагора и членом партии философов, он был недоволен условиями жизни вокруг него и стремился своими драмами содействовать движениям за реформы. Во многих отношениях он был смелым новатором, и этим объясняется та ожесточенная враждебность, которую проявлял к нему ультраконсерватор Аристофан. Вопиющим недостатком афинской общественной жизни было положение женщины, и на решение этой проблемы Еврипид направил все свои силы. Он использовал женщину и моральные конфликты, возникающие в отношениях полов, как *мотив* для своей поэзии, а весь корпус его пьес - это комментарий к Женскому вопросу. В изображении женщины он нашел новое поле для своего гения, а также новое средство отстаивания непопулярного, но праведного дела.

Однако мы сталкиваемся с преобладающим мнением, что Еврипид был ненавистником женщин, который использовал свои трагедии для изложения своего неблагоприятного мнения об этом поле. Эта точка зрения, представленная многими современными авторами, основывается, однако, на ложных предположениях. Чтобы показать, каких низких взглядов на женщину придерживались мужчины его времени, поэт приписывает некоторым своим персонажам осуждение пола в целом, и это воспринимается как выражение личного мнения автора. Так, Ипполит раздражается длинной тирадой, начинающейся:

"Зачем ты дал дом под солнцем,

Зевс, женщине, умозрительное проклятие мужчине?".

Но Ипполита на протяжении всего произведения характеризуют как ярко выраженного женоненавистника, и этот и подобные ему отрывки находят свое вдохновение в персонажах и ситуации и производят вполне определенный драматический эффект. Более того, хотя неблагоприятные суждения поэта о женщинах часто приводятся вне связи с ними, его комплиментарные высказывания остаются незамеченными. В противовес резкой критике мужчин, которые выплескивают свою злобу на тех, кого они обидели, или женщин, которые считают виновными свой пол, когда драматическая цель оправдывает используемые выражения, можно привести отрывки, в которых восхваляется девичья скромность и женская верность; можно привести глубоко эмоциональные слова Адмета или Тесея о радостях счастливой супружеской жизни или нежные выражения, которые отцы, как Агамемнон, произносят по отношению к своим дочерям. Во фрагментах также встречаются отрывки,

дружелюбные и недружелюбные по отношению к женщине, но, поскольку они лишены контекста, трудно судить о них справедливо. Поэтому из изучения диалогов Еврипида можно сделать вывод, что каждое неблагоприятное суждение о женщине находит свое полное оправдание в экономике драмы; нигде нет убедительных указаний на то, что сам поэт питал ненависть к этому полу.

Если мы обратимся от диалогов к хорам, мы можем ожидать, что найдем истинное мнение автора, и здесь нет никаких следов недоброжелательной критики. В мужских хорах поется о безграничном счастье, которое можно обрести, имея хорошую жену; в женских - о пленительной любви, о благах счастливой супружеской жизни, а неверность и греховная страсть осуждаются. Временами они ссылаются на злые отзывы о женщинах, но всегда с негодованием и явным стремлением исправить ошибочное суждение. Так, например, в припеве *"Иона"*:

"Отметьте - вы, чьи звуки клеветы

Бичуют вечно

Женщину в песнях, и клеймите ее

Распутница и блудница, -

Как высоко, на месте добродетели

Мы проходим мимо беззаконной расы людей,

И не плевать в гадючьи подстилки своим ядом.

Но пусть Муза насмешек

На головы людей изливает

Свое негодование, воспевая

О предательстве своем;

Пойте о возмущенной деве;

О жене преданной

О том, кто явил ложную сердцевину..."

Характер персонажей Еврипида - самое важное из всех свидетельств пьесы о социальной жизни Афин, поскольку поэт черпал их из реальной жизни, и, следовательно, его мужчины и женщины обязательно являются справедливыми образцами мужчин и женщин, которых можно встретить в афинском обществе. Заметно, что мужчины, как правило, значительно уступают женщинам как в манерах, так и в благородстве характера, и их нельзя сравнивать с героями Эсхила и Софокла. Ипполит, правда, являет собой яркий пример юношеской чистоты, Пилад - бескорыстной дружбы, Ахилл - придворного рыцарства, Ион - юношеского благочестия, Тесей - преданного патриотизма, крестьянский муж Электры - рыцарского уважения, но большинство мужских персонажей эгоистичны, ссорятся и заурядны. Как же по-другому обстоят дела, когда мы рассматриваем женщин драматурга!

Отличаясь от своих соотечественников в представлениях о характере, возможностях и правах женщины, Еврипид в своих пьесах представляет идеалы женственности, которые дают женщине нечто большее, чем рутина домашних обязанностей, и поднимают ее в глазах

мужчин. Героизм в повседневной жизни - вот урок, который он постоянно преподает на примере таких женщин, как Алкестис, преданная жена и мать; Поликсена, храбрая дева-мученица; Андромаха, верная в рабстве памяти своего доблестного мужа; Макария и Ифигения, жертвующие собой ради великого дела; Электра, преданная сестра. Нигде не найти более длинного каталога благородных женщин, не героинь доисторических времен, живущих в золотом веке, но женщин, которые по характеру и чувствам были похожи на тех, с кем мы встречаемся каждый день в каждом обществе. Сердце Еврипида было отягощено печалью и несчастьями пола; и он боролся с социальной системой, которая была корнем зла, не путем жестоких нападок на нее, не стремясь опрокинуть то, что было продуктом веков и естественным результатом греческой идеи города-государства, а показывая женщинам, как они могут улучшить свое положение, и давая мужчинам более возвышенные представления о природе женщины. Мистер Артур С. Уэй, переводчик и ярый защитник Еврипида, который из всех греческих ученых наиболее глубоко и сочувственно исследовал этот вопрос, говорит следующее:

"Еврипид поставил перед собой задачу обратиться к человеческим сердцам в том виде, в каком он их нашел, возвысить мужскую оценку женщины, избавить женщин от отчаяния по отношению к самим себе, возвысив перед ними вдохновляющие идеалы женственности, которые могли бы стать образцами и примерами на все времена. И, во-первых, он дал им эту трансцендентную четверку - тех, кто в соединении сладости и любящей нежности чистого женского начала с великолепной экзальтацией высочайшего героизма недостижим ни для гомеровских Пенелопы и Андромахи, ни для софокловской Антигоны. Он дал им Алкестиду, свободно отдавшую свою жизнь не столько ради мужа, сколько ради супружеского долга, не дрогнувшую и не оступившуюся, когда ужас великой тьмы поглотил ее, но силой материнской любви устоявшую на ногах, погружающихся в Аид, пока ее предсмертный вздох не сделал будущее ее детей уверенным, а затем в объятиях смерти тихо положившую руку и так ушедшую вниз, слабо и все более слабо шепча слова любви. Он дал им Ифигению, которая, вызванная из укрытия своего дома, как невеста, оказалась без предупреждения перед алтарем смерти, и все же она дрожала и содрогалась, пока ее не осенила вся важность требуемой великой жертвы, а затем поднялась во весь рост и достигла богоподобной решимости; Взявшая в свои чистые руки весы национального правосудия, несущая на своих тонких запястьях судьбу своего отечества и поющая триумфальный пасан Эллады, шагая навстречу смерти. Он дал им Макарию, достигшую немыслимой до того часа высоты самоотверженного героизма, безропотно отдавшую жизнь за спасение благородного дома и чужеземных помощников; отказавшуюся прислушаться к внушениям, нашептывавшим надежду на спасение, но с непоколебимыми глазами отвернувшуюся от всех радостей и всех надежд молодой жизни и проведшую последнее дыхание в утешении и ободрении тех, кто с обожанием и горячими слезами прижимался к ее прощальным ногам. Он дал им Поликсену, самую жалкую фигуру из всех, поддерживаемую не гордым сознанием спасения от страданий, а лишь приветствующую смерть как ангела избавления от позора и долгих сожалений, которая стояла на могильном холме, облаченная в безупречную невинность, со скромными устами, спокойно произносившими во имя чести свою последнюю просьбу, и так отдала свое горло мечу, в то время как свирепые люди, которые еще недавно жаждали ее крови, провозгласили ее благороднейшей из всех дев души.

"Он представил им женщин во всех отношениях жизни, везде превосходящих мужчин в доброте, в постоянстве, в мудрости, в советах. Они наблюдали за ангелом-служителем, который сидел у постели брата и стирал росу агонии с его чела и пену безумия с его губ; они затаили дыхание, когда нежная сердцем жрица оплакивала своему неизвестному брату жестокую судьбу, которая уже тогда влекла ее на грань братоубийства. Они видели жену,

которая прославляла огненную смерть, чтобы воссоединиться со своим убитым господином, и жену, которая посвятила себя спасению или смерти вместе со своим мужем. Они слышали, как одна из матерей отстаивала честь и правоту против холодной государственности; они слушали, как другая умоляла обреченных сыновей помириться. Они с восторгом смотрели на принцессу-рабыню, чья любовь была сильнее смерти и чей высокородный дух бросал вызов вероломному врагу; и на другую, которая, помня о своем муже-герое, не желала неминуемой смерти, чтобы заставить себя или своих детей играть подлую роль, а смешивала гордое презрение к убийце-узурпатору с сожалением об упущенных надеждах. По благородному выражению профессора Махаффи: "Это женщины, которые настолько возвысили идеал пола, что, глядя на них, мир перешел от пренебрежения к вежливости, от вежливости к почитанию; это они, которые через многие века, сначала легкомыслия и чувственности, затем грубости и варварства, объединились с идеалами нашей религии и нашего рыцарства, мученическими святыми, непорочными и святыми девами романтики - и, более того, с истинными женами, преданными матерями наших дней."

"Но есть в его пьесах и женские персонажи, на которых указывают как на доказательство совершенно иного отношения к женщине. Из них Фёдра подверглась наибольшему издевательству со стороны его врагов, которые умышленно закрывали глаза на ее истинный характер. По сюжету пьесы она - беспомощная жертва злобы богини. Ее мозг затуманен лихорадочным безумием, она мучительно ищет ясного зрения и стенает о душевном покое. Это чистая душой, правдивая женщина, которая испытывает стыд и содрогается от ужаса перед тем отвратительным, что в ней родилось. Неминуемая гибель толкает ее на отчаянные меры, чтобы защитить свое имя от незаслуженного позора, который, как она могла предположить, судя по двусмысленно сформулированной угрозе, с которой уходил Ипполит, должен был обрушиться на нее. Он дал ей повод думать, что обвинит ее перед своим отцом в преступлении, в котором она, как она знала, не виновна. В отчаянии она не видела иного выхода, кроме как отвести от него обвинение, столь же ложное."

"Медея и Креуза - даже Клитемнестра и Гермiona - не изображены как нарушительницы без оправдания: в каждом случае зрители слышали, как женщина отстаивала свою правоту и провозглашала доктрину, что женщина имеет такие же права, как и мужчина, что то, за что мужчина мстит как за неоспоримую ошибку, не является легким преступлением против нее. Вполне возможно, что они еще не созрели для восприятия столь неслыханных идей, и многие из них ошиблись в его взглядах; но семя зародилось, чтобы в свое время принести плоды."

"В каждом случае грешница - это женщина, глубоко обиженная, или находящаяся в тяжелом положении, или под влиянием деймониака: здесь нет таких беспричинно злых персонажей, как Гонерилья, леди Макбет или Тамора. Тем не менее никто не называет Шекспира женоненавистником. Почему же враги Еврипида смогли обвинить его в этом - обвинение, которое, несомненно, повторили многие бездумные и глупые люди в его время, но которое не заслуживает доверия современной науки? По трем причинам: во-первых, из-за умышленного или тупого непонимания таких персонажей, как Федра - их изображение Еврипидом было главным основанием, по которому Аристофан утверждал, что тенденция его пьес безнравственна. Во-вторых, время от времени мы сталкиваемся с порицанием недостатков и слабостей женщин - их склонности к скандалам, недоброжелательным суждениям о своих подругах, мелочности, легкомыслию и так далее. Следует также признать, что контекст иногда позволяет сделать вывод, что поэт выражает свои собственные чувства. Действительно, следовало ожидать, что мыслитель, имевший столь высокое представление о том, какими могут быть женщины, должен быть болезненно

впечатлен контрастом, который представляет собой то, чем они слишком часто являются. Не стоит удивляться и тому, что он воспользовался возможностью донести до них то же самое чувство. Недостаточно ставить благородные идеалы перед людьми, которые еще не осознали несовместимость своих нынешних привычек и целей с подражанием этим идеалам. Раны друга верны, и они действительно были верны по сравнению с отвратительными представлениями о женской нравственности, которыми упивался Аристофан, пока его читатели могли представить, что чистые и умеренные женщины были исключением в Афинах его времени. И разве не был он другом женщин, давая ради своих сестер, для которых героические идеалы могли показаться слишком высокими, эту очаровательную модель, "не слишком справедливую и хорошую для повседневной пищи человеческой природы"?

"Красота не завоевывает любовь к женщине у ее спутника жизни:

Многие добротой завоевывают ее; ибо каждая истинносердечная жена,

Влюбленной в мужа своего, секрет Рассудительность открывает.

Вот ее дары: хоть господин ее и некрасив на вид,

Сердцу и глазам ее он будет мил, и ум ее будет здоровым;

("Не по глазам судят о человеке, а по внутреннему чутью"):

Когда бы он ни говорил, ни молчал, Она его чувство похвалит,

И подскажет, когда он речью порадует друга:

Рада она, если случится несчастье, чтобы показать, что чувствует его заботу:

Радость и печаль мужа всегда разделит верная жена:

Да, если ты болен, духом жена будет больна с тобой,

Нести половину всех твоих тягот - ни в чем не виновата она:

Ведь с теми, кого мы любим, наш долг велит нам вкусить чашу блаженства.

Не только чашу блаженства, но и чашу печали - что есть любовь, кроме этого?"

Незаслуженная репутация женоненавистника, которая прикрепилась к Еврипиду, объясняется не его собственными пьесами, а сатирой и шуточными шуточками его соперника, комика Аристофана, который в 411 или 410 году до н. э. создал "*Тесмофорию*", пьесу, так ловко построенную, что, хотя она, казалось бы, защищает женский пол от обвинений Еврипида, на самом деле представляет их в более отвратительном свете. Аристофан представляет мир женщин в смятении и бунте, вызванном постановкой трагедий Еврипида, таких как "*Ипполит*", где женский пол подвергается столь суровому осуждению. Не выдержав его обвинений, женщины созывают собрание в Фесмофории, чтобы спланировать уничтожение своего заклятого врага. Однако Еврипид, услышав о собрании, уговаривает своего тестя, Мнесилоха, переодеться женщиной и попросить разрешения войти, чтобы выступить в защиту трагика. Юмор спора заключается в том, что после того, как несколько женщин обрушились на Еврипида с оскорблениями за клевету на их пол, Мнесилох, одетый в деревенское женское одеяние, красноречиво напоминает им о тех истинах, которые Еврипид мог бы раскрыть, если бы решил это сделать. Один грех за другим легкомысленно и нелепо нагромождаются на женский послужной список, пока несколько

клевет, приписываемых Еврипиду, не покажутся незначительными рядом с горой преступлений и прегрешений, которые предполагаемая матрона нагромождает на своих сестер. Картина, которую Аристофан в своей остроумной сатире представляет женщинам своего времени, крайне отталкивающая. Они представлены как распутные, развратные, глупые, любящие выпить, воровки и лгуны. Ни один другой греческий писатель не наделил их столь низменным характером. Но мы должны помнить, что читаем комедию. "Смысл *"Фесмофорианок"* в отношении женщин заключается в том, что, хотя Аристофан притворяется, будто осуждает Еврипида за его издевательства над ними, его собственная сатира гораздо более искательна и глубже проникает в тайны домашней жизни".

Гротескное искажение Аристофаном характера философа Сократа достаточно хорошо известно; контраст между настроениями, которые он приписывает Еврипиду, и взглядами самого трагического поэта, представленными в его пьесах, очень разителен; поэтому картины, которые он рисует о жизни и нравах женщин, не должны приниматься без важных поправок. Аристофан писал для того, чтобы рассмешить людей, а не для того, чтобы раскрыть домашние тайны, и его пьесы были рассчитаны исключительно на мужскую аудиторию. Поэтому грубость и буффонада, как элементы комического эффекта, постоянно используются, и Аристофан считал, что он остроумно высмеивает женский пол. Безусловно, было бы несправедливо и даже абсурдно считать Аристофана точным описателем женской жизни в Афинах. Однако можно заметить, что, начиная с 411 года до н. э. и далее, в сохранившихся пьесах Аристофана женскому полу уделяется заметное внимание. Женщины, которые до этого играли лишь подчиненную роль в комедии, теперь часто играют главные роли. Комедия, как никакая другая отрасль литературы, отражает современную мысль; и хотя персонажи комедии играют роль, обратную реальности, комическое изобретение имеет дело с реальными движениями, и это намеренное выделение обычно игнорируемого пола может иметь только одно толкование: Женский вопрос стал проблемой, которая глубоко занимала внимание общества того времени.

Попытка проследить в комедиях Аристофана нить общественного движения - трудная задача. Он использовал события и мнения того времени для развлечения и не слишком заботился о серьезных аспектах социальных проблем. Он был ультраконсерватором и хотел вывести новую мысль дня на чистую воду, показав ее смехотворную сторону. Поэтому он использует движение за права женщин, чтобы дать волю своей фантазии и порадовать публику непристойными шутками о пороках и слабостях женщин и ловкими карикатурами на их лидеров. Однако внимательный читатель то тут, то там может заглянуть в более серьезные аспекты вопроса и распознать за искаженными, карикатурными фигурами типы, которые сами по себе не комичны.

Две другие пьесы Аристофана, в которых женщины занимают видное место, - это *"Лисистрата"* и *"Экклезиаст"*. В каждой из них женской компанией руководит предводительница, которая по талантам и напористости намного превосходит своих подруг. У этих двух нет множества мелких слабостей, присущих другим дамам; в их сердце - коллективные интересы своего пола; они знают, как составить план и как его осуществить. Над остальными женщинами, несмотря на их легкомыслие и слабость характера, доминируют сильные личности их самозванных лидеров. Таким образом, изучив управляющий дух каждой пьесы, несмотря на карикатурность обрисовки поэта, мы сможем составить некоторое представление о течениях мысли того времени, как они влияли на женщин.

Лисистрата - жена афинского магистрата, на которую сильно повлиял неудачный исход Пелопоннесской войны. Она долго размышляла над тем, что пришлось пережить женскому

полу в целом за последнее десятилетие войны. Первые десять лет гречанки молча и безропотно переносили в тесном домашнем кругу ошибки своих мужей; но постепенно они заметили, как политика в руках мужчин становится все хуже и хуже и как год от года растет нужда. Они начали задавать вопросы, в мягкой форме находить недостатки, но в результате мужчины отправляли их обратно к домашним обязанностям с грубым ответом: "Война должна быть заботой мужчин". Окончательно побудило женщин к действию осознание того, что мужчины перед лицом событий единодушно признали собственную беспомощность. Поэтому Лисистрата в пьесе Аристофана советует женщинам разорвать свои цепи, взять бразды правления в свои руки и положить конец страшной войне. Она говорит собравшимся женщинам, что на их плечи легло двойное бремя войны. Как матери, они родили сыновей, которых вынуждены были отправить на смерть; как жены, они лишились мужей; даже девы состарились в одиноком блаженстве из-за отсутствия мужчин, доступных в качестве мужей. Такими словами она поднимает дух своих товарищей. Те, в свою очередь, говорят о своих добродетелях, природных дарованиях и любви к родине, которой они так обязаны, и в знак долга перед ней готовы обратить свое внимание на военные дела, ибо, говорят они: "Аттическая женщина - не рабыня, и у нее достаточно мужества, чтобы взять в руки оружие для защиты своей страны: теперь война должна быть заботой женщин".

Эти размышления имеют большое значение для рассмотрения социальной истории того времени, поскольку позволяют понять, как развивался женский пол в тяжелых условиях войны.

В обрисовке Лисистраты поэтом особое значение приобретает сцена, в которой она рассказывает собравшимся афинским и лаконским депутатам об их политических грехах. Она обладает исторической проницательностью. Излагая исторические факты, она напоминает им о том, что лаконцы сделали для афинян, а те - для лаконцев, и пробуждает в них общие общеэллинские интересы, ради которых они должны трудиться сообща, а не ослаблять свою мощь братоубийственной войной. В этом обращении она характеризует себя следующим образом: "Я женщина, это правда, но у меня есть понимание, и сама я не так уж плоха в отношении интеллекта. Часто слыша замечания отца и старших, я не получила дурного воспитания".

Итак, в "*Лисистрате*" мы имеем дело с женщинами того времени, которых образованная и красноречивая женщина ведет за собой в великое патриотическое движение. В пьесе идет постоянная словесная битва между мужчинами и женщинами, объединенными в хор. Женщины захватывают Акрополь и становятся экспертами в военной науке. Их планы удаются, и мужья оказываются в ужасном положении из-за новаторского решения, принятого их женами, чтобы примирить их. В конце концов от воюющих сторон приходят посланники, и под руководством умной Лисистраты заключается мир.

Если из безудержного юмора и серьезной морали драмы попытаться сделать выводы относительно женского вопроса, то они окажутся примерно следующими. В это время некоторые выдающиеся женщины стремились к тому, чтобы природные способности женского пола были более справедливо оценены, и энергичные голоса раздавались против скромного положения женщины в обществе и в государственных делах. Это движение активизировалось во второй половине века из-за ошибок Пелопоннесской войны, но усилия женщин по отстаиванию своих прав наталкивались на яростное сопротивление консервативной партии. *Лисистрата*, обладающая даром речи и широтой понимания, олицетворяет собой некоторых исторических женщин, принимавших заметное участие в этом движении, и, вероятно, это были аристократические дамы, находившиеся под влиянием Аспазии.

Уникальное значение "*Лисистраты*" заключается в том, что в ней изображены лидеры движения за права женщин и предложены амбициозные проекты, которые они были готовы осуществить. *Ecclesiazusæ*, как и "*Лисистрата*", - это картина возвышения женщины, но она идет дальше, сатирически описывая некоторые схемы, которые в повседневном общении и в работах философов представлялись для улучшения условий жизни общества и повышения статуса женщины. Успех такой пьесы предполагает, что сознание зрителей было подготовлено к ней неформальным обсуждением подобных вопросов в повседневной жизни. Афинские дамы в *Экдесиасте* под предводительством Праксагоры, наделенной теми же дарами, что и Лисистрата, и фактически являющейся копией этой умной женщины, переодеваются в мужскую одежду и заполняют общественное собрание; с помощью большинства голосов, полученных таким обманным путем, они свергают власть мужчин и провозглашают верховенство женщин в государстве. Праксагора, главная агитаторша, выбирается *стратегом*, и она сразу же провозглашает основополагающими принципами нового государства общность имущества и свободную торговлю между полами - идеи, которые занимали видное место в идеальной *Республике* Платона и были ранее выдвинуты Протагором. "Суть сатиры заключается в том, что аргументы, с помощью которых женщины одерживают верх, опираются на их заклятый консерватизм; мужчины меняются и меняются, женщины сохраняют свои старые обычаи и поддерживают *этос* государства; но не успевают они получить власть, как показывают себя более демократичными, чем демагоги, более новомодными в своих политических представлениях, чем философы. Они разрушают проверенные временем институты и создают новые в соответствии со своими капризами, выстраивая законы в соответствии с логикой женского инстинкта. Конечно, рассуждения, подобные платоновским, сатирически высмеиваются в фарсовых сценах, иллюстрирующих последствия этой женской революции. Но, пожалуй, самое прекрасное в комедии - это гармоничное понимание работы женского разума, ясное ощущение того, в каком перевернутом мире нам придется жить, если женщины станут законодателями и правителями".

Таким образом, мы вкратце обрисовали признаки распространенности женского вопроса в Афинах, представленные в пьесах Аристофана. Кроме того, этот писатель дает нам множество смехотворных образов женщин в частной жизни, которые свидетельствуют о том, что представительницы прекрасного пола не всегда были так слабы, как хотелось бы мужчинам. Хор "*Фесмофорианок*" возмущается тем, что о женском роде говорят много плохого: "Мы - абсолютное зло для мужчин, от нас исходят все беды, раздоры, ссоры, смуты, болезненное горе и войны. Если мы зло, то почему же вы женитесь на нас, если мы действительно зло, и запрещаете кому-либо из нас выходить или подглядывать за нами, но хотите охранять зло с таким усердием? А если жена уйдет куда-нибудь, а ты обнаружишь ее за дверью, то бушуешь от бешенства, а должен возносить возлияния и радоваться, если действительно обнаружишь, что злая вещь ушла из дома, и не найдешь ее дома. А если мы спим в чужих домах, то, когда играем и когда устаем, все ищут это зло, обходя постели. И если мы выглядим из окна, то все ищут, как бы увидеть это зло. А если мы, устыдившись, снова уходим, то тем более все желают увидеть, как зло снова выглядывает. Так что, очевидно, мы гораздо лучше вас". В изображении Аристофана женщины его времени явно знали, как отстаивать свое равенство. Женские слабости и недостатки не ускользают от его сатирического пера. Женщины слишком любят наряжаться, и от них не дождешься ни блестящих, ни благоразумных поступков,

"Кто сидит, убранный цветами, в одеяньях

Шафранового оттенка и богато украшенные

В свободных киммерийских жилетах и круговых сандалиях".

Кроме того, они любят выпить, и этот порок безжалостно сатиризуется. Непреложная клятва, которую Лисистрата дает своим товарищам, вступая в крестовый поход за мир, - это клятва, которую не нарушит ни одна афинянка: "Если я нарушу свое обещание, пусть чаша наполнится водой!".

Иногда мужчина обнаруживал, что женился на жене, которая отбросила его супружескую власть и стала править домом. Так, Стрепсиад, деревенский дворянин из *"Облаков"* Аристофана, поссорился со своей роскошной, городской женой из аристократического дома Мегакла по поводу наречения их сына, что было правом отца, и, как женщина, она добилась своего; и этот сын, воспитанный ею, презрел деревенский уклад отца и растратил его состояние на скачки.

Аристофан был не единственным поэтом-комиком, который предавался издевательствам над женским полом, ведь цель комедии - развлекать, а афинская мужская аудитория всегда находила удовольствие в изображении слабостей и недостатков противоположного пола. Даже его предшественник Сусарион, который первым сочинил комедию в стихах и которого обычно называют изобретателем комедии, дал выражение нынешнему злоупотреблению: "Слушайте, о люди! Это говорит Сусарион, сын Филина, мегарянина из Триподиска: женщины - зло; и все же, мои соотечественники, нельзя устроить дом без зла, ибо быть женатым или не быть женатым - одинаково плохо". К сожалению, для нашей цели так мало сохранилось бесчисленных пьес Средней и Новой комедии, особенно последней, так как эта комедия нравов представляла близкую и верную картину домашней жизни и была бы почти неисчерпаемым источником информации о жизни Атики в целом, полной иллюстраций нравов, чувств, предрассудков и образа мыслей древних греков.

Однако сохранившихся фрагментов достаточно, чтобы дать нам представление о том, как относились к женщине на сцене; и, несмотря на жесткую критику, отрадно отметить, что иногда признавались и ее хорошие качества. Поэт Антифан сказал:

"Что! Когда ты будешь скрывать, ты расскажешь

Об этом женщине? С таким же успехом

Скажи всем глашатаям на площадях, что я

Трудно сказать, кто из них громче кричит".

"Великий Зевс, - говорит другой поэт, - да погибну я, если когда-либо говорил против женщины, самого драгоценного из всех приобретений. Ведь если Медея была достойна порицания, то Пенелопа, несомненно, была прекрасным созданием. Разве кто-нибудь злоупотребляет Клитемнестрой? Я против восхитительной Алкестиды. Но, может быть, кто-то злоупотребляет Федрой; тогда я говорю: "Клянусь Зевсом! какой замечательный человек был....". О, Боже! Каталог хороших женщин уже исчерпан, а остается еще толпа плохих, которых можно было бы упомянуть". "Женщина - необходимое и неизбежное зло", - говорит Филемон; а в другом фрагменте:

"Долг хорошей жены, Никострат,

Не повелевать, а повиноваться супругу;

Наиболее озорна та жена, которая управляет своим мужем".

Менандра, величайшего представителя Новой комедии, сравнивали с зеркалом, настолько ясными были представленные им образы человеческой жизни. Его эпиграмматические изречения пользуются заслуженной славой, и многие из них относятся к женщине. "Манера, а не деньги, делает женщину очаровательной", - говорит он в одном отрывке; а в другом:

"Когда ты видишь прекрасную женщину, не удивляйся;

Великая красота часто связана с бесчисленными недостатками".

"Where women are, there every ill is found", - еще одно пренебрежительное высказывание, как и повторение частых издевательств над браком:

"Брак, если говорить правду (в этом можно быть уверенным),

Зло, но мы должны терпеть".

Однако поэт ценил в женщине и хорошие качества, как видно из сентенции: "Хорошая женщина - рулевой своего дома"; с этим можно сравнить слова другого поэта:

"Сочувствующая жена - главное сокровище мужчины".

А иногда Менандр отмечает, что даже женщина с серьезными недостатками может оказаться величайшим благословением:

"Как тягостна жена расточительная;

Не так, как хотел бы жить тот, кто ее погубил.

Но есть у нее и хорошее: она рождает ему детей;

Она присматривает за его постелью, если он болен,

С нежной заботой; она всегда рядом с ним.

Когда судьба хмурится; и если ему суждено умереть,

Последние печальные обряды с честью она отдает".

Безусловно, это трогательный портрет нежного служения женщины, достойный сравнения со знаменитыми строками Скотта! Несмотря на многочисленные жалобы на женщину, пьесы Новой комедии обычно заканчивались счастливым браком: дикий юноша влюбляется в девушку без гроша в кармане, исправляется, обнаруживает, что она хорошо рождена, и побеждает разгневанного родителя; затем следуют радостные свадебные торжества и счастье на всю жизнь. Таков обычный ход сюжета. Сатирические размышления о женщине, особенно в поэзии, не стоит воспринимать слишком серьезно; а когда романтическая любовь становится темой для песен, мы можем быть уверены, что женщина, хотя и подвергается жестокому обращению, все же нежна и высоко ценится среди мужчин.

Общественное движение за эмансипацию женщины, занимавшее внимание мыслящих мужчин и женщин Афин во второй половине пятого века до Рождества Христова, начатое Аспазией в ее салоне, обсуждавшееся Сократом и сократиками, особенно Эсхином, и вызвавшее королевскую битву между драматургами Еврипидом и Аристофаном, естественно, требовало научной обработки со стороны философов. В трудах Платона, Аристотеля и Ксенофонта, соответственно, много места уделено рассмотрению женского

вопроса. Женский пол, до сих пор "привыкший жить трусливо и в неизвестности", по выражению Платона, справедливо требовал более благоприятных условий; а философы, стремившиеся к улучшению социального положения, утверждали, что женщина заслуживает должного признания со стороны мужчин.

Платон серьезно воспринял уроки Пелопоннесской войны. Он остро ощущал пороки существовавшей тогда демократии и признавал необходимость государственных и социальных реформ. Он чувствовал, что в пренебрежении женщинами была упущена по меньшей мере половина гражданского населения, и в его работах мы находим самое решительное утверждение равенства полов.

"И вот, - говорит он в одном из своих диалогов, - в управлении государством ни женщина как женщина, ни мужчина как мужчина не имеют никакой особой функции, но природные дары одинаково распространены среди обоих полов; все занятия мужчин являются также и занятиями женщин, и во всем этом женщина - лишь меньший мужчина". "Очень верно". "Так неужели мы должны навязывать все наши постановления мужчинам и ни одного - женщинам?" "Так не пойдет". "Одна женщина обладает даром исцеления, другая - нет; одна - музыкант, другая - нет". "Очень верно". "Одна женщина склонна к гимнастике и военным упражнениям, а другая не любит войны и ненавидит гимнастику". "Бесспорно". "И одна женщина - философ, а другая - враг философии; у одной есть дух, а другая без духа". "Это тоже верно".

Исходя из этих предпосылок, признавая разнообразие дарований у женщин и соответствие их талантов мужским, хотя и в меньшей степени, Платон утверждает, что женщины должны получать подготовку, аналогичную той, что дается мужчинам; им следует давать то же образование и возлагать на них те же обязанности, хотя более легкие задачи должны выпадать на их долю как менее сильных физически.

"Образование должно быть обязательным, - говорит Платон в своих "Законах", - как для женщин, так и для мужчин; они должны проходить одни и те же упражнения". Я утверждаю, не боясь возразить, что гимнастические упражнения и верховая езда одинаково подходят как для женщин, так и для мужчин. Далее я утверждаю, что нет ничего более абсурдного, чем преобладающая в нашей стране практика, когда мужчины и женщины не занимаются одними и теми же занятиями со всей силой и единым разумом, ибо таким образом государство, вместо того чтобы быть целым, сокращается до половины".

Взгляды Платона, изложенные в его *"Республике"*, которые вызвали наиболее враждебную критику, - это его теория общности женщин и имущества. Но это вытекало из основополагающего тезиса его теории управления: государство должно быть развито в совершенное единство. Семья как частное владение нарушает это единство, и поэтому от нее следует отказаться.

Однако эта теория оказалась слишком экстремальной даже для самого Платона, и в "Законах" он возвращается к идее брака, но следует спартанской системе, ставя брак под постоянный контроль законодательства. Он хочет, чтобы каждый человек заключал тот брак, который наиболее выгоден государству, а не тот, который наиболее приятен ему самому. Он настаивает на том, чтобы люди противоположных темпераментов и разных жизненных положений вступали в брак - сильные со слабыми, богатые с бедными, - "понимая, что города должны быть хорошо перемешаны, как чаша, в которой безумное вино горячо и огненно, но, будучи наказано более трезвым богом, получает справедливого соратника и становится прекрасным и умеренным напитком". Такими аргументами он пытается убедить людей в том,

что уравновешенность нравов их детей имеет большее значение, чем равенство при вступлении в брак.

Философ, похоже, не видит ни юмора в своем предложении соединить противоположные натуры, ни боли, которую он причинит наиболее заинтересованным сторонам. Для него интересы государства превыше всего, и ему должно подчиняться все.

Однако даже среди таких крайних доктрин мы находим мудрые советы, вдохновленные более практичным и гуманным духом. Платон находит недостаток в господствующем обычае не давать молодым людям возможности познакомиться друг с другом до брака; он признает, что, исходя из прекрасного влияния деятельности жены в доме, она могла бы внести большой вклад в благосостояние государства, если бы была выведена из уединения и тесно связана с жизнью своего мужа.

Движение за права женщин достигло своей высшей точки в трудах Платона. В дальнейшем происходило постепенное снижение представлений о возможностях женщины и уменьшение требований ее эмансипации.

Аристотель менее щедр, чем Платон, в своих уступках женщине. "Мужчина по природе своей выше, а женщина ниже; один правит, другой управляется; этот принцип необходимости распространяется на все человечество". Таким образом, он утверждает неполноценность женщины по отношению к мужчине и настаивает на ее молчаливом и пассивном повиновении. Различие функций и обязанностей он основывает на различии природы. "Сдержанность и мужество мужчины иные, чем у женщины. Ибо мужчина, мужественный лишь настолько, насколько мужественна женщина, будет казаться робким, а женщина будет казаться дерзкой, если она обладает лишь сдержанностью и скромностью честного человека". Таким образом, в семье обязанности женщины отличаются от обязанностей мужчины: его - приобретать, ее - сохранять". Однако каждая женщина играет свою роль в государстве и должна быть к ней готова. "В женщинах телесные качества - это красота и рост; душевные - воздержанность и любовь к труду, без подлости. Человек и государство должны желать каждого из этих качеств как в мужчинах, так и в женщинах". Однако, утверждая женскую неполноценность, Аристотель признает святость брака и семьи и проповедует мужчинам верность, уважение и признательность в их отношении к женщине. В своей "*Этике*" он с деликатностью останавливается на том, что муж и жена должны относиться друг к другу с любовью. Они должны терпеть и поддерживать друг друга во всех событиях жизни. И хотя он настаивает на ограниченности женского интеллекта и способностей к рассуждению, он все же признает ее превосходство над мужчиной в сердечных качествах; и когда он хочет привести пример бескорыстной и идеальной привязанности, именно женщина служит ему образцом. В целом Аристотель рисует более приятную картину характера и положения женщины, чем Платон, несмотря на большее равенство, предоставляемое последним. Философия Платона была в первую очередь плодом воображения, а Аристотеля - опыта; Платон был в основном теоретиком, а Аристотель - практиком. Поэтому учение Стагирита, несомненно, было основано на примерах супружеского единства и счастья, которые он видел вокруг себя, и он распространил на афинский народ в целом взгляды на супружеские отношения, которые преобладали в его собственном кругу.

Трактат Ксенофонта "*О домашней экономике*", вероятно, был задуман как вклад в текущее обсуждение женского вопроса; в нем он пытался доказать ошибочность взглядов Платона и Аристотеля, которые выступали за большую свободу для женщины и в то же время пытались реформировать существующие условия, не меняя их существенно. В "*Воспоминаниях о*

Сократе" он излагает, как и взгляды этого философа, мнение о высокой ценности пола, но только в чисто бытовых отношениях. Сократ настаивает на почитании и послушании матери, которая наблюдает за своими детьми с нежной привязанностью и неустанной заботой; которая, когда они способны получать образование, старается внедрить в их умы знания, которые наилучшим образом будут способствовать их будущему благополучию. "Для человека, который не уважает родителей, - добавляет он, - назначаются общественные наказания; законы больше не защищают его, и ему не разрешается принимать участие в управлении; поскольку они считают, что жертва, принесенная рукой столь нечестивого человека, не может быть угодна богам или полезна для человека". Эти и другие отрывки показывают, что Сократ Ксенофонта питал очень тонкие чувства к домашней жизни. Он видел в женщине прилежную мать и трудолюбивую домоправительницу, следящую за своим домом и его ведением. Он оставляет ее в уединении, занятую своими тихими домашними обязанностями, но в то же время признает очарование и полезность ее присутствия в доме. Ее бережливость, бдительность и забота имеют неоценимое значение для мужа. Он рассматривает брак как союз, в котором муж и жена имеют каждый свои обязанности, а также власть. Его взгляды контрастируют со взглядами его времени, когда на одной стороне были все права, а на другой - только долг и подчинение.

Бытовая экономика Ксенофонта - это всего лишь изложение и иллюстрация взглядов, которые автор приписывает Сократу. Самой примечательной чертой в системе воспитания женщин Ксенофонта является полное отсутствие какой-либо интеллектуальной дисциплины. Очевидно, что он не верил в умственное равенство полов. Его система образования была чисто производственной, призванной лишь подготовить женщину к выполнению домашних обязанностей.

Не исключено, что в этом труде воплотилась та точка зрения, которая устраивала большинство афинской публики в отношении устремлений женщин. Таким образом, после более чем полувекового обсуждения агитация за эмансипацию женщины, похоже, не привела ни к каким заметным изменениям в ее социальной жизни, а свелась лишь к просьбе о лучшем оснащении ее домашних обязанностей. И все же даже это было чем-то достигнутым; если бы все афинские мужья так же добросовестно, как Исхомах, готовили своих жен к домашним обязанностям и давали им общение, которое предполагает такое образование, то социальное положение женщины должно было заметно улучшиться.

Возможно, предоставление женщине большей свободы действий было невозможно, пока сохранялась античная концепция города-государства. Гармоничное развитие женщины всегда идет в ногу с ее свободой, а интеллектуальные возможности пола ограничены только предоставленными возможностями. Мужчины, ответственные за эту систему, могли обрушивать свои сатиры на некультурных женщин, заточенных в своих квартирах и домашних заботах; но всякий раз, когда этим женщинам предоставлялась хоть малейшая свобода действий, они оказывались полностью равными мужчинам по интеллектуальным способностям, а греческая женщина всегда превосходила своих братьев в нравственной возвышенности и бескорыстии. Корнем зла была система правления. Вскоре Филипп и Александр своими легионами положили конец исключительности города-государства, и греческой женщине эллинистического периода суждено было наслаждаться большей свободой и большим влиянием.

ГРЕЧЕСКАЯ ЖЕНЩИНА В РЕЛИГИИ

Более духовная по своей природе, более склонная к мистицизму, обладающая более острой интуицией, женщина всегда играла более заметную роль в религиозных вопросах, чем мужчина. Поэтому даже в такой стране, как Эллада, где женщина была исключена из многих сфер человеческой деятельности, мы видим, что в вопросах религии она имела равную свободу с мужчиной и намного превосходила его в набожности и религиозном рвении. Греки, несмотря на то, что они руководствовались только светом природы, по сути своей были духовным народом. Они видели руку Невидимого повсюду, проявляющуюся в природных явлениях: они признавали божества в плодородии почвы, в звездах на небе, в кристальных водах источника, в дожде и грозовой туче, в ветрах леса. Они даже олицетворяли абстракции, обожествляли эмоции и добродетели. Они не довольствовались лишь внутренним благочестием, но старались всячески поклоняться божествам, которые были творениями их собственных мифотворческих способностей; и во всех религиозных церемониях греков женщина играла важную роль.

Все греческие народы гордились тем, что они одной крови, одного языка и одной религии. Хотя они были сильно разделены политически и вели между собой бесконечные войны, главной связью, известной им, был общий культ какого-либо божества и участие в одних и тех же религиозных праздниках. Оракулы, храмы, игры, шествия в честь своих богов поддерживали единство Греции и способствовали развитию национальных чувств. Участие женщины в этих узах союза делало ее влиятельной на благосостояние общей страны, а религиозные церемонии были для нее поводом почувствовать себя неотъемлемым фактором греческой жизни.

В детстве мужчина, который приходил к выводам путем долгих рассуждений, благоговел перед интуитивной способностью женщины, которая позволяла ей прийти к истине без видимых усилий. Поэтому считалось, что дух прорицания присущ этому полу, и женщины с давних времен были пророчицами. Среди языческих народов самые ранние проявления пророческого инстинкта в женщине были признаны в лице некоторых провидиц, которым было дано название сивиллы. Это слово в своей этимологии означает "воля бога" и применялось к вдохновенным пророчицам какого-либо божества, главным образом Аполлона. Сивиллы обычно представлялись как девы, обитавшие в одиноких пещерах или у священных источников, которые были одержимы духом прорицания и произносили пророческие речи под влиянием восторженного безумия. Их число, имена, страны, время - это вопросы, о которых мы не имеем достоверных сведений; но двенадцать из них упоминаются древними писателями, из которых три, несомненно, были греческими - Дельфийская, Эритрейская и Самианская. Эритрейская сивилла Герофила была самой знаменитой из них, и ее представляют странствующей из ее ионийского дома в Кумæ, в Магна-Греции, откуда она стала известна как Кумæйская сивилла. Именно с ней советовался Эней перед спуском в Аид, и именно она продала последнему Тарквину пророческие книги. Считалось, что ее возраст достигал тысячи лет.

Женщины также были жрицами оракулов в Элладе - мест поклонения определенным божествам, где пророчества передавались пытливым душам через посредство служительниц божества. Самым древним и почитаемым из оракулов был оракул Зевса в Додоне, о котором упоминает Гомер. Здесь, среди пророческих дубов, жрицы читали будущее по шелесту листьев и скрипу ветвей, по журчанию источника и звукам, издаваемым медными кимвалами, подвешенными у святилища. Геродот посетил этот оракул и назвал

имена трех жриц, которые служили в его время. Эти жрицы - Промения, Тимарет и Никандра - рассказали ему очень интересную историю о происхождении оракула. Они проследили его священные легенды до поклонения в знаменитом храме Фив в Египте. По их словам, однажды из города Фивы вылетели два голубя и улетели в дальние страны. Одна приземлилась в Ливии, на том месте, где впоследствии был установлен оракул Юпитера Аммона, а другая, переплыв море, долетела до Додоны, где, усевшись на дубе, человеческим голосом повелела тем, кто ее услышал, установить там оракул Зевса. По этой причине жрицы были известны как Пелиады, или голуби. Однако когда Геродот расспросил фиванских жрецов об этой традиции, они рассказали другую историю: мол, две жрицы их храма когда-то были вывезены из Египта финикийцами и проданы в рабство, а одна из них в конце концов обосновалась в Додоне. Таким образом, будь то голубь или жрица, традиция о египетском происхождении оракула была подтверждена.

Однако Аполлон, а не Зевс, был богом пророчества, и именно в связи с его святилищами обычно произносились оракулы. Обычно местами присутствия божества считались фонтаны, вода которых должна была влиять на работу разума, или пещеры, из которых выходил газ, вызывающий бред или галлюцинации. Поэтому в самой Греции и в Малой Азии существовало множество оракулов Аполлона. Самым знаменитым из них был оракул дидимейского Аполлона в Бранхиде, близ Милета, где жрица произносила пророчества, сидя на диске в форме колеса, после того как омывала подол своего одеяния и ноги в священном источнике и вдыхала исходящие от него испарения.

Самый знаменитый из всех оракулов древней Эллады находился в Дельфах, которые, подобно огромному амфитеатру, расположены над прекрасной равниной Цирра в Фокисе, на фоне которой возвышаются двойные вершины Парнаса. Дельфы стали центром эллинской религии, а слава об их оракуле дошла до Лидии на востоке и до Рима и этрусков на западе. Сначала роль жрицы Аполлона, дававшей ответы, исполняла юная дева; но власти, понимая опасность, к которой могла привести красота жрицы, впоследствии выбрали для этой чести женщину не моложе пятидесяти лет, и, наконец, поскольку одной пророчицы было недостаточно, чтобы ответить на вопросы огромной толпы паломников, собиравшихся к оракулу, выбрали трех. Имя, которое давали вдохновленной жрице, всегда было одним и тем же - Пифия.

Чтобы подготовить жрицу к испытанию, которое должно было огласить волю бога, ее несколько дней держали в посте - состояние, благоприятное для галлюцинаций, а затем давали пожевать лавровые листья из-за их наркотической силы. Затем Пифию усаживали на треножник, установленный в центре святилища, над отверстием в земле, через которое выходили сероводородные испарения. Ее голову венчала гирлянда из дерева Аполлона, а вокруг треножника обвивалась змея, эмблема искусства гадания. Выдохи из бездны считались дыханием бога, которым он вдохновлял свою жрицу. Вскоре она побледнела и задрожала от судорожных движений; сначала она издавала только стоны и вздохи, а теперь, с горящими глазами, с растрепанными волосами и пеной на губах, среди криков страдания она произнесла несколько бессвязных, отрывистых слов. Наконец-то бог заговорил через свою жрицу. Слова были тщательно записаны сопровождающим жрецом, который придал ответу ритмическую форму, и таким образом тревожному вопрошателю стало известно откровение о будущем.

К пифии обращались все народы Греции, а также цари и чужеземцы из других стран. По ее приказу были отправлены колонии в Италию, в Африку, в районы вокруг Черного моря; она утверждала законы; она научила Ликурга, что лучшие законы - это те, которые обязывают правителей хорошо править, а подданных - хорошо повиноваться. Покоренным она

советовала смириться и надеяться. Народам, жаждущим завоеваний, она советовала возродить благочестие по отношению к богам и искать милости небес, проявляя милосердие. Она также стояла на страже индивидуальной морали. Царю, желающему душевного покоя, она объявляла, что его несчастье связано с его проступками и проступками его предшественников, и рекомендовала проявить милосердие, когда он вернется домой. Его спросили: "Кто самый счастливый из людей?", она ответила: "Фэдрус, который умер за свою страну". Один человек по имени Глаук хотел утаить доверенное ему сокровище, но решил сначала получить разрешение оракула; пифия открыла ему, какие беды уготованы лжецам. Жребию Гигеса, богатого и могущественного царя, она предпочла участь бедного аркадского крестьянина, который в спокойствии возделывал свой участок земли. Чистыми и возвышенными нравоучениями пифия наставляла группы паломников, собиравшихся в Дельфах. Такова была власть в руках женщины. Хрупкая и нервная, она, тем не менее, представляла религиозный институт, самый влиятельный в языческом мире; она во многом определяла судьбы как греков, так и варваров. В наши дни мудрость этого прорицательного центра обычно приписывают коллегии жрецов, собранных в Дельфах, которые толковали ответы Пифии; но какова бы ни была природа механизма, с помощью которого этот оракул сохранял свое влияние на протяжении веков, люди в целом верили, что ответы исходят непосредственно от бога пророчества через его вдохновенную жрицу. Несомненно, греки, а также индусы, галлы и германцы приписывали женщине дар второго зрения; а непорочная жизнь, которую должна была вести пифия, свидетельствует о том, что для получения вдохновения от бога света требовались чистота сердца и благочестие духа, которые можно было найти только в женщине. Как ни странно, по закону ни одна женщина не могла обратиться к этому оракулу Аполлона, чья божественная воля открывалась через женщину; женщины, однако, могли косвенно получить ответ при посредничестве мужчины.

Греки любили пышность и великолепие религиозных праздников. Они отмечали такие праздники при каждом удобном случае, и на время их проведения прекращались все обычные занятия. Платон видел в преобладающем обычае и другие преимущества, помимо чисто религиозного эффекта. "Боги, - говорит он, - тронутые состраданием к человеческому роду, который природа обрекает на труд, предусмотрели промежутки отдыха в регулярной череде праздников, учрежденных в их честь". Эти праздники были не только элементом национальной религии; они были школой патриотизма, поэзии и искусства. В каждом городе были свои особые праздники, а также общенациональные торжества, в которых участвовал весь народ. Зевс был национальным божеством греков; Олимпия была его самым священным местом, а Олимпийский фестиваль - величайшим событием в Греции.

В районе Элиды, на западной стороне Пелопоннеса, река Алфей, после того как она с лихостью и брызгами срывается с гор Аркадии, сбавляет скорость и причудливыми изгибами и извилами течет на запад по долине. Вскоре она встречается с тихими водами Кладеуса, идущего с севера. Между ними, недалеко от места их слияния, лежат лесистые склоны горы Кронион. В треугольном пространстве, образованном реками и горой, находится священная роща, известная как Алтис, освященный участок олимпийского Зевса. Здесь находился его храм, а неподалеку от него - святилище его супруги Геры; а сразу за священным участком располагался ипподром, где проходили Олимпийские игры, прославившие Олимпию на весь мир. Это был национальный центр Греции, куда съезжались граждане со всех концов греческого мира, чтобы принять участие в дружеских состязаниях в физической доблести, поэзии и песнях. Место было действительно красивым. На север и запад простирались горные вершины Ахейи и высокие плоскогорья Аркадии, на юг - изрезанная горная цепь Мессены, на запад - Ионическое море. Хорошо орошаемая долина, ограниченная волнистыми холмами, была покрыта пышной растительностью. Сосновые леса горы

Кронион, густые рощи платанов внутри и вокруг священного участка, виноградная лоза, олива и мирт в долине, тихие воды священных ручьев - все это составляло пейзаж неопишуемой красоты, прославленный в древние времена и восхищающий современных путешественников.

Праздник в честь олимпийского Зевса повторялся раз в четыре года, в полнолуние, следующее за летним солнцестоянием. Священные глашатаи разносили по всем уголкам греческого мира официальное сообщение о празднике, и объявлялось священное перемирие на достаточный срок, чтобы все желающие могли посетить собрание и вернуться домой. По мере приближения великого дня мужчины и юноши, матроны и девы отправлялись на праздник, чтобы принять в нем участие или стать свидетелями различных событий. Города отправляли священные посольства, или *теоры* (*theoriae*), сверкающие пурпуром и золотом, с подношениями богу. Художники и поэты, купцы и промышленники находили в этом собрании греков большой рынок, где они могли заявить о своих талантах или товарах и получить выгодные заказы, первые - на статуи или оды, вторые - на продажу своих товаров. Палатки стояли рядами на равнине, и повсюду были сцены оживленного движения или светских развлечений.

Мы не рассматриваем здесь ни различные упражнения, составлявшие праздник, ни игры, которые проводились на стадионе, ни гонки на лошадях и колесницах на ипподроме, за исключением тех случаев, когда в них участвовали женщины, а их участие было незначительным. На играх присутствовала жрица Деметры, восседавшая на алтаре из белого мрамора напротив судейских мест, но она была единственной женщиной, которой была предоставлена эта привилегия. Пока их близкие сражались на стадионе, матери, жены и сестры должны были оставаться на южном берегу Алфея. Известен лишь один случай, когда это правило было нарушено. "Феникс, дочь знаменитого родосского борца, чья семья хвасталась тем, что происходит от Геракла, не могла оставить своего сына во время состязаний и, переодевшись мужчиной и выдавая себя за учителя гимнастики, смешалась с группами гимнастов. Однако когда ее сын был провозглашен победителем, чувства увлекли ее, и, забыв о благоразумии, она бросилась обнимать ребенка. В спешке ее одежда пришла в беспорядок, и ее пол был открыт. Закон был недвусмысленным: каждая женщина, обнаруженная на территории священного участка, приговаривалась к смерти. Тем не менее судьи оправдали ее в знак признания славы, которую снискала ее семья; но, чтобы предотвратить повторение этого случая, мастера, а также их ученики должны были впредь представлять обнаженными".

Женщины, однако, могли управлять своими лошадьми на ипподроме и таким образом выигрывать приз, как это сделала Киниска, дочь Архидамна, царя Спарты, которая была первой женщиной, разводившей лошадей и одержавшей победу на колеснице в Олимпии. После нее олимпийские победы одерживали и другие женщины, в основном спартанки, но ни одна из них не добилась такой славы, как Киниска. Народ так почитал ее, что после смерти ей воздвигли святилище; в Спарте также воздвигли статую девы Эврилеон, которая одержала олимпийскую победу на двуконной колеснице.

Хотя женщины и не участвовали в играх на великом празднике Зевса, в Олимпии все же были игры, в которых принимали участие женщины. Они были характерны для праздника Геры, чей храм также находился в Альтисе. На этом празднике шестнадцать женщин, должным образом назначенных, ткали одеяние для богини и проводили игры под названием "Герэа", в которых участвовали девы Элиды и близлежащих районов. Павсаний так описывает это зрелище: "Игры состоят из состязаний между девственницами. Девственницы не все одинакового возраста, но самые молодые бегут первыми, следующие по возрасту -

следующими, а самые старшие - последними. Они бегут так: их волосы свисают вниз, они носят рубашку, достигающую чуть выше колена, правое плечо обнажено до груди. Дистанция, отведенная им для состязания, - олимпийский стадион, но она сокращена примерно на одну шестую часть стадиона. Победители получают короны из оливок и долю коровы, которую приносят в жертву Гере; кроме того, им разрешается посвящать себе статуи, на которых выгравированы их имена".

От рассмотрения роли женщины в религиозных церемониях в национальных центрах Греции - Дельфах и Олимпии - мы должны перейти к Афинам, с праздничным календарем которых мы знакомы гораздо лучше. Афиняне, по справедливому замечанию апостола Павла, были очень религиозны. Во всех частях города стояли храмы и статуи; по словам одного писателя, там легче было найти бога, чем человека. Более восьмидесяти дней в году отводилось на религиозные празднества. Паллас Афина, дочь Зевса, была богиней-покровительницей Афин, а Акрополь - ее священным участком; но даже на Акрополе поклонялись другим божествам, а по всему городу находились святилища множества богов и богинь.

С древнейших времен женщины были тесно связаны с поклонением Афине. Варро сохранил предание, в котором говорится, что именно женские голоса определили выбор Афины вместо Посейдона в качестве божества-покровителя Афин. Изначально женщины участвовали в общественных советах вместе с мужчинами и имели в них право голоса, и когда встал важный вопрос о соперничестве двух божеств, они большинством голосов перевесили мужчин в пользу богини. Посейдон разгневался и затопил землю Аттики. Чтобы умиротворить бога, граждане лишили женщин права голоса и запретили им в будущем передавать свое имя детям и называться афинянами. Но хотя их политические права были таким образом грубо ущемлены, а сами они были низведены до уровня невежества и безвестности, они сохранили свою роль в отправлении религиозных обрядов, особенно в поклонении своей богине-покровительнице. Мало что известно о различных жрицах Афины, которые занимали столь видное место в афинском искусстве и руководили храмами богини на Акрополе. Это была важная должность, которую всегда занимала женщина, обладавшая большой мудростью, высокими моральными качествами и зрелым возрастом. Под ее началом находились девы города, которых время от времени выбирали из самых знатных семей для участия в праздниках богини. Павсаний дает нам представление об обязанностях некоторых из этих девиц, и нам хотелось бы, чтобы он прояснил тайну, окружавшую их должность. "Две девы, - говорит он, - живут неподалеку от храма Полиаса; афиняне называют их Аррефорами. На время они поселяются у богини, но когда наступает праздник, они ночью совершают следующую церемонию. Они надевают на голову вещи, которые жрица Афины дает им нести, но что именно она дает, не знают ни та, что дает, ни те, что несут. В городе, недалеко от святилища Афродиты, есть загон, называемый "Афродита в садах", и через него проходит естественный подземный спуск. По нему спускаются девы. Внизу они оставляют свою ношу, а получив что-то еще, завернутое в ткань, приносят это обратно. Этих дев отпускают, а вместо них на Акрополь приводят других". Другие девы некоторое время жили на Акрополе, занимаясь плетением пеплуса шафранового цвета, который должен был быть преподнесен богине на Великом Панафинее - самом ярком празднике афинян. Это была высшая честь, которой могли удостоиться афинские девы, и, занимаясь этой работой, они разделяли почтение, оказываемое богине. Они жили вместе с великой жрицей и находились под ее непосредственным руководством, когда появлялись на публике; они были одеты в белые туники и золотые плащи, и их повсеместно признавали как почитательниц Афины. Высказывались предположения, что таинственные свертки, которые Аррефоры несли с Акрополя, содержали остатки шерсти, из которой был изготовлен пеплус предыдущего года, и что они принесли с собой материал, предназначенный для будущего пеплуса; но

положительных доказательств этому нет. Однако несомненно, что одежда, предназначенная для богини, была шедевром текстильного искусства, сотканная из тончайших тканей и расшитая золотом со сценами сражения Афины с богами против гигантов и другими событиями, которые государство сочло достойными того, чтобы изобразить рядом с ее подвигами. Афина, помимо своих многочисленных функций, была также богиней ткачества и других женских искусств, и в этом качестве у нее было святилище на Акрополе, где ей поклонялись под именем Афины Эргане. В этом храме находились статуи Лисиппы, Тимостраты и Аристомахи - девиц, почитаемых за их мастерство в женских занятиях.

Истоки Панафиней - величайшего из афинских праздников - восходят к героическим временам Афин, когда царь Эрехтей поставил на Акрополе архаичную деревянную статую Афины, по преданию упавшую с небес, и установил обычай раз в год приносить в дар образу новую мантию, вышитую знатными девушками города. Позже Тесей объединил различные племена под единой властью, центром которой стал Акрополь. Праздник в честь этого события был объединен с праздником в честь Афины, и расширенный праздник стал называться Панафинеей, символизируя объединение и политическую власть Афин и суверенитет богини. Писистрат увеличил пышность этого праздника, а в золотые дни Афин после Персидской войны Перикл добавил ему пышности и великолепия. Он воздвиг на Акрополе грандиозный храм богини - Парфенон - и поместил в него ее изображение из золота и слоновой кости. Поклонение Афине и политическое превосходство Афин теперь стали синонимами. Ее праздник стал высшим выражением идеалов Афин в их величайшую эпоху. Большая Панафиней - это Афины в их славе, обладающие переполненной казной, верховные среди греческих государств, выразители поэзии, искусства и красоты.

Было большое ликование, когда священный пеплус был наконец завершен девами, и наступило время праздника, который должен был завершиться в день рождения Афины, двадцать седьмого числа месяца Боедромион, что почти соответствует нашему сентябрю. Первые дни проходили в гимнастических играх, скачках на лошадях и колесницах, состязаниях в музыке и поэзии. В пятый и последний день происходило самое яркое событие всего праздника - торжественная процессия, сопровождавшая принесение священного пеплуса жрице Афины, чтобы она поставила его вокруг деревянного изображения богини. Эта процессия была настолько важна, что Фидий выбрал ее в качестве темы для изображения на фризе Парфенона. Процессия формировалась во Внешнем Керамике, сразу за главными воротами города, и пеплус помещался на миниатюрный корабль (для которого он служил парусом), поставленный на колеса и запряженный матросами. Через рыночную площадь, вокруг западного склона Ареопага, вдоль его южной стороны процессия двигалась, пока не достигала западного подхода к Акрополю. Тогда пеплус снимали с корабля, и, неся его на руках, избранные для этой службы, несли во главе процессии вверх по западному склону, через Пропилеи, и доставляли магистрату, назначенному принять его перед храмом Афины. На фризе Парфенона представлены самые важные детали процессии. В западной части фриза показана стадия подготовки - цветы афинской молодежи и знати готовятся сесть или только садятся на своих коней, чтобы присоединиться к кавалькаде. Повернувшись к северной и южной сторонам, мы видим, что процессия уже сформировалась и находится в движении. Кавалькада состоит из молодых всадников, которые движутся вперед компактным строем, со всей лихостью и духом молодости. Впереди всадников - колесницы, управляемые возницами, воины которых либо стоят рядом с водителем, либо просто заходят в движущуюся колесницу. По мере приближения к восточной части храма беспокойство движений сменяется торжественностью, а нетерпеливых всадников и возниц сменяют более величественные фигуры. Пожилые мужчины, несущие оливковые ветви; представители иностранных жителей, несущие

подносы с лепешками; служители, несущие на плечах сосуды со священным вином; музыканты, играющие на флейтах или лирах, - все они идут медленным, размеренным шагом. Впереди идут коровы и овцы, которых ведут на жертвоприношение, ведомые несколькими сопровождающими.

Фриз на восточном конце храма представляет собой кульминацию праздника. Венчающий акт вот-вот будет совершен, и торжественность станет абсолютной. Фигуры на одном конце уравниваются соответствующими фигурами на другом, и все они движутся к общей точке. Первыми медленно идут девы, несущие жертвенную утварь - их благородное происхождение проявляется в достоинстве поведения. Пять девиц, идущих сзади, несут эверы, используемые для возлияний; те, что образуют центральную группу, несут попарно большие предметы, напоминающие подсвечники, назначение которых точно не известно; а впереди, с каждой стороны, идут две девы, не несущие ничего в руках - вероятно, аррефоры, чьи обязанности уже выполнены. Как по костюму, так и по прическе эти девы представляют то, что было характерно для их возраста и пола в Афинах во время правления Перикла. Далее следует группа мужчин, вероятно, магистратов, назначенных ожидать прибытия процессии на Акрополь. Они изображают сидящих божеств, собравшихся, чтобы оказать честь Афинам на их величайшем празднике - по семь фигур с каждой стороны центральной плиты, прямо над дверью храма, на которой изображена кульминация торжественного события - вручение нового пеплуса жрецу или магистрату, в чьи обязанности входило принимать его; а по бокам от него стоит жрица Афины, принимающая от двух сопровождающих какие-то предметы неизвестного значения.

Другие скульптурные произведения на Акрополе превозносят роль женщины в религиозных церемониях в честь богини-покровительницы. На одном из портиков Эректа изображены девы с величественной внешностью и великолепной красотой, которые держат антаблемент с совершенной легкостью и величественной грацией. Эти фигуры обычно называют кариатидами, это название архитектор Витрувий применил для обозначения фигур такого рода; он приписывает его происхождение разрушению афинянами города Карья в Пелопоннесе, потому что он перешел на сторону персов, а женщины города были проданы в рабство; но, конечно, афиняне не стали бы так чествовать опозоренных женщин враждебного города. Разве не могли они изобразить в мраморе аррефорских девиц, а корзины на их головах - ноши, которые они несли с Акрополя, и те, что получили вместо них? Афиняне, действительно, называли эти фигуры просто *Korai*, или "девы".

Более того, раскопки в Афинах, проведенные в 1886 году, позволили обнаружить несколько статуй дев, которые сейчас украшают один из залов Музея Акрополя. Все они одного типа - фигуры молодых женщин в натуральную величину, все стоят в одной позе, с одной рукой, вытянутой от локтя, в то время как другая рука придерживает длинную и элегантную драпировку, закрывающую фигуру; их волосы тщательно уложены, и кольцами спадают на шею и плечи. Эти статуи - реликвия времен до Персидской войны. Персы захватили Афины в 480 году до н. э. и устроили на Акрополе всеобщий хаос: жгли храмы, валили колонны, разрушали статуи. Когда афиняне, окрыленные победой, вернулись в свои разрушенные дома, они считали недостойным все, к чему прикасались руки варваров, и поэтому, отстраивая заново Акрополь как священный участок Афины, они расширили и выровняли его поверхность и заполнили образовавшиеся пустоты обломками Акрополя - архитектурными блоками, статуями и сосудами; И эти реликвии доперсидского искусства были надежно погребены на века, чтобы быть открытыми современным глазам киркой археолога. Итак, кто же эти девы, стоящие в обычных позах, с правильными и тонко вылепленными чертами лица, с богато украшенными драпировками и сложным головным убором? Они не могут быть

жрицами Афины, ведь жрица всегда была пожилой дамой, которая, будучи избранной, занимала свой пост до конца жизни. Не могут они изображать и саму богиню, поскольку все ее обычные атрибуты - эгида, копье, шлем, змея - отсутствуют. Поэтому мы, вероятно, имеем в этих статуях портреты почитательниц Афины, молодых женщин из аристократических семей Афин, которые помещали свои статуи в священный участок богини, чтобы они служили символами вечного почтения.

Наконец, некоторые девы Афин героической эпохи впоследствии были обожествлены и получили священные участки на Акрополе. У царя Кекропса было три дочери - Аглароса, Герса и Пандроса. Когда родился Эректей, сын Земли от Гефеста, наполовину похожий на змею - знак его происхождения, - ребенок был положен Афиной в сундук, который она передала дочерям Цекропа, чтобы они заботились о нем, запретив при этом открывать его. Аглароса и Герса не послушались и, в ужасе от змеевидного ребенка, сошли с ума и бросились со скалы Акрополя. Верная дева Пандроса была вознаграждена тем, что стала первой жрицей Афины, а позже удостоилась чести иметь собственное святилище рядом со святилищем богини; Агларосе же пришлось довольствоваться пещерой на северном склоне Акрополя, недалеко от того места, где она бросилась вниз.

Празднества в честь Диониса, бога пышного плодородия и особенно винограда, по словам Плутарха, сначала были очень простыми, всего лишь "деревенская процессия с кувшином, обвитым виноградной лозой, и корзиной фиг"; но позже праздник устраивался на каждом этапе роста винограда и изготовления вина, особенно при приближении времени сбора винограда и когда виноград попадал в пресс. Здесь были и шествия, и деревенские танцы, и все обычные черты карнавала, поскольку празднующие все больше и больше попадали под влияние бога. Особую группу в этих празднествах составляли женщины, посвященные этому божеству и называвшиеся вакханками или менадами. Символом их поклонения был тирс - шест, оканчивающийся пучком виноградных лоз или листьев плюща, или сосновой шишкой и филейной частью. Через определенные промежутки времени процессия останавливалась, и один из празднующих садился на повозку или помост и рассказывал стоящим внизу людям, переодетым в сквородки и сатиров, о приключениях бога вина и радости. Из этих деревенских маскарадов со временем возникли и трагедия, и комедия.

Из городских праздников наибольший интерес для представительниц прекрасного пола представляла Антестерия, или Праздник цветов. Этот праздник проходил весной, когда впервые дегустировали вино предыдущего года, и длился три дня. Главной его особенностью был Праздник мензурок, который начинался на закате с большой процессии. Те, кто принимал в нем участие, появлялись во Внешнем Керамикусе в венках из плюща и с факелами. Этот праздник находился в особом ведении короля-архонта, и главную роль в церемониях играла жена этого магистрата. Девы и матроны появлялись, переодевшись в костюмы Гора, Нимфы или Вакханки, и толпились вокруг триумфальной машины, на которой древнее изображение Диониса везли в город. На определенном этапе процессии жене царя-архонта, известной как Василиса, предоставлялось место в машине рядом с изображением Диониса, поскольку в этот день она была символической невестой бога. Таким образом, в этот радостный день бракосочетания свадебная процессия доставила машину к храму бога в Лимнае.

В самом святилище храма василисса и четырнадцать почетных дам, специально назначенных архонтом для этой цели, принесли мистическую жертву во имя благополучия государства. После жертвоприношения, с которым были связаны многочисленные тайные церемонии, праздновался мистический союз Диониса и василиссы, символизирующий священный брак бога с его любимым городом. На следующий день, среди прочих

церемоний, почетные дамы приносили жертвы Дионису на специально возведенных алтарях.

Это были радостные события, но были и мрачные Дионисии, которые праздновались ночью, в зимнее время, когда бог считался отсутствующим или мертвым, потому что виноградная лоза тогда засыхала и становилась безжизненной. Такие праздники выражали лишь скорбь и сожаление. В это время афинские женщины покидали свои дома и устремлялись к склонам горы Парнас, чтобы вместе с женщинами Дельф принять участие в диких обрядах, посвященных страданиям Диониса. В этих вакханках религиозный пыл превращался в самый дикий бред. "С растрепанными волосами и в разорванной одежде они бегали по лесу, неся факелы и бьют в цимбалы, с дикими криками и неистовыми жестами. Нервное возбуждение приводило в смятение чувства и разум и проявлялось в дикой речи и жестах, а самые грубые эксцессы были актами преданности. Когда Менады безумно танцевали по лесу, с обвитыми змеями руками или кинжалом в руках, которым они поражали встречающих; когда опьянение и вид крови доводили возбужденную толпу до исступления - это бог действовал в них и посвящал их в свои жрицы. Горе тому, кто постигал эти таинства! Его разрывали на куски; так убивали даже животных, и менады пожирали их трепещущую плоть и пили их теплую кровь". В пылу безумных оргий эти приверженцы не делали различий между человеком и зверем, и однажды мать разорвала на куски своего сына, которого она приняла за молодого льва, и с гордостью насадила на конец своего тирса кровоточащую голову своего отпрыска. Еврипид в своих *"Вакханалиях"* нарисовал мрачную картину излишеств, в которые бог вина вовлекал своих вдохновенных последователей. Подобные оргии, зародившиеся в Лидии, устраивались на вершинах Таягета и на равнинах Македона и Фракии.

Хотя некоторые аттические женщины под влиянием религиозного энтузиазма присоединялись к дельфийским женщинам в их диких обрядах в честь Диониса, это оргиастическое поклонение никогда не было популярно в Афинах. Афинские дамы предпочитали поклоняться Деметре, богине земледелия и домашнего очага.

Фесмофория, праздник в честь Деметры и ее дочери Персефоны, сильно контрастировал с Панафинеей. Последний был публичным и в нем участвовали все; первый же был тайным, и в нем могли принимать участие только замужние женщины. Панафинея прославляла политическое и интеллектуальное превосходство государства, символизируемое его богиней-покровительницей; Фесмофория была праздником домашней жизни, проводимым в честь богини добродетельного брака и автора плодородия земли.

Этот праздник отмечался в октябре, в период осеннего сева. Каждый афинский гражданин, обладавший имуществом в размере трех талантов, обязан был снабдить свою жену достаточным количеством денег, чтобы она могла отпраздновать Фесмофорию; таков был предел участия мужчин. В течение многих дней женщины готовились к торжественным обрядам, соблюдая пост, воздержание и очищение; от каждого племени их спутницы выбирали двух человек для подготовки и проведения различных мероприятий. В первый день Фесмофории женщины отправлялись к первобытному месту празднования в Халимус, недалеко от мыса Колиас, не в формальной процессии, а небольшими группами и в час наступления ночи. По дороге проявлялась комическая сторона празднеств Деметры: участники узнавали друг друга с шутками и насмешками, напоминая тем самым о любезностях, которыми дева Ламбе вызывала улыбку Деметры, когда та была охвачена меланхолией из-за потери дочери; и горе тому, кто встречал этих женщин! ведь он становился жертвой самых презрительных насмешек и сарказма. В Халимусе, в святилище Деметры, мистерии совершались ночью; следующий день проходил в очистительных купаниях в море, играх и танцах на берегу. Насладившись здесь свободой в течение дня или

более, женщины отправлялись длинной процессией в Афины, а жрицы несли в ларцах на головах *Тесмаи*, или законы Деметры, откуда праздник и получил свое название.

Остальная часть праздника проходила в городе, либо в святилище Деметры, либо на Пниксе, который по этому случаю был передан исключительно женщинам для празднования. Первый день после возвращения назывался "днем поста", так как в течение всего дня женщины сидели в глубоком трауре на земле и не принимали никакой пищи, при этом они пели песнопения и соблюдали другие обычаи, характерные для смерти; они также приносили свиней в жертву inferнальным божествам. Обряды следующего дня носили более общий характер. Этот день назывался "Каллигения", что означает "носительница прекрасного потомства", и в этот день они приносили жертву Деметре и молили ее даровать женщинам благословение прекрасных детей. Мы почти ничего не знаем о жертвоприношениях, танцах и веселых играх, которые занимали этот заключительный день праздника. Поклонение Деметре было одним из самых возвышающих влияний в общественной жизни Афин, а Тесмофория была лишь прелюдией к празднованию Элевсинских мистерий, в которые посвящались как женщины, так и мужчины.

Церемонии в Элевсисе, по-видимому, состояли в основном из драматического представления прекрасной легенды о Деметре и Персефоне, из которой можно было извлечь множество моральных уроков. Гомер сохранил нам эту легенду в гомеровском гимне, начинающемся:

"Я начинаю воспевать светловолосую Деметру, святую богиню, - ее саму и ее стройную дочь, которую Аид отнял у златокудрой Деметры, прославленной плодами, когда дева развлекалась с широкогрудыми дочерьми Океана, срывая цветы на мягком лугу - розы и крокусы, прекрасные фиалки, гиацинты, ирис и нарцисс, которые Земля, по повелению Зевса, благосклонного к Всеотца [Аиду], принесла в качестве ловушки для девы. Из корня его вышло сто голов, и все широкое небо над головой благоухало его ароматом, и вся земля смеялась, и морская волна. И протянула девушка обе руки, чтобы схватить прелестную игрушку, когда ширококрылая земля разверзлась на Мисийской равнине, куда выскочил на своих бессмертных конях всеприемлющий царь, многоименный сын Кроноса, и унес ее, безвольную, на своей золотой колеснице, плача и вопя, призывая ее отца, сына Кроноса".

В гимне рассказывается о том, как богиня-мать девять дней скиталась по земле в поисках своей потерянной дочери, а на десятый узнала правду от всевидящего Солнца. Разгневавшись на Зевса за то, что тот допустил насилие, она стала бродить среди людей в облике старухи, пока наконец в Элевсисе, в Аттике, не была любезно принята в доме царя Целея и не стала кормилицей его новорожденного сына, Демофона. Она хотела сделать мальчика бессмертным, искупав его в огне, но, застигнутая врасплох и не допущенная матерью, открыла свое божество и воздвигла в свою честь храм, в котором предалась печали. Разгневавшись, она сделала землю бесплодной и не позволяла посевам всходить до тех пор, пока ее дочери не разрешили проводить две трети года с матерью среди бессмертных, а оставшуюся треть посвящать мрачному супругу в царстве Аида. Вернувшись на Олимп, Деметра оставила хозяину дар кукурузы, земледелия и своих священных тайн и послала Триптолема Элевсинского по земле, чтобы он передал людям знания о земледелии, гражданском порядке и священном браке. Таким образом, поклонение Деметре, как основательнице закона, порядка и брака, стало распространенным и оказало самое благотворное влияние на всю Элладу.

Элевсинские мистерии прививали людям нравственные уроки, способствующие правильному образу жизни. Ими руководило жречество, состоявшее как из мужчин, так и из

женщин. Главный жрец, иерофант, был человеком с безупречным характером и занимал этот пост пожизненно при условии безбрачия. Жрицы отвечали, прежде всего, за посвящение женщин, но этим их обязанности не ограничивались.

Кандидатки на посвящение, мистаи, должны были провести год в подготовке. Убийцы, куртизанки, варвары, все, кто имел хоть какое-то пятно на своей жизни, исключались из этих обрядов; только эллины "чистой души и чистых рук" имели право на посвящение. В дни, предшествующие празднику, проводились искупительные церемонии, среди которых наиболее примечательной была та, в которой девушка или юноша, называемые "дитя очага", совершали определенные обряды очищения для тех, кто желал быть допущенным к таинствам. Наконец, в двадцатый день месяца Боздромион, что почти соответствует нашему сентябрю, великая процессия отправлялась из Афин в Элевсис по Священному пути. В этой процессии принимали участие женщины в большом количестве, и она предоставляла прекрасные возможности для демонстрации красивых туалетов. Аристократические дамы обычно ехали в колесницах. Когда толпа паломников проходила через мост Кефисса, то, как и в Фесмофории, было много шуток и насмешек в память о том, как богиня однажды была отвлечена от своей печали; по всей дороге находились пункты для жертвоприношений и возлияний, где девы занимались пением и грациозными танцами. До Элевсиса добрались ночью при свете факелов, и последующие дни посвященные посвящали в свои религиозные обязанности, а кандидаты - в дальнейшую подготовку.

К сожалению, до нас дошли лишь скудные сведения об Элевсинских мистериях, и мы не можем проследить порядок церемоний. Достаточно сказать, что, помимо поощрения хорошей жизни и счастья в этой жизни, они давали надежду на жизнь грядущую. "Человек, очищенный посвящением, - говорит Пиндар, - перед смертью постиг начало и конец жизни, а после смерти обитает с богами".

На знаменитой картине Полигнота, изображающей адские области, в Леше в Дельфах две женщины пытаются носить воду в кувшинах без дна; надпись гласит, что они никогда не были посвящены, а мораль такова: "Без посвящения жизнь полностью растрочена и потеряна". В поклонении Деметре и в Элевсинских мистериях было все, что могло привлечь женщину: святость брака, обожествленное материнство, возвышение дома и домашних обязанностей - и усердие, проявленное афинскими женщинами в этих религиозных обрядах, несомненно, способствовало развитию женской набожности и природной благочестивости, которые облагораживали афинский дом и смягчали родительскую дисциплину.

Фесмофории были праздником замужних женщин; но молодые девушки и даже дети имели свои праздники в Брауронии и Артемисии, которые отмечались в честь Артемиды, особой покровительницы девственниц. Браурония отмечалась каждый пятый год в маленьком городке Браурон. Избранные афинские девы в возрасте от пяти до десяти лет, одетые в одежды цвета шафрана, торжественной процессией отправлялись в святилище богини, где совершали умиловительный обряд, в котором подражали медведям - священным для Артемиды животным. Каждая афинская дева, прежде чем выйти замуж, должна была однажды принять участие в этом празднике и посвятить себя богине. На Акрополе также находился участок Артемиды Брауронии, и, несомненно, эта церемония проводилась и там. Почти повсеместно эта богиня-девственница почиталась девушками как хранительница их девичьих лет, и перед замужеством невеста должна была посвятить Артемиде прядь своих волос, пояс и девичью тунику.

Девы также принимали участие в поклонении брату-близнецу Артемиды, Аполлону, на острове Делос, который был местом рождения бога и богини. Праздник был праздником

юности и красоты, поэзии и искусства. Аристократические девы Афин вместе с девами из резиденции Дельфийской конфедерации, которой руководили Афины, подчеркивали мощь и величие Афин в период расцвета их величия.

"Раз в пять лет, весной, торжественный праздник напоминал о годовщине рождения бога. Девы Делоса, одетые в богатейшие наряды и увенчанные цветами, объединялись в радостный хор вокруг алтаря и представляли в священных танцах историю рождения Аполлона. Другие, с гирляндами цветов в руках, шли, чтобы повесить их на древнюю статую богини, которую Тесей, по преданию, привез с Крита на Делос. Со всех концов Греции, с островов и из Азии в гавани высаживались торжественные посольства, священные *теориз*. Самым ярким было посольство афинян, которые долгое время были сюзеренами острова. Каждый год государственное судно, паралийская галера, доставляло священное посольство на Делос; команда состояла из свободных мужчин, судно было украшено цветами. В момент отплытия весь город очищался; жрецы Аполлона даровали галере торжественное благословение, и закон запрещал осквернять очищенный город каким-либо смертным приговором до возвращения судна. Члены посольства были выбраны из главных семей города, их сопровождал хор юношей и девушек, которые должны были петь священные гимны в честь Аполлона и исполнять вокруг алтаря Рога, одного из чудес Делоса и всего мира, древний и торжественный танец - *геранос*. День прибытия этих теорий был праздником на Делосе. Под восторженные возгласы толпы посольство высадилось в гавани; радость и нетерпение народа были столь велики, что иногда его члены не успевали даже облачиться в церемониальные одежды и увенчать себя цветами. По мосту двигалась священная процессия афинян с великолепно одетыми музыкантами, хором, распеваящим священные гимны, с богатыми подношениями, предназначенными богу; принятая в конце моста чиновником, которому было поручено принимать эти благочестивые посольства, она направлялась в храм, где приносила свои жертвы и молитвы и возливала на алтарь кровь своих гекатомб. В течение всего остального дня для людей устраивались пиры, а игры и состязания наполняли остров звуками ликования".

После праздника Паралия вернулась в Афины, неся на родину прекрасных дев, которые оказали честь богу и приумножили славу родного города.

У Афродиты, богини красоты и наслаждения, тоже были свои праздники, в которых принимали участие женщины. Некоторые из них носили развратный характер и отмечались в основном деми-мондом; особенно часто они проводились в храме Афродиты Пандемус на мысе Колиас. Но афинские дамы принимали участие в Адонии, в честь Адониса, возлюбленного Афродиты. Церемонии первого дня носили траурный характер, так как были посвящены смерти Адониса; но второй день был ликованием и развлечениями, так как Адонис был задуман как вернувшийся к жизни, чтобы провести шесть месяцев с Афродитой. В его смерти и воскрешении поэтически символизировалась смена времен года. Женщины ведущих семей должны были участвовать в пышных торжествах, которые проходили во время летнего солнцестояния. Длинная процессия жрецов и девиц, выступающих в роли канифоли, несущих вазы для возлияний, корзины, благовония и цветы, приближалась к колоссальному катафалку, над которым были расстелены прекрасные пурпурные покрывала. На них лежала статуя Адониса, бледного в смерти, но все еще прекрасного. Над этой скорбной фигурой прекрасная женщина всячески выражала самую горькую скорбь и пела гимн Адонису, рассказывая его печальную историю. Женщины вокруг были одеты в траур и исполняли заунывный похоронный танец, а со всех сторон слышался скорбный крик: "Увы, увy! Адонис мертв!"

Гимн или псалом Адонису был отличительной и самой популярной чертой празднования Адонии; Феокрит в "Идиллии XV" приводит его исполнение по случаю, когда Арсиноя, царица Птолемея Филадельфа, украсила образ Адониса. В одной из последующих глав настоящего тома - "Александрийская женщина" - приводится английская версия этого псалма, в которой наиболее полно передан дух оригинала, и в связи с этим дается живая и убедительная картина поведения и манер дам того времени.

XIII

ГРЕЧЕСКИЕ ЖЕНЩИНЫ И ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Ни в коем случае не удивительно, что среди такого высококультурного народа, как греки, должны быть женщины с высочайшими интеллектуальными способностями. Сапфо уже послужила нам примером, и ее превосходство над своими учениками было таким, что запустило целую цепь влияний, которые стимулировали представителей ее пола во всех частях Эллады к изучению и сочинению поэзии.

Более того, среди знаменитых людей Эллады время от времени появлялись ярые сторонники высшего образования женщин. Еще в седьмом веке до христианской эры Клеобул, один из семи мудрецов Греции, настаивал на том, что девы должны получать такое же интеллектуальное образование, как и юноши, и иллюстрировал свою доктрину на примере тщательного воспитания своей дочери Клеобулины, которая стала поэтессой с широкой известностью.

Пифагор, который в VI веке основал свою знаменитую философскую секту в Южной Италии, полностью признал равенство полов и разработал систему образования для женщин, которая сделала его женских последователей не только самыми эффективными во всех домашних отношениях, но и выдающимися в философской и литературной культуре. Платон провел значительное время в Магна-Греции и проникся духом пифагорейской философии. Должно быть, на него произвело впечатление ее возвышающее влияние на положение женщины, ведь в своих *"Диалогах"* он призывал к тому, чтобы женщины получали такое же образование, как и мужчины, и сам допускал представительниц слабого пола на лекции в Академии.

Соответственно, после Платона мы видим множество женщин, занимающихся изучением философии, причем не только среди академиков, но и в других философских школах, особенно в кирийской, мегарийской и эпикурейской. Доктрины перипатетиков и стоиков, похоже, не привлекали представительниц прекрасного пола.

Империя Александра, свергнув исключительные государственные законы различных городов, многое сделала для эмансипации женщин, и с этого времени мы видим, что женщины занимаются почти всеми отраслями высшего образования. В Александрии, особенно в Александрии, дочери ученых занимались философией, филологией и

археологией, и некоторые из них стали знаменитыми. В греко-римский период Плутарх был постоянным сторонником женского образования, и круг ученых женщин, о которых он сообщил нам, показывает, насколько широкое распространение получило образование среди женщин его времени.

Аспазия ввела в Афинах моду на то, чтобы гетеры уделяли внимание риторике и философии, поэтому многие "синие чулки" Греции принадлежали к сословию гетер. Однако знакомство с высшим образованием стало модным и в уединении гинекея, и многие девы и матроны почтенного возраста проводили свой досуг за чтением трудов философов и поэтов, получая если не публичные, то хотя бы частные наставления от профессиональных лекторов.

Разнообразие интеллектуальных занятий среди женщин было заметным. Поэзия была их естественной сферой, а философия привлекала их как самое ученое призвание того времени. Еще в героическую эпоху женщины были искусны в использовании растений в колдовских и лечебных целях, а в исторические времена, когда медицина стала наукой, женщины занимались различными медицинскими делами. Схожие вкусы привели многих к изучению различных отраслей естественных наук, а в александрийские времена, когда преобладала филология, история, грамматика и литературная критика стали любимыми занятиями дочерей ученых.

В предыдущей главе мы рассказали о семинарии муз лесбиянки Сапфо, куда стекались девы со всех эллинских земель для изучения поэзии и искусства. Природные красоты острова Лесбос, роскошная жизнь аристократических классов, блеск и рвение самой Сапфо, ее горячая привязанность к подругам - все это благоприятствовало занятиям муз и граций.

Неудивительно, что в таком окружении и при таком учителе женщины приобретали любовь к поэзии и всему, что влечет к эстетской природе. Существует смутное предание, что среди древних греков было семьдесят шесть женщин-поэтов. К сожалению, до нас дошли имена лишь немногих из них. Мы располагаем достоверной информацией лишь о девяти самых выдающихся поэтессах, которым греки дали титул земных муз.

Второй из девяти земных муз - первой, разумеется, была Сапфо - стала любимая и самая многообещающая ученица поэтессы, Эринна с острова Телос. Она вызывала у греческих поэтов самые почтительные и нежные чувства, и они часто возносили ей хвалу. Самым известным ее произведением была поэма под названием "*Дистаф*", и поэты сравнивали ее с сотами, которые благодатная пчела собрала с цветов Геликона; в этом произведении девы они увидели свежесть и благоухание весны, а ее нежные ноты они уподобляли сладкому голосу лебедя, поющего свою предсмертную песню - сравнение слишком справедливое, ведь она умерла в нежном возрасте девятнадцати лет. Один из поэтов "Антологии" так оплакивает ее безвременную кончину:

"Это песни Эринны: как они сладки, хотя и невелики!

Ведь она была всего лишь девятнадцатилетней девушкой...

И все же сильнее, чем то, что может написать большинство мужчин:

Если бы смерть не задержала, какая слава могла бы сравниться с ее славой?"

Имена двух следующих "земных девятых" тесно связаны с именем Пиндара из Фив - Миртис и Коринна, одна из которых была наставницей, а другая - соперницей великого композитора. Миртис была старшей из трех, и, вероятно, давала наставления своим младшим сверстникам. Позже она вступила в поэтическое состязание с Пиндаром, за что была

порицаема Коринной. Младшая женщина, пять раз побеждавшая Пиндара в поэтических состязаниях, дала своему сопернику несколько хороших советов, которыми он воспользовался в своих последующих произведениях. Она упрекнула его в том, что он уделяет слишком много внимания форме и пренебрегает душой стихотворения. Когда, следуя ее совету, Пиндар принес ей поэму, изобилующую мифологическими аллюзиями, Коринна улыбнулась и заметила ему, что в будущем он должен "сеять по горсти, а не по целому мешку".

Павсаний видел гробницу Коринны на видном месте ее родного города Танагры, а также ее изображение в гимнасии, на котором она повязывает на голову косынку в честь победы над Пиндаром в Фивах. Но он бесславно приписывает ее победу отчасти ее диалекту - ведь она сочиняла не на дорийском, как Пиндар, а на понятном эолийцам диалекте - и отчасти ее красоте, ведь, судя по ее портрету, она была самой красивой женщиной своего времени.

Телесилла из Аргоса была не только поэтом, но и античной Жанной д'Арк. Будучи слабого телосложения, оракул посоветовал ей посвятить себя служению Музам, и в этом благотворном умственном упражнении она обрела здоровье и превосходство среди своих собратьев. Ею были написаны знаменитые гимны Аполлону и Артемиде. Любовь к красоте вдохновляла ее и на благородные идеалы патриотизма и самопожертвования, и в кризисный момент войны между родным городом и Спартой она вооружила своих соотечественниц и повела их к победе над врагом. В память об этом благородном поступке ее статуя была воздвигнута в храме Афродиты в Аргосе.

Праксилла из Сикиона была поставлена древними критиками рядом с Анакреоном за мягкость и нежность ее стихов, а в родном городе ее почтили статуей, созданной рукой Лисиппа. Она пела прекрасные песни об Афродите и пересказывала в страстных стихах легенду об Адонисе.

Следующее имя в этом бессмертном списке переносит нас в Локрис, в Италию, в четвертый век до нашей эры. Как и Сапфо, Носсис "с женским акцентом" - поэтесса любви, и в "Антологии" можно найти двенадцать эпиграмм, приписываемых ей. Символом ее поэзии был *флер-де-лис* с его пронзительным ароматом. В восхвалении портрета своего ребенка она видит отражение собственной красоты, а в эпитафии, которую она сочинила для своей могилы, объявляет себя равной Сафо; поэтому скромность нельзя отнести к числу тех многочисленных достоинств, которые вызвали обожание ее современников.

Маленькие поэмы Аните из Тегеи и Моэро из Византии, двух последних из "земной девятки", часто символизируют лилии за их чистоту и нежность. Эти поэты процветали в третьем веке нашей эры. Антипатр называет Аниту "женственным Гомером"; скорее ее следовало бы назвать "женственным Симонидом", хотя и это слишком высокая похвала. Ее душа была проста и чиста, и ее сладкие чувства отразились в стиле, прозрачном, как бегущий ручей. Очарование и свежесть характеризуют ее приглашение прохожим отдохнуть под деревьями и отведать прохладной воды; глубокие и меланхоличные чувства пронизывают стихотворение, в котором она оплакивает смерть юной девы; а мужская философия жизни проявляется в эпитафии рабу, которого смерть сделала равным Великому Царю. Диапазон Моэро не был столь велик, а ее прикосновения - столь тонки. Героическая поэма "*Мнемозина*" была самым амбициозным из ее произведений; она также сочиняла элегии и эпиграммы, и две из последних сохранились до нас, показывая душу, чувствительную к природной красоте.

То тут, то там встречаются другие имена и отдельные стихи греческих поэтесс - Клеобулины Родосской, Мегалостраты и Клитагоры из Спарты и других; но они не достигли славы земных муз.

Поскольку стихи гречанок должны были исполняться под аккомпанемент лиры, дочери Муз были столь же знамениты в музыке, как и в поэзии. Греческие девы не отличались и в других искусствах. Отчасти именно коринфской деве легенда приписывает изобретение лепки из глины. Кора, дочь Бутадеса, собирается проститься - возможно, навсегда - со своим возлюбленным, который отправляется в далекое путешествие. Свет лампы отбрасывает его тень на стену, и, чтобы сохранить хотя бы этот образ, она ловко набрасывает очертания тени. Ее отец с инстинктом художника наблюдает за контуром и заполняет его гончарной глиной, а затем обжигает полученную модель. Не сохранилось имен греческих женщин-скульпторов, но, несомненно, в мастерской многих художников дочь с удовольствием помогала ему в работе.

Многие гречанки отличились в живописи. Тимарета, дочь Майкона, создала изображение Артемиды, которое долгое время можно было увидеть в Эфесе; это один из древнейших памятников этого искусства, и богиня, вероятно, была представлена в странной и символической форме, такой, какую она имела в своем святилище в Эфесе. В Элевсисе хранилась картина, выполненная Ириной, дочерью Кратина, на которой изображена фигура молодой девушки, возможно, жрицы, посвященной в тайны великих богинь. Калипсо, Алкистена, Аристарита и Олимпия - вот имена других женщин-художниц, память о которых, по крайней мере, сохранилась.

Но самой знаменитой из всех была Лалла, уроженка города Кизика, которому Аполлон дал дар искусства. Хотя она работала очень быстро, это не умаляло достоинств ее работ, и она считалась первой художницей своего времени. Рисование карандашом и на слоновой кости были для нее одинаково привычны. Портреты, которые она писала, в основном принадлежали лицам ее собственного пола. Плиний упоминает портрет, находившийся в Неаполе при его жизни, на котором Лалла изобразила старую женщину. Он добавляет, что она воспроизвела на нем свое собственное изображение, отраженное в зеркале. В Помпеях была найдена картина художника, которая, как полагают, является портретом Лаллы, вероятно, написанным ею самой. На ней изображена молодая женщина, сидящая на табурете на маленьком крыльце, с глазами, устремленными на статую Вакха, которую она воспроизводит на дощечке, которую держит ребенок. В правой руке у нее карандаш, который она погружает в маленькую коробочку, очевидно, содержащую ее краски; в левой руке она держит палитру. Ее одежда элегантно задрапирована вокруг нее; лента окружает ее развевающиеся волосы, которые падают на шею и плечи, глубокий, интеллектуальный взгляд освещает ее тонкие черты. Если это действительно изображение Лаллы, то она была удивительно красива.

Не только в поэзии и изобразительном искусстве, но и в философии и интеллектуальных занятиях греческая женщина показала себя способной на великие свершения. В школы Пифагора, основанные в Кротоне в Магна-Греции, женщины свободно допускались и принимали самое активное участие в занятиях вместе со своими мужьями и братьями.

Существует предание, что влияние Пифагора в Кротоне было столь велико, что дамы города принесли свои богатые наряды, драгоценности, ожерелья и браслеты в храм Геры и посвятили их в жертву домашней добродетели, поклявшись, что отныне благоразумие и скромность, а не роскошные наряды, будут истинным украшением их пола. Независимо от того, правдива эта история или нет, несомненно, что среди учеников Пифагора было много

женщин, а "пифагорейские женщины" приобрели в греческом мире большую и завидную репутацию. Дружелюбное отношение Пифагора к представительницам прекрасного пола, вероятно, отчасти было результатом его сердечных отношений с дельфийской жрицей Аристоклеей, известной своей приветливостью и мудростью, с которой он вел научную переписку. Общими результатами его учения о женщине стали высокий идеал женской нравственности, внимательное отношение к домашним обязанностям и возвышенное представление о материнстве, особенно в том, что касается бережного воспитания детей.

Существующие фрагменты сочинений "пифагорейских женщин" свидетельствуют об их возвышенных взглядах на нравственное совершенство и гармонию, а также о практических суждениях в повседневных делах. *Софросина* постоянно превозносится как главная женская добродетель, под этим термином подразумевается умеренность, самодостаточность, скромность, женская верность - словом, все то, что по сути своей является женским.

Неопифагорейский философ Иамблих в своей биографии Пифагора упоминает пятнадцать знаменитых женщин школы. Другие авторы называют других женщин-адептов пифагорейской философии, живших во времена Пифагора и после него. Их число было столь велико, что комические поэты Алексий и Кратин Младший, которые, как и большинство афинян, искренне презирали синие чулки, сделали их объектом многочисленных шуток и насмешек.

Из всех пифагорейских женщин ни одна не достигла такого возвышенного положения, как жена Пифагора, высокоумная Феано. Она сочетала в себе добродетель и мудрость в такой совершенной гармонии, что в античности ее считали не только передовым представителем женской учености, но и блестящим прототипом истинной женственности. О жизни Теано мы знаем лишь несколько характерных случаев, и они дают представление о ее характере в основном благодаря "изречениям", произнесенным ею по определенным поводам. Однажды ее спросили, чем бы она хотела отличаться. В ответ она процитировала стих Гомера (II. 1:31): "Мотаю веретено и ублажаю брачное ложе". В другой раз ее спросили, что больше всего подходит жене; она ответила: "Жить исключительно ради мужа". И снова ее спросили, что такое любовь; "Болезнь тоскующей души", - был ее ответ. Однажды, когда она снимала мантию, ее рука оказалась обнаженной. Один джентльмен, пораженный ее красотой и стройностью, воскликнул: "Какая красивая рука!" "Но не для всеобщего обозрения", - ответила мудрая Теано, поспешно поправляя свои одежды. Это замечание было процитировано Плутархом, двумя отцами Церкви, Климентом Александрийским и Феодоритом, а также византийской писательницей Анной Комниной как примечательный апофегм, способствующий женской скромности и сдержанности.

Феано была и прозаиком, и поэтессой. От длинной эпической поэмы, написанной ею в гекзаметрах, мы не имеем даже фрагмента; из ее философских трудов сохранились три письма большой прелести и фрагмент философско-дидактического труда "*О благочестии*". Этот фрагмент слишком короток, чтобы мы могли различить в нем нечто большее, чем высокоразвитую способность автора к рассуждению; однако в ее письмах, где речь идет о воспитании детей, обращении со слугами и подавлении ревности, чувства сильны, а стиль обладает знакомым изяществом и нежностью. Дошедшие до нас реликвии изобилуют аксиоматическими выражениями, подчеркивающими женские добродетели и свидетельствующими о возвышенной нравственности и высокой культуре писателя.

После смерти Пифагора Феано вместе с двумя сыновьями, Телаугесом и Мнесархом, продолжала тайный орден; Феано, как учитель и как писатель, распространяла доктрины своего мужа. Время и обстоятельства ее смерти неизвестны.

Три дочери Феано пошли по стопам матери. Мия, самая выдающаяся, была так тщательно воспитана и отличалась такой выдающейся добродетелью, что ее, как девственницу, избрали предводительницей хора дев, а как жену - хора матрон на всех священных праздниках Кротона, и она преклоняла колени во главе своих спутниц перед алтарями богов. Она была женой Малона, знаменитого атлета, также принадлежавшего к пифагорейскому ордену; их союз был во всех отношениях счастливым. Мия также была писательницей, но мы имеем только одно письмо, приписываемое ей. Ее работа в духе отца была настолько блестящей, что она распространила славу о его учении по всем эллинским землям. Вероятно, в древности о ней существовала обширная литература, так как Лукиан, несколько веков спустя, говорит, что ему есть что рассказать о ней, но что ее история уже была общеизвестна.

Не остались в стороне и сестры Мии, из которых Аригнот приобрел большую известность как философ и автор эпиграмм, а Дамо отличилась верностью предсмертной просьбе отца. Рассказывают, что он передал ей свое самое драгоценное сокровище - мемуары - с наказом хранить их в тайне от всех, кто не принадлежал к семье. Хотя за них предлагали большие суммы, она так и не уступила, предпочтя бедность неповиновению. После смерти она передала произведения своей дочери Бисталии с тем же поручением, которое дал ей отец. Внучка осталась такой же верной, и эти бесценные произведения погибли вместе с семьей. Некоторые античные авторы упоминают в качестве еще одной дочери Пифагора Феано Младшую из Фурий, но, согласно Суидасу, она была дочерью Ликофрона. Она была умным философом и плодотворной писательницей.

Другие пифагорейские женщины, о которых мы знаем больше, чем просто имя, - это Финтис, Периктеон, Мелисса, Птолемаида и Тимиха. Финтис написала книгу *"О женской добродетели"*; Периктиона - ее часто ошибочно отождествляют с матерью Платона - написала работу *"О мудрости"*, которую очень ценил Аристотель, и еще одну *"О гармонии женщин"*, то есть о согласии жизни и мысли, чувств и действий, о правильных отношениях между телом и духом. Фрагменты этих произведений демонстрируют пифагорейскую идею о миссии женщины. Они связывают обязанности женщины со склонностями и способностями, присущими только ей. Мужчинам они оставляют защиту страны и управление государственными делами, женщинам - управление домом, заботу о семейном очаге и воспитание детей. Личность считается доминирующей добродетелью мужчины, целомудрие - женщины.

О Мелиссе известен лишь короткий фрагмент, посвященный женской любви к украшениям; Птолемаида была специалистом по музыке и авторитетом в области пифагорейской теории музыки в ее связи с жизнью. О Тимихе у нас есть характерная история. Она жила во времена Дионисия Сиракузского. На группу пифагорейских паломников, направлявшихся в Метапонтум для совершения определенных обрядов, напал отряд сиракузян. Сначала они бежали, но когда увидели, что должны пройти через поле бобов, внезапно остановились и сражались до тех пор, пока не был убит последний. Вскоре после этого сиракузяне настигли Милия Кротонского и его жену Тимиху, которая из-за своего нежного состояния осталась позади остальных членов отряда. Их арестовали и привели к тирану. Дионисий пообещал им свободу и сопровождение до места назначения, если они расскажут ему, почему умершие пифагорейцы отказались ступить на бобы. Но они отказались рассказывать. Любопытство Дионисия разгорелось еще больше, и он велел отвести мужа в сторону, чтобы тот мог допросить жену наедине, будучи уверенным, что сможет заставить ее ответить на его вопрос. Под угрозой пыток и в страхе, что ее слабость может быть побеждена, Тимиха скорее выкусила себе язык, чем выдала тайны своего ордена.

В этих пифагорейских женщинах мы наблюдаем идеальное сочетание интеллектуальной красоты и нравственной возвышенности. Пожалуй, ни одна более поздняя эпоха не представляла более высокого идеала женского совершенства. Их система культуры научила их одновременно заниматься самыми заумными философскими рассуждениями и самыми незначительными обязанностями практической жизни, и высшее образование в их руках никогда не приводило к жертве истинной женственности.

Перейдя из Кротона в Афины, Сократ, отец различных философских школ, не имел учениц, насколько нам известно; но ему приписывают, что он научился аиту любви у жрицы Диотимы, а красноречию - у Аспазии. Ксенофонт также рассказывает о продолжительной беседе Сократа с гетерой Теодотой об искусстве завоевания мужчин. У его самого выдающегося ученика, Платона, было множество учеников более слабого пола. Платон в значительной степени обладал *той ewig weibliche*, которую Гете считает неотъемлемым элементом всех великих людей. В молодости он сочинял любовные стихи, но имена его возлюбленных неизвестны. Посещение Южной Италии заставило его с пониманием отнестись к литературным устремлениям женщин, а когда он открыл для них двери Академии, в его лекционный зал стали стекаться женщины из разных городов Эллады. Это был первый известный случай в Афинах, когда женщины занимались философией.

Женщины-члены Академии не достигли такой известности, как пифагорейки. Последние были дорийской крови и жили, согласно правилам своего ордена, в величайшей простоте и трудолюбии; первые же были в основном ионийского происхождения и были более склонны к праздной и роскошной жизни. Следовательно, они не культивировали те домашние добродетели, которые делали пифагорейских женщин столь превосходными. Афины были не тем местом, где женские амбиции могли получить должное признание, а почтенные девы и матроны не могли, при всем желании, заниматься изучением философии в обществе мужского пола; поэтому женский элемент Академии состоял из чужестранцев, которых привлекала в Афины слава философа.

Из ближайших родственников Платона только его сестра Потона, мать его ученика и преемника Спевсиппа, занималась философией. Из незнакомых людей, связанных с Академией при Платоне и позднее при Спевсиппе, особенно отличились двое - Аксиотия и Ластения.

Аксиотея, которую также называли Флисией, была уроженкой Флиуса, небольшого пелопоннесского городка в районе Сикиона, откуда родом была поэтесса Праксилла. По преданию, в руки девы попали некоторые произведения Платона, которые она читала с большим усердием и усердием. В конце концов его "*Республика*" вызвала у нее такой энтузиазм, что она не могла больше сопротивляться желанию получить личное наставление от философа. Поэтому она приняла мужское одеяние, в одиночку отправилась в Афины и была принята в Академию. Она продолжала носить мужскую одежду и долгое время скрывала свой пол, став одним из самых видных и ревностных членов школы. Платон был настолько впечатлен ее способностями, что, как гласит традиция, откладывал свои лекции, если Аксиота могла отсутствовать. Когда его спрашивали о причине такого перерыва, он отвечал: "Интеллект, достаточный для понимания предмета, еще не присутствует" - имея в виду Аксиоту. Она часто посещала Академию и при Спевсиппе и сама стала преподавателем философии. О ней не известно ничего, кроме того, что заслуживает похвалы, но ее репутация пострадала из-за того, что ее имя ассоциируется с именем Ластении. Последняя приехала из Аркадии в Афины, чтобы послушать Платона, привлеченная, как и ее сокурсница, славой философа. Однако преобладающая в Афинах жизнь посторонних женщин подорвала ее моральные принципы, и она сыграла в Академии роль, сходную с той, которую позднее

Леонтий играл среди эпикурейцев. Сам Спевсипп был ее любовником. Хотя она больше известна своими приключениями в качестве гетеры, она также имела некоторую репутацию философа. Дионисий однажды написал Спевсиппу: "Философии можно научиться и у твоей аркадской ученицы".

Киренаическая школа, основанная Аристиппом, предшественником эпикурейцев в своем учении о наслаждении, естественно, привлекала в свои ряды женщин, особенно куртизанок. К киренаикам причисляли прославленную Лаис Старшую, но среди ее учеников были и высокодуховные женщины.

Арета, дочь Аристиппа, продолжила учение последнего после его смерти. Отец дал ей самое тщательное образование и сам наставлял ее в философии. Ее учили презирать богатство и роскошь и соблюдать умеренность во всем. Однажды Аристипп сказал: "Самое большое, за что моя дочь Арета должна меня благодарить, - это то, что я научил ее ценить все, без чего она не может обойтись". Арета также была сведуща в естественной истории и других отраслях науки. Она проводила время частично в Афинах, частично в Кирене и других греческих городах; везде она вызывала большой интерес очарованием своей красоты и приветливостью. Ее доброе имя ничем не запятнано: она была бесхитростной, высокоодаренной женщиной, преданной науке и философии. После смерти отца она возглавила Киренейскую школу и имела много выдающихся учеников, среди которых были Теодорус и Аристипп Младший. Она была плодотворной писательницей; ей приписывают сорок работ по философии, сельскому хозяйству, войнам афинян, жизни Сократа и различным другим темам, что свидетельствует о широком круге ее интересов. Она умерла в Киренее на семьдесят седьмом году жизни, и в надписи над ее могилой она названа "светом Эллады".

Грубые доктрины кинической школы, основанной Антисфеном, не были привлекательны для женщин, однако в этой школе была одна представительница, ставшая знаменитой и ставшая в последние годы темой пикантной романтической поэмы. Этим киником была Гиппархия.

Уродливый и плохо сложенный Кратес из Фив был одним из преемников Антисфена. Прекрасная и популярная дева Гиппархия вместе со своим братом Метроклом слушала лекции Кратеса и была настолько очарована его учением и образом жизни, что стала не только его самой ревностной ученицей, но и жестоко влюбилась в своего учителя. Она презирала всех своих более молодых, богатых и красивых женихов и заявляла, что у нее будет только Кратес. Она угрожала покончить с собой, если ее родители не обеспечат ей Кратеса в мужья. Они пытались отговорить ее; даже Кратес, по просьбе родителей, пытался заставить ее отказаться от своей цели. Но все усилия были бесплодны. Наконец Кратес, сбросив с себя одежду, предстал перед ней и сказал: "Таков облик твоего жениха: это все, чем он владеет. Подумай хорошенько о себе, ведь ты не сможешь стать моей женой, если не примешь весь мой образ жизни. Обдумай все хорошенько, чтобы впоследствии у тебя не было повода для недовольства". "Уже давно, - отвечала дева, - я это предвидела и обдумала; нигде на свете я не найду мужа богаче и красивее тебя. Тогда возьми меня с собой, куда бы ты ни отправился". Видя, что она решилась, родители наконец дали согласие на брак дочери с философом.

Кратес, как истинный киник, сразу же повел жену в одну из колоннад и публично отпраздновал свое бракосочетание. Гиппархия полностью соответствовала образу жизни своего мужа. Она облачилась в такую же грубую одежду, как и он, сопровождала его повсюду и терпела множество лишений. Гиппархии приписывается множество циничных софизмов и апофегм, которая стала одним из самых выдающихся представителей школы. Мы

мало знаем о ее дальнейшей жизни, кроме того, что она была матерью одного сына, Пасикла, и нескольких дочерей.

Мегарская философская школа, основанная Евклидом из Мегары, учеником Сократа, практиковала диалектику и называлась эристической, или диспутной, сектой. Искусство ведения диспутов привлекало женский пол, и многие женщины примкнули к этой школе. Первыми женщинами-диалектиками были пять дочерей Диодора, выдающегося ученика Евклида, и они оказали школе большую честь. Аргия была самой знаменитой из сестер благодаря своим умственным способностям и диалектическому мастерству, но, к сожалению, о философской деятельности Аргии и ее четырех сестер, Артемизии, Менексены, Феогнис и Пантаклеи, сохранились лишь скудные сведения. Иероним хвалит этих пятерых за скромность, а также за интеллектуальные достижения, и они, должно быть, вызвали всеобщий энтузиазм, поскольку Филон, ученик их отца, написал о них книгу. Евклида на посту главы школы сменил Стилпо, а среди его слушателей была Никарета из Мегары, дочь знатных родителей, которая прославилась своей сообразительностью и глубокой образованностью. Она приняла образ жизни гетеры и стала "спутницей" самого Стилпо. Отношения были нежными и продолжительными, но она не ограничивалась одним любовником. Однако ее благосклонность завоевывалась не золотом, как обычно, а изобретением или решением сложного софизма.

Философия Эпикура была удобным и приятным учением для людей легкой нравственности, и поэтому мы встречаем имена большого числа молодых и красивых гетер, населявших сады Эпикура, среди которых были Боидион, Хедия, Никидион, Эротион, Мармарион и знаменитый Леонтий. Их присутствие дало врагам эпикурейской секты основание характеризовать их философию как систему безнравственности, а строгий моралист и академик Плутарх яростно порицал эпикурейцев, "которые жили с гетерой Гедеей или Леонтием, плевали в лицо добродетели и находили *summum bonum* в плоти и чувственности". Если от других эпикурейских гетер не сохранилось ничего, кроме имен, то Леонтия, благодаря своим разнообразным достижениям, заняла прочное место в интеллектуальном мире.

Леонтия, "маленькая львица", - бесспорно, самая замечательная и привлекательная личность в философском деми-монде Древней Греции. О ее доме и семье история умалчивает, но она была воспитанницей гетеры, которая прививала своим ученицам глубокую интеллектуальную дисциплину в дополнение к секретам "галантности" и знанию косметических искусств. Став любимцей Эпикура и начав изучать философию, она продолжала заниматься гетерами, что очень огорчало мастера, но не потому, что он сожалел о ее легкой нравственности, а потому, что сам был страстно влюблен в одаренную деву. Престарелый и сломленный Эпикур не смог привязать к себе одно только пылкое создание, которое предпочло красивого и богатого Тимарха. Одним из ее ранних любовников был поэт Гермесианакс из Колофона, которому она была обязана своим литературным образованием. Он посвятил ей три книги элегий под названием "*Леонтия*", фрагменты которых сохранились. Слава Леонтии объясняется прежде всего ее авторской деятельностью. Теофраст Перипатетик опубликовал сочинение "*О браке*", в котором сурово обошелся с женским полом. Леонтия написала ответ, в котором проявила столько тонкости, образованности и аргументированности, что Теофраст был полностью разгромлен. Эта работа вызвала всеобщее восхищение, Цицерон похвалил ее, а Плиний воздал должное ее совершенству. К сожалению, для нашего исследования социального положения греческих женщин этот труд утрачен. У Леонтия была дочь, по имени Даная, которая также была

гетерой и последовательной эпикуреянкой. Она стала фавориткой Софрона, префекта Эфеса.

Хотя эпикурейские гетеры навлекали позор на секту, среди членов школы были и благородные женщины с безупречной репутацией. Главной из них была Фемиста, жена Леонтия из Лампсака, которого Страбон называл "самым превосходным человеком города". Эпикур познакомился с супругами во время своего четырехлетнего пребывания в Лампсаке, и на него оказали большое влияние их образованность и культура. Он привлек их к своей философской системе и впоследствии вел с ними, и особенно с Фемистой, самую усердную переписку. Ее имя стало широко известно как в эпикурейских кругах, так и за их пределами. Отец церкви Лактанций считал ее образцом женской культуры и единственным истинным философом среди языческих греков. Фемиста была очень активным автором, и в античности существовала обширная литература о Фемисте, которая полностью исчезла.

Когда различные философские школы, упомянутые выше, начали терять свою власть над человечеством, среди вдумчивых людей проявились две тенденции: первая - сомневаться в возможности установления истины - дух скептицизма; вторая - объединять из более ранних систем все, что казалось наиболее достойным доверия, - дух эклектики.

Две системы, которые больше всего привлекали просвещенных язычников в первые христианские века, были системами Пифагора и Платона, которые имели много точек сходства. В результате объединения этих систем с некоторыми габриэлистскими или восточными элементами возникла философская амальгама, известная как неоплатонизм. Основателем этой системы считается Плотин в третьем веке нашей эры. Благодаря своей привлекательной личности и своевременности своих учений Плотин быстро завоевал большое количество поклонников среди ученых, особенно философов, государственных деятелей, врачей и дам высокого социального положения. Он провел много лет в Риме, где среди его слушателей было много знатных дам, включая императрицу Саломину. Из Рима неоплатонизм распространился по всей империи, и в начале IV века мы находим теософа Иамблиха, который объединил неоплатоническую философию с тауматургией, привлекая к себе большое количество высококультурных мужчин и женщин, которые все еще держались за язычество. Сирия была центром этого движения, которое охватило всю Малую Азию и стало популярным даже в Афинах и Александрии. Среди последователей Иамблиха в Азии была прекрасная и ученая женщина, которая прославилась своей глубокой преданностью этой философии. Сосипатра была красивой и благородной женой Евстафия, префекта Каппадокии. После смерти Евстафия она стала женой своего родственника по имени Филометор и посвятила остаток своей жизни развитию науки и философии, а также воспитанию своих детей, которых она сама обучала и из которых сделала пылких и умных учеников неоплатонизма. В Афинах, где философские занятия надолго пришли в упадок, платонизм был возрожден императором Юлианом Отступником, который назначил Плутарха первым главой Новой Академии. У Плутарха была дочь Асклепигения, посвященная во все тайны неоплатонизма и тауматургии и игравшая видную роль в новой школе. О ней рассказывают, что после смерти отца она сохранила знания о великих оргиях и все тайные предания тауматургии. Вместе со своим братом Гиерием она стала главой Новой академии и своей личностью и лекциями оказывала огромное влияние на философскую молодежь того времени. Ее дочь, Асклепигения Младшая, также была преданной неоплатонисткой и продолжила традиции школы. Но появление двух Асклепигений в истории философии нельзя считать очень важным, поскольку система тауматургии, которую они отстаивали, была бесполезна с научной точки зрения.

Однако примерно в то же время в Александрии жила красивая и образованная язычница, которая стала последней яркой звездой на философском небосклоне перед сумерками богов. Исторический роман Чарльза Кингсли *"Гипатия, или Новые враги со старым лицом"* впечатляюще изобразил женские достоинства, образованность, возвышающее влияние и трагическую судьбу последней из греческих женщин и сделал имя Гипатии общеупотребительным. Его яркое изображение общественной жизни Александрии на заре пятого века наиболее ярко показывает фазы завершающегося конфликта между язычеством и христианством и наделяет атмосферу аэральной ясности и сияния героини, которая почти в одиночку и в одиночку ведет борьбу за старых богов.

Около 370 года у Теона, известного астронома и математика из Александрии, родилась дочь, которой он дал имя Гипатия. Ребенок очень рано проявил необычайные интеллектуальные способности, и Теон сам взял на себя заботу о ее воспитании. Она быстро освоила его любимые предметы - математику и астрономию, а для обучения ее различным отраслям риторики и философии были приглашены самые знаменитые учителя того времени. Преданная и ревностная дева изучала все древние философские системы, а преобладающая в то время система неоплатонизма особенно пришлась ей по вкусу.

Достигнув женского возраста, Гипатия соединила с очарованием необыкновенной красоты все самые редкие черты духа и характера. Она стала объектом лестного уважения со стороны культурных людей; простые люди почитали ее как высшее существо, и даже христиане уважали ее образованность и поведение. Гипатия была достойна всего того восхищения, которое она вызывала. В условиях повсеместной развращенности эпохи она жила безупречно, как весталка. Философия, которую она исповедовала, уберегла ее от загрязнения и вдохновила на любовь к красоте, истине и добру.

Благодаря своей глубокой преданности богам своих отцов, необыкновенным способностям и широкой образованности, выдающимся добродетелям и обаянию всей своей личности, эта прославленная дева представлялась языческому миру высшим существом, посланным богами для защиты древней веры от подрывных учений христиан, - вестником, который оружием возвышенной мудрости и нравственной возвышенности должен одержать победу и вернуть поклонение богам к их былому великолепию. К этому стремилась и дева-философ.

Ранняя женская юность Гипатии пришлась на период, когда вражда с язычеством достигла своего апогея. Ей едва исполнился двадцать один год, когда Феодосий I издал эдикт, повелевающий разрушить языческие храмы и изображения в Александрии, и с этого времени патриархи города стремились осуществлять духовную и мирскую власть и искоренить все остатки язычества.

Против такой оппозиции и пыталась бороться Гипатия. Ее оружие было не плотским, а интеллектуальным. Распространяя знания о греческой философии и литературе, она стремилась пробудить в народе чувства и благоговение перед греческими богами. Поначалу казалось, что ее усилия увенчаются успехом. Ее лекторий был переполнен умными и интеллектуальными людьми того времени, многие приезжали из дальних краев, привлеченные репутацией ее красоты и образованности. Вскоре Гипатия превзошла всех своих современников в мудрости и влиянии и быстро стала душой довольно многочисленной языческой общины Александрии. Эту замечательную деву почитали с преданностью, которая почти граничила с идолопоклонством. Орест, префект города, хотя и исповедовал христианство, часто обращался к ней за советом. Ученый и красноречивый Синезий из Киринеи, впоследствии отец церкви, был одним из ее преданных последователей, и даже после своего обращения в христианство поддерживал с ней переписку и многообразно

проявлял свое почтение к бывшему учителю. Были написаны многочисленные панегирики и эпиграммы, восхваляющие ее в самых возвышенных выражениях.

Таким образом, Гипатия, морально убеждая и избегая открытого противостояния, стремилась отучить народ от христианства и возродить его веру в древних богов. Ее успех в привлечении к язычеству как культурных, так и простых людей, естественно, вызвал ненависть и зависть тех, кто стремился распространить христианство насилием и силой.

Имя Кирилла у отцов Церкви является синонимом фанатизма и фанатизма. Возведенный на архиепископскую кафедру Александрии вместо своего дяди Феофила, он стремился добиться верховной власти в городе и сделать власть Церкви доминирующей в мирских делах. Ему удалось изгнать иудеев, а затем он обратил свое внимание на истребление язычества. Поскольку Ипатия была главной поборницей старых богов, а ее влияние распространялось даже на дворец префекта, Кирилл ненавидел ее со всем рвением фанатизма и жаждал ее падения. Безупречная в поведении, любимая всеми, влиятельная среди гражданских властей, она не поддавалась никаким открытым нападениям, и Кирилл в конце концов смирился с бесчеловечным и отвратительным заговором убийства, придуманным самым жестоким из его последователей - диаконом Петром.

Однажды в марте 415 года Петр тайно собрал в переулке неподалеку от лектория Ипатия группу диких монахов из Нитрийской пустыни. Когда наступил обычный час лекции, Гипатия, не подозревая об опасности, вышла из дома и села в колесницу, чтобы ехать в лекционный зал. Вскоре толпа фанатиков во главе с Петром выбегает из переулочка, захватывает лошадей, срывает беспомощную женщину с места и тащит ее в соседнюю церковь. Здесь, больше похожие на диких зверей, чем на людей, обезумевшие последователи Петра срывают с нее все одежды и у подножия кровоточащего образа Спасителя человечества самым ужасным образом умерщвляют девственную мученицу осколками черепицы и раковинами мидий. Конечности отрываются от еще трепещущего тела, и, когда жизнь угасает, воющая толпа собирает и сжигает фрагменты изуродованного труп.

Это было ужасное деяние. Жизнь прекрасной и талантливой девы была принесена в жертву делу, которое она исповедовала, и, как многие христианские девы, она достигла своей смертью святости мученичества. Чистота и благородство ее характера обеспечили ей непреходящую славу, и, хотя ее конец знаменует гибель старых богов, сама Гипатия никогда не будет забыта. Если судить по неизменным результатам ее деятельности, Гипатия была, подобно Шелли, "прекрасным и неэффективным ангелом, тщетно бьющим в пустоту своими светлыми крыльями", но как воплощение самых высоких и лучших элементов греческой культуры она заслуживает звания одной из самых типичных греческих женщин.

Своеобразная и глубоко укоренившаяся черта женской натуры - нежное сострадание и сочувственная преданность страдающему человечеству. Поэтому начиная с героических времен и далее в различные эпохи греческой истории мы видим женщин у постели больных и раненых, выполняющих функции сиделки, медсестры или врача. Поэтому неудивительно, что греческие женщины занимали ведущие позиции в искусстве медицины.

В героическую эпоху гомеровские героини были одарены знанием растений и их достоинств. Геката, жена колхидского царя Ээта, ее дочь Медея и Цирцея были настолько знамениты в этом отношении, что их считали чаровницами. Достаточно вспомнить превращение спутников Одиссея в свиней, чтобы убедиться в особой силе Цирцеи. Все дочери врача Асклепия - Гигея, Панакея, Иасо и Игле - были специалистами в области медицины. Елена Троянская умела составлять свое знаменитое зелье "Непенте", которое заставляло мужчин

забывать обо всех заботах и наслаждаться крепким сном; а Энона, покинутая жена Париса, и Агамед, дочь элисского царя, были искусны в использовании снадобий.

В исторические времена фессалийские женщины славились своими знаниями о свойствах растений и были знакомы со всеми видами колдовства. К ним часто обращались за приготовлением "любовных зелий", а в качестве повитух они были востребованы по всей Элладе. Женщины, естественно, предпочитали услуги женщин при тех недугах, которые свойственны их полу; но в древних Афинах, столь недружелюбных к женскому полу в своих законах, существовал закон, запрещающий женщинам заниматься гинекологией как профессией. Женщины взбунтовались, но их жалобы оказались безрезультатными.

Агнодис, дата рождения которой неизвестна, - так звали отважную деву, которая нарушила сложившиеся традиции и отвоевала естественное право для своего пола. Она задумала тайно изучать медицину, пока не станет специалистом, а затем предлагать свои услуги женщинам, также тайно, для лечения, особенно в случае беременности. Для этого она обрезала волосы, приняла мужскую одежду и, будучи многообещающим юношей, взяла уроки медицины у Иерофила, знаменитого врача. Она быстро продвигалась вперед, и когда ее признали достаточно подготовленной для самостоятельной практики, она открыла свою личность будущим матерям, которые с радостью воспользовались ее услугами, так что вскоре она получила монополию на этот вид практики. Другие врачи, естественно, были охвачены завистью и недовольством, что молодой доктор вытесняет их, и в конце концов они выдвинули обвинения в недобросовестной работе против предполагаемого молодого специалиста. Агнодис предстала перед судом и в порядке самозащиты была вынуждена открыть свой пол. После этого пожилые врачи попытались добиться применения законов против нее, но все видные дамы города встали на ее сторону, и неприятные законы были отменены.

С тех пор медицину изучало большое количество женщин, большинство из которых посвящали свое внимание болезням женщин и детей. Эти женщины-врачи часто выступают в качестве авторов медицинских трудов, особенно по гинекологии и педиатрии. Они также создали множество трактатов по косметике, которая считалась одной из отраслей гигиены и усердно культивировалась многими выдающимися врачами. Эти женщины соперничали друг с другом в открытии бесконечного разнообразия туалетных средств, косметических облаток, мазей для кожи и волос, паст и пудр, а также винных эссенций для удаления прыщей и веснушек.

В более поздние и безнравственные времена женщины-врачи с удовольствием отдавали свои таланты деморализации и разврату и писали трактаты о любовных зельях и abortивных средствах - неблагоприятная форма литературы, очень популярная среди гецев, и которая, по словам Плиния, находила прилежных читателей среди великих дам Рима. Из всех многочисленных произведений женских докторов до нас дошли лишь фрагменты и выдержки, и об их утрате не приходится сильно сожалеть. Тем не менее, эти женщины - пионеры женской эмансипации, и самые выдающиеся из них заслуживают того, чтобы быть спасенными от забвения.

Величайшей из них была Аспасия - не любимица Перикла и не преданная спутница Кира Младшего, а "медицинская" Аспасия, которая была выдающейся фигурой в Афинах четвертого века до христианской эры. Она достигла большой славы не только в женских болезнях, но и в хирургии и других отраслях медицины, как можно судить по названиям ее работ, сохранных Аэтием, врачом и писателем пятого века нашей эры. Из того, что известно о ней, ясно, что афинские женщины не видели ничего криминального в том, чтобы

давать и использовать аборты. Даже Аристотель хотел, чтобы был принят закон, регулирующий количество детей, которых может родить женщина.

Антиохия, которой посвятил свои труды Гераклид Тарентумский, один из лучших врачей древности, была практикующей женщиной-врачом в Магна-Греции, в третьем веке до Рождества Христова, которая уделяла особое внимание мазям и гипсовым лекарствам. Великой Клеопатре приписывают авторство работы "О медицинских средствах сохранения красоты"; но, вероятно, существовал один или несколько врачей с таким именем, поскольку существуют различные трактаты, приписываемые "Клеопатре". Другие женщины-врачи, о которых мы знаем не более чем имена и названия их работ, - Олимпия Беотийская, Салпе, Элефантида, Сотира, Памфила, Мирон, Спендуса, Майя и Береника.

Мы не можем позволить себе больше, чем просто обратить внимание на многих мудрых и способных женщин Эллады, которые были выдающимися в других отраслях знаний. В исторических трудах стоит упомянуть дочь Фукидида, которая, как говорят, написала восьмую книгу истории Пелопоннесской войны своего отца; Никобул, автор истории Александра Македонского, была еще одной прекрасной женщиной-писателем. Плутарх собрал вокруг себя ученый круг женщин, главными из которых были Клеа, умная матрона из Дельф, которой он посвятил несколько своих работ, и Эвридика, которая наслаждалась его наставлениями. Аганика, дочь Гегетора Фессалийского, обладала поразительными познаниями в астрономии и считалась чародейкой. Меланиппе скульптор Лисистрат воздвиг памятник в знак признания ее образованности.

Александрия с ее огромным количеством ученых, библиотеками и музеями, а также интеллектуальной свободой для женщин, естественно, породила большое количество женщин, выдающихся в области истории и филологии. Часто дочери филологов с детства обучались у своих отцов и впоследствии становились их спутницами и секретаршами в литературных трудах. Самой выдающейся из этих литературных женщин-грамматиков была, несомненно, Хестиея Александрийская, выдающийся гомеровский ученый, которая первой уделила научное внимание топографии "Илиады" и поставила под сомнение общепринятое мнение о том, что Новый Илиум был местом расположения древней Трои. Памфила, дочь грамматика Сотерида и жена ученого Сократиды, была женщиной с широкой эрудицией, особенно известной как эссеист и историк. Другие, чьи имена связаны с подобными трудами, - Агаллис, Феодора и Теосебия.

Когда человек размышляет о разнообразной деятельности греческих женщин, он приходит к выводу, что в интеллектуальном плане они были столь же изобретательны и блестящи, как и греческие мужчины, которые установили стандарты для всего мира в области литературы и науки. Ум - самая яркая характеристика греческого интеллекта, и эта черта принадлежала женскому полу так же искренне, как и мужскому. Эпоха Возрождения дает примеры женщин, прославившихся своей эрудицией и культурой; но, пожалуй, только современная эпоха может служить адекватной параллелью разнообразной интеллектуальной деятельности греческих женщин в течение столетий, последовавших за упадком греческой независимости, когда греческая культура распространилась среди всех цивилизованных народов. Поэтому современные женщины могут многому научиться у своих греческих сестер во всем, что касается так называемой эмансипации пола.

XIV

МАКЕДОНСКАЯ ЖЕНЩИНА

Отделенная от земель эллинов грядой Камбунских гор, протянувшихся к северу от Фессалии от горы Олимп на востоке до горы Лакмон на западе, лежала труднопроходимая страна, жителям которой суждено было сыграть заметную роль и стать мощным фактором в последующей истории Греции. Эта страна, разделенная на множество бассейнов отрогами, ответвляющимися от более высоких горных цепей, своей горной системой не только отгораживала людей от внешнего мира, но и запрещала какие-либо широкие сношения между жителями различных кантонов. Однако широкие плодородные долины и горные склоны, изобилующие обширными лесами, где водится дичь, свидетельствуют о том, что эта земля была страной великого народа, который в течение многих поколений уединения накапливал силу и жизненные силы, чтобы оказать огромное влияние, когда бы он ни вырвался за пределы своих узких границ.

Такой народ там жил, но требовались сильные лидеры, чтобы привести его в соприкосновение с богатой эллинской жизнью к югу от него и сделать его мощным фактором в истории мира. Филипп, повелитель Македонии, и его могучий сын Александр стали теми великими людьми, которым предстояло привить новую кровь и энергию Македонии к угасающей греческой культуре и распространить дух эллинизма по всему цивилизованному миру. Вместе с ними уходил в прошлое старый порядок вещей, представленный Афинами и Спартой, и рождался новый порядок, с новыми идеалами, новыми мотивами, новыми взглядами на жизнь. Поэтому жители Македонии, сами греки по происхождению, занимают важное место при рассмотрении любого этапа греческой жизни. Когда эллины первоначально мигрировали в Грецию, часть их расы оказалась в юго-западной части Македона за барьерами Олимпа, а позже, смешавшись с иллирийцами и другими варварскими расами, эти захватчики потеряли некоторые из своих национальных особенностей и, будучи отрезанными от других, не смогли принять участие в истории и развитии своих сородичей на юге. Однако по языку, институтам и устремлениям они неопровержимо доказали свое право считаться членами великой эллинской семьи.

Это был выносливый крестьянский народ, занимавшийся охотой, выпасом скота и земледелием, сохранивший патриархальные устои, существовавшие у первых греков. Они были разделены на множество племен, каждое из которых имело своего вождя и лидера. Среди некоторых более выносливых племен человеку, не убившему кабана, не разрешалось садиться за стол вместе с воинами, а не убитый враг считался знаком позора. В племенной организации и в институте царской власти мы возвращаемся к обществу гомеровских времен, и во многих отношениях общественная и частная жизнь македонцев отражает жизнь, изображенную в "Илиаде" и "Одиссее".

Аристотель отмечает, что из всех греческих народов древняя царская власть сохранилась только у спартанцев, молоссов и македонян, и только у последних она сохранила все свои prerogatives. Как в героическую эпоху, так и в Македонии царь был верховным судьей, главнокомандующим и главой государственной религии. Но он не был восточным деспотом. Народ сознавал свою свободу и трепетно относился к своим правам. Рядом с королем

стояли дворяне, которые были тесно связаны с ним во все времена, составляли его совет, сопровождали его на войну, делили с ним опасности и почести. Поскольку население в основном было сельским, в стране не было ни одного из условий, способных свести на нет клановые различия и создать демократию. Границы между знатными и крестьянами были очень широкими. Таким образом, Македон был по сути династическим государством, и его история - это в основном история царской семьи. Как мы уже не раз отмечали, в монархиях женщина всегда является самым влиятельным фактором. У царя должен быть двор, а двор не может быть без царицы. Жизнь королевы обязательно имеет общественные, политические и военные аспекты, и от того, какую роль она играет, во многом зависит благо или горе короля и народа. Поэтому именно о царской семье Македонии и о тех царицах и принцессах, которые составляют большую часть ее истории, мы сейчас и поговорим.

Царская семья Македонии претендовала на происхождение от членов древнего рода Гераклидов из Аргоса, укrywшихся на севере; и это происхождение было настолько доказательным, что на его основании один из ранних царей был допущен к Олимпийским играм. Геродот, великий рассказчик, повествует о происшествии, связанном с основанием династии. Согласно его рассказу, три брата из царского рода Темена, четвертого по происхождению от Геракла, - Гауан, Эроп и Пердикка, изгнанники из Аргоса, отправились в Иллирию, а оттуда в верхний Македон, где, как пастухи, поступили на службу к Лебею, одному из местных царей. И вот, когда царица пекла хлеб для их еды, она всегда замечала, что буханка, предназначенная Пердикке, удваивает свой вес; она сообщила об этом чуде своему мужу, который увидел в этом опасность и приказал трем братьям покинуть страну. Они ответили, что уйдут, как только получат свое жалованье. Тогда король, сидевший у очага, на который через отверстие в крыше падал солнечный свет, как бы по божественному вдохновению сказал братьям, указывая на свет на полу: "Я дам вам это; это ваше жалованье". При этих словах два старших брата потеряли дар речи, а младший, державший в руке нож, сказал: "Очень хорошо, мы принимаем это". И, очертив ножом круг на полу вокруг лучей, он трижды опускался, каждый раз делая вид, что берет солнечный свет, кладет его в складки своей одежды и раздает братьям; после чего все они уходили. Один из сидевших рядом обратил внимание царя на такое поведение юноши и на то, как он принял предложенное ему; и царь, встревожившись и разгневавшись, послал всадников за братьями и убил их. В той стране есть река, которой потомки этих аргивян приносят жертвы, как богу. Эта река, после того как беглецы переправились через нее, внезапно так вздулась, что всадники не осмелились следовать за ними. Братья прибыли в другую часть Македона и обосновались у озера, называемого Садами Мидаса, и, покорив страну в этих краях, отправились завоевывать остальную часть Македона.

Геродот утверждает, что Пердикка I. основал царствующую династию в Македонии, а в качестве его преемников упоминает Аргея, Филиппа, Еропа, Алкета и Аминта I., сыну которого, Александру "Филэллину", греки разрешили участвовать в Олимпийских играх. Однажды этот Александр подверг жестокому наказанию персидских посланников, которые на пиру забыли об уважении, оказываемом дамам при македонском дворе; он приказал убить их компании молодых людей, переодетых в женские наряды. Когда персы прислали требовать наказания виновных, Александр уговорил посланника отдать ему в жены свою сестру.

Этот Александр, ставший царем в 500 году до христианской эры, начинает серию тех македонских царей, которые почувствовали необходимость эллинизации своего народа, и его правление, соответственно, знаменует собой поворотный момент в истории Македонии. Его преемниками были Пердикка II, Архелай I и Аминтас II, которые продолжили эту политику;

но эта насильственная цивилизация ни в коем случае не охватила народные массы, и, хотя она облагородила аристократию и двор и открыла путь для македонского вторжения в Грецию, она также привела к роскоши и коррупции. Аминтас II оставил трех сыновей, Александра II, Пердикку III и Филиппа, последний из которых был так хорошо известен; а Эвридика, мать этих трех доблестных сыновей, была первой из той серии замечательных женщин, отмеченных своей властью, красотой или преступлениями, которые с этого времени заполнили анналы македонской истории.

В своих варварских инстинктах Эвридика свидетельствует о том, что в ее жилах течет незллинская кровь. Ее преступная карьера была такой, что ее можно поставить в один ряд с Мессалиной и Лукрецией Борджиа в истории. Сначала она была замешана в заговоре против жизни мужа вместе со своим любовником, Птолемеем Алорским, но когда заговор был раскрыт, муж милостиво пощадил ее из уважения к трем сыновьям. Старший Александр стал преемником отца, но, процарствовав два года, был убит Птолемеем, а его собственная мать стала сообщницей убийцы. Когда Пердикка достиг зрелого возраста, он отомстил за смерть брата и позор матери, убив Птолемея; сам же он через несколько лет пал в битве с иллирийцами или, как утверждали, от руки убийцы, нанятого его матерью Эвридикой. На престол взошел следующий по очереди Филипп, которому удалось обезопасить себя от покушений матери и примирить все группировки. После этого Эвридика исчезает со сцены, и способ ее смерти неизвестен. Наследственность, несомненно, во многом обусловила жестокость натуры Филиппа, и, несмотря на ее преступления, он, кажется, очень уважал свою кровожадную мать, поскольку поместил ее фигуру среди статуй из золота и олова, украшающих монумент, который он воздвиг в честь своей победы над афинянами и фиванцами в Херонее.

Мы не рассматриваем здесь ни рост власти Филиппа над Элладой, ни историю его сына Александра и созданной им империи, за исключением того, что распространение эллинизма и объединение мира под единым владычеством привели к изменениям в социальных условиях, которые повлияли на положение женщины. В настоящее время мы ограничимся рассмотрением тех женщин, главным образом царственных принцесс, чьи имена связаны с карьерой Филиппа и Александра и их ближайших преемников и которые своими сильными личностными качествами оказали значительное влияние на ход событий.

Несколько общих рассуждений подготовят нас к мрачной истории, которую мы собираемся прочесть. Македонские цари, как правило, не довольствовались одной женой; они либо держали наложниц, либо женились на второй жене, как Филипп и Александр, пока была жива первая. Такая практика приводила к ревности, зависти и ненависти, а также к сопутствующим недугам - постоянным кровавым трагедиям в царских семьях. Отныне мы видим сочетание греческих нравов и македонской природы. В жизни двора женщины, как и мужчины, несмотря на греческую культуру, проявляют фракийские черты страсти и жестокости. Из-за глубокого уважения, которым пользовались женщины, царские принцессы занимали возвышенное положение и, следовательно, находили желаемые инструменты для осуществления своих жестоких действий. Каждый король был либо убит, либо заговорен против своей семьи. Женщины вступали в брачные союзы, чтобы увеличить свою власть и расширить влияние. Поэтому женщины, сыгравшие столь заметную роль в великой борьбе, сопровождавшей распространение власти Филиппа на всю Элладу, завоевание мира Александром и основание независимых династий Диадохами и их потомками, не были женщинами, достигшими фукидидовского идеала совершенства, а именно: лучшими женщинами считаются те, о которых никогда не упоминают мужчины ни за добро, ни за зло. Напротив, это были властные и надменные принцессы, обладавшие

царскими правами и привилегиями, имевшие собственные денежные и военные ресурсы, умевшие обращаться к войскам с пламенными речами и идти в бой во главе своих армий, делавшие мужчинам предложения руки и сердца и в конце концов избавлявшиеся от соперниц со злобещим хладнокровием и жестокостью.

Филипп Македонский следовал восточной моде жениться на многих женах; по словам Афиней, он постоянно женился на новых женах во время войны, и ему приписывают семь более или менее регулярных браков. Среди его многочисленных жен или любовниц главной была сильная духом Олимпия; поскольку она пережила и своего мужа Филиппа, и своего сына Александра, она сыграла важнейшую роль в истории Македонии и была самой выдающейся женщиной тех бурных времен. Олимпия была дочерью Неоптолема, царя Эпира, который вел свою родословную от Неоптолема, сына Ахилла. Говорят, что Филипп влюбился в Олимпию во время их посвящения в религиозные таинства в Самофракии, когда он был еще мальчишкой, а она - сиротой. Он был пылким в своем стремлении и, получив согласие ее брата Аримбаса, вскоре женился на ней. Мы ничего не знаем о первых нескольких годах их супружеской жизни, но, похоже, этот союз никогда не был счастливым. Оба были слишком яркими индивидуальностями, чтобы хорошо сочетаться друг с другом. Президент Уилер сказал: "Оба были в высшей степени амбициозны, энергичны и агрессивны; но если амбиции Филиппа направлялись холодной, хитрой проницательностью, то амбиции его королевы проявлялись в бурных вспышках почти варварских эмоций. В ней удивительным образом соединились мать, королева, строптивка и ведьма. Страстная пылкость ее натуры находила свое наиболее полное выражение в диких экстазах и грубых суевериях ее родных религиозных обрядов".

Плутарх наглядно описывает религиозный накал натуры Олимпии: "По другой версии, все женщины этой страны, всегда пристрастившиеся к орфическим и дионисийским таинственным обрядам, во многом подражали эдонским и фракийским женщинам на горе Хемус, и что Олимпия, в своем ненормальном стремлении окружить эти состояния транса и вдохновения более варварским ужасом, во время священных танцев имела обыкновение держать при себе больших прирученных змей, которые, иногда выползая из плюща и мистических вееров, а иногда обвиваясь вокруг посохов и чаш, которые несли женщины, представляли собой ужасающее зрелище для мужчин, которые смотрели."

В Олимпии мы находим все черты характера, которые могут породить эгоизм и властолюбие в сочетании с сильным религиозным рвением, а ее преданность странным религиозным обрядам делает историю ее жизни еще более ужасной. С другим мужем она могла бы стать хорошей женщиной, но при столкновении двух таких натур неизбежно возникает много зла. К своему маленькому сыну, Александру, она была горячо привязана и ждала от него многого. Незадолго до брака с Филиппом ей приснилось, что на ее тело упала молния, от которой разгорелся большой пожар, разделенное пламя которого разлетелось во все стороны, а затем погасло. Позднее этот сон был расценен как предвестие быстрого распространения империи Александра и ее окончательного распада среди диадохов.

Многочисленные измены и браки Филиппа привели к разрыву между ним и Олимпией, который имел далеко идущие последствия. Они достигли своего апогея, когда Филипп с большой церемонией женился на Клеопатре, племяннице своего полководца Атталы. На свадебном пиру Аттал, дядя невесты, разгоряченный вином, воскликнул:

"Македонцы, помолимся богам, чтобы от этого брака родился наследник престола!". Тогда присутствовавший при этом Александр, жестоко раздраженный этой речью, бросил один из кубков в голову Атталы и воскликнул: "Ты, злодей, что! Неужели я бастард?". Филипп, приняв

сторону Аттала, поднялся и хотел пронзить сына мечом, но, одолеваемый яростью и выпивкой, поскользнулся и упал на пол. "Вот человек, - презрительно воскликнул принц, - готовящийся перейти из Европы в Азию, который не может спокойно переступить с одного стола на другой". Этот инцидент привел к кульминации отчуждения между Филиппом и его женой и Александром. Олимпия и Александр бежали, одна укрылась у своего брата, царя Эпира, а другой отправился в Иллирию, где оставался до тех пор, пока не произошло своего рода примирение в результате брака дочери Филиппа, Клеопатры, с эпирским царем. Когда Филипп был убит, подозрения в соучастии в убийстве пали и на Олимпию, и на Александра. Поведение молодого человека полностью оправдывает его, но было бы не странно, если бы мать, желая отомстить за себя и за сына, пособничала юноше Павсанию, который и совершил это преступление.

Олимпия не терпела соперников и вскоре после убийства Филиппа отправила на тот свет последнюю жену царя, Клеопатру, с ее младенцем сыном. На протяжении всей блестящей, но недолгой карьеры Александра Олимпия оставалась в Македонии и пользовалась царской властью. Кажется, что ее и ее сына связывали самые тесные узы привязанности и уважения. Однако с Антипатром, которого Александр оставил управлять Македонией в его отсутствие, она постоянно ссорилась. Плутарх интересно рассказывает об интимных отношениях между матерью и сыном и о ссорах между старой царицей и регентом:

"Насколько он, Александр, был великодушен в обогащении своих друзей, видно из письма, которое написала ему Олимпия, где она говорит ему, что он должен награждать тех, кто рядом с ним, более умеренно. Она говорит: "Ведь теперь ты делаешь их всех равными царям, даешь им власть и возможность заводить себе множество друзей, а сам тем временем остаешься без средств к существованию". Она часто писала ему с этой целью. Он прислал ей множество подарков, но никогда не позволял ей вмешиваться в государственные или военные дела, не потакая ее вспыльчивому нраву; и когда она из-за этого с ним рассорилась, он терпеливо сносил ее дурное настроение. Более того, когда он прочитал длинное письмо от Антипатра, полное обвинений в ее адрес, "Антипатр, - сказал он, - не знает, что одна слеза матери стирает тысячу таких писем, как эти".

"Весть о трудностях, с которыми он столкнулся во время своей индийской экспедиции, стала поводом для восстаний среди многих покоренных народов, а также для актов большой несправедливости, скупости и наглости со стороны сатрапов и военачальников. Даже у себя дома Олимпия и ее дочь Клеопатра подняли фракцию против Антипатра и разделили между собой его правительство: Олимпия захватила Эпир, а Клеопатра - Македон. Когда Александру рассказали об этом, он сказал, что его мать сделала лучший выбор, так как македонцы никогда бы не согласились, чтобы ими управляла женщина".

После смерти Александра Олимпия с большой преданностью выступила на стороне своей невестки Роксаны и юного Александра против интриг полководцев и сделала все возможное, чтобы отстоять их права в противостоянии с холодным и расчетливым Кассандром. Диодор наглядно описывает ее последние дни:

"Как только Олимпия услышала, что Кассандр вступает в Македонию с большим войском, она, взяв с собой сына Александра и его мать Роксану, а также других родственников и знатных родственников, вошла в город Пидну. В этом месте не было достаточно провизии, чтобы такое множество людей могло выдержать долгую осаду. Тем не менее она решила остаться здесь, ожидая, что многие греки и македонцы придут к ней на помощь по морю. Наступила весна, и голод усиливался с каждым днем, тогда большинство воинов собралось в кучу и умоляло Олимпиаду позволить им покинуть это место из-за скудости, но та, не имея

возможности снабдить их хлебом, отпустила их. Наконец Олимпия, заметив, что многие перешли к Кассандру, без промедления приготовила галеру с пятью веслами, намереваясь спасти себя и своих близких; но, узнав о том, что некоторые из дезертиров попали к врагу, Кассандр подплыл к этому месту и захватил судно. Тогда Олимпия послала к Кассандру глашатая, чтобы договориться об условиях умиротворения, но тот настаивал на том, чтобы она сама отдалась на его милость; в конце концов она добилась лишь сохранения своей личности. Тогда он подстрекнул родственников тех, кто был предан смерти Олимпией, преследовать ее в общем собрании македонян, которые с готовностью выполнили то, что от них требовали; и хотя сама она тогда не присутствовала, и не было никого, кто мог бы выступить в ее защиту, македоняне все же приговорили ее к смерти. Кассандр послал к Олимпии нескольких своих друзей, посоветовал ей убраться с дороги и обещал доставить для нее корабль и благополучно доставить в Афины. Он сделал это не для ее спасения, а для того, чтобы, признав свою вину в бегстве, справедливо отомстить ей, если ее перережут во время плавания; ведь он боялся как переменчивого нрава македонян, так и достоинства ее персоны. Но Олимпия отказалась бежать и заявила, что готова защищать свое дело перед всеми македонянами. Тогда Кассандр, опасаясь, как бы народ не передумал и не взялся защищать царицу, послал к ней отряд из двухсот воинов с приказом немедленно отправить ее, которые, внезапно бросившись во дворец, как только увидели ее, в знак почтения к ее особе, отступили, не исполнив приказа. Но родственники тех, кого она предала смерти, желая задобрить Кассандра и отомстить за смерть своих родственников, перерезали ей горло, причем она ничуть не вскрикнула от женского ужаса или страха, чтобы пощадить ее. Так умерла Олимпия, величайшая и почтеннейшая женщина в ту эпоху, когда она жила, дочь Неоптолема, царя Эпира, сестра Пирра, совершившего поход в Италию, жена Филиппа, величайшего и победоноснейшего царя из всех, когда-либо живших в Европе, и, наконец, мать Александра, которого никто не превзошел по множеству великих и удивительных дел, совершенных им".

Таким образом, Олимпия в своей смерти, как и в жизни, показала себя королевой; несмотря на свой нрав и кровожадность, она заслуживает высокого места в истории женского рода благодаря своей неустанной преданности своему сыну и его беспомощной вдове и ребенку вопреки махинациям жестоких и могущественных людей.

У Филиппа было три дочери, которые занимают видное место в македонской истории: Цинана, от иллирийской принцессы, которая фигурирует в истории ее дочери Эвридики, о которой мы расскажем позже; Фессалоника, на которой женился Кассандр после того, как убил Олимпию и всех наследников Александра, и в честь которой он назвал знаменитый город, который он построил; и Клеопатра, полная сестра Александра, которая была сначала замужем за своим дядей, Александром, царем Эпира, убитым в Италии во время его попытки покорить Запад. Молодая принцесса Клеопатра осталась вдовой и успела сделать карьеру в бурные дни, последовавшие за смертью мирового монарха. Она вернулась в Македонию, и, несмотря на то, что она и ее мать Олимпия отличались буйным нравом и часто ссорились, их интересы были слишком тесно связаны, чтобы допустить постоянную разлуку. Ее притязания на трон были самыми сильными, наряду с притязаниями младенца Александра, и, как следствие, она была очень желанна в браке, и ее выбирали почти все выдающиеся мужчины того времени. Она рассматривала брак как законное оружие дипломатии для продвижения своих интересов и усиления влияния. Однако с мужчинами, которых она предлагала удостоить своей руки, происходила печальная фатальность. Сначала она выбрала, вероятно, из пылкой привязанности, Леоннату, одного из самых галантных полководцев Александра, но он был убит, когда помогал Антипатру перед Ламией. Тогда мать предложила ее руку Пердикке, когда он стал регентом, и он с радостью принял ее; но прежде чем свадьба была

отпразднована, он был убит во время нападения на Египет. Если бы верный Эвмен победил в долгой борьбе с Антигоном, Клеопатра, несомненно, вышла бы за него замуж, несмотря на то, что он не принадлежал к царской крови. Затем она в течение пятнадцати лет жила в Сардах, среди пышности и роскоши, естественно присущих столь знатной и красивой принцессе, и стала объектом интриг среди соперничающих полководцев. Старый Антипатр, назначенный регентом, обвинил ее в измене и мятеже; но она публично защищала себя на родном языке перед македонскими солдатами, и так велико было ее влияние на них, что Антипатр благоразумно решил снять обвинение и больше не преследовал ее. Однако в конце концов в Сардах она попала во власть своего старого врага Антигона. Понимая, что ей грозит опасность, эта несокрушимая принцесса, хотя ей уже было за пятьдесят, планировала побег и бегство в Египет, чтобы выйти замуж за Птолемея, у которого уже было две жены и взрослые дети. Чтобы предотвратить этот брак царицы со своим сильнейшим соперником, Антигон предал ее смерти.

Клеопатра проявляла ту же силу личности и независимость характера, что и ее мать Олимпия, и, кроме того, обладала всеми преимуществами образования и культуры, которые естественно должны были достаться сестре Александра. От своей матери и других македонских принцесс того времени она отличалась тем, что на нее нельзя было свалить ни одного убийства.

Когда мы переходим к Кинане, третьей дочери Филиппа, мы видим другой тип женственности. В ней проявилась иллирийская кровь: она любила прогулки на свежем воздухе, была искусной наездницей и даже вступала в бой во главе своего войска. Первым браком Филипп выдал ее за своего двоюродного брата Аминтаса. Оставшись вдовой, она посвятила себя воспитанию своей дочери Эвридики, которую обучала тем же боевым упражнениям, которыми славилась сама. Когда Филипп Арридей, слабоумный сводный брат Александра, сын танцовщицы Филинны из Лариссы, был провозглашен совместным наследником владений Александра вместе с посмертным сыном Роксаны, Цинан решила выдать его замуж за свою дочь и отправилась в Азию для достижения этой цели. Поскольку ее влияние было очень велико, Пердикка и Антипатр решили предотвратить такое развитие событий убийством матери, и Пердикка послал своего брата Алкетас встретить ее по дороге и предать смерти. Однако своей доблестью и красноречием она покорила македонских воинов, так что планы полководцев не могли быть осуществлены публично; но, пренебрегая чувствами солдат, Алкетас тайно осуществил безжалостный заговор, и Цинан встретила свою гибель с мужественным духом. После смерти матери недовольство македонских войск и уважение, с которым они смотрели на Эвридику, как на одного из немногих оставшихся в живых членов царского дома, побудили Пердикку не только сохранить Эвридике жизнь, но и отдать ее в жены несчастному царю Филиппу Арридасу, чьи ослабленные умственные способности были вызваны лекарствами Олимпии - царицы, которая не переставала мстить своим соперницам в любви Филиппа и их злосчастному потомству.

Затем началась долгая и ожесточенная борьба за власть между новой царицей Эвридикой и старой царицей Олимпией, которая приняла роль Роксаны и ее сына; и только превосходство Олимпии, как матери Александра, над уважением македонской армии привело к окончательной победе над ее одаренной и могущественной соперницей. Эти враждебные группировки в царской партии Македонии должны были привести к исчезновению всех законных наследников престола. После смерти своего смертельного врага Антипатра Эвридика решила предпринять активную кампанию против его преемника, менее способного Полисперхона, который вступил в союз с Олимпией. Поэтому она заключила союз с Кассандром, собрала армию и лично выступила в поход. Полисперхон

выступил против нее в сопровождении Олимпии и Роксаны с юным Александром, и присутствие Олимпии решило исход битвы.

"Как войска Алкета не хотели сражаться против нее и Кинана, так и войска Эвридики покинули ее, когда она повела их против царицы-матери. Это был момент, когда сдерживаемая в течение многих лет ярость Олимпии вырвалась наружу. Среди оргий убийств и расчленения врагов она не могла пощадить потомство неверного Филиппа, ведь Филипп Арридей был сыном фессалийской танцовщицы, а Эвридика - внучкой иллирийского дикаря. Она заперла их в доме и намеревалась умертвить постепенным голодом. Но ее люди стали возражать, и тогда, приказав фракийцам застрелить Филиппа, она послала Эвридике меч, недоуздок и болиголов, чтобы та сделала свой выбор. Но та, молясь, чтобы Олимпия получила те же дары, сложила конечности мужа и, как могла, омыла его раны, а затем, ни слова не сказав о своей судьбе и величии своего несчастья, повесилась на недоуздок. Если эти женщины не умели жить, они умели умирать".

Следует сказать несколько слов об Александре Македонском и его отношениях с представительницами прекрасного пола; ведь несмотря на то, что в карьере Александра главную роль играет персиянка, именно разрушение барьеров между греком и варваром, между Западом и Востоком подготовило почву для большей свободы женщины в последующих поколениях; и в молодые годы, прежде чем стать мировым завоевателем, на Александра оказали большое влияние некоторые женщины из его семьи. Мы уже говорили о его горячей привязанности и уважении к царице-матери. В детстве у него также была кормилица Ланис, к которой он был преданно привязан: "Он любил ее как мать", - говорит один древний писатель. Ее сыновья отдали за него свои жизни в боях, а ее единственный брат, Клит, который однажды спас его от неминуемой смерти, был впоследствии зарублен собственными руками Александра в порыве гнева. Этот поступок вызвал у завоевателя бесконечное сожаление и раскаяние, и Арриан наглядно рассказывает, как, рыдая на покаянном ложе, "он постоянно призывал имя Клита и имя Ланис, сестры Клита, которая кормила и воспитывала его - Ланис, дочь Дропидеса, - "Справедливо воздал я в годы мужества за твоё воспитание и заботу - ты, которая видела, как твои сыновья умирали, сражаясь за меня; а теперь я убил брата твоего собственной рукой!"

Другой подругой его юности была дама знатного происхождения по имени Ада, которую он удостоил титула "мать", а позже утвердил как царицу Карию. Плутарх рассказывает, как в знак дружеского внимания она ежедневно присылала ему не только всевозможные блюда и пироги, но и, наконец, дошла до того, что стала посылать ему самых умных поваров и пекарей, каких только могла найти, хотя, благодаря строгому воспитанию своего наставника, он был крайне умерен в еде и питье и не пользовался ее побрякками.

Александр всегда был внимателен к женщинам, даже когда они попадали в плен во время битвы, и Плутарх рассказывает интересную историю о его обращении со знатной дамой из Фив, когда он захватил и собирался разрушить этот город:

"Среди прочих бедствий, постигших город, случилось так, что несколько фракийских воинов, ворвавшись в дом одной матроны с высоким характером и репутацией, по имени Тимиха, их капитан, применив к ней насилие, чтобы удовлетворить свою жадность и похоть, спросил ее, не знает ли она, где спрятаны деньги, на что она охотно ответила, что знает, и велела ему идти за ней в сад, где она показала ему колодец, в который, как она сказала ему, при взятии города она бросила все, что у нее было самого ценного. Когда жадный фракиец наклонился, чтобы посмотреть, где, по его мнению, лежит сокровище, она подошла к нему сзади и столкнула его в колодец, а затем бросала в него большие камни, пока не убила его. После

этого, когда воины повели ее, связанную, к Александру, сама ее походка и мимика показывали, что она женщина достойная и не менее возвышенная. Когда же царь спросил ее, кто она такая, она ответила: "Я сестра Феагена, который сражался в битве при Херонее с твоим отцом Филиппом и пал там, командуя за свободу Греции". Александр был так удивлен и ее поступком, и ее словами, что не мог не отдать ей и ее детям свободу".

Злоключения македонских принцесс разделили персидские жены Александра. Роксана, дочь бактрийского сатрапа, чья молодость и красота очаровали его на пиру, была первой из его жен. Позже, празднуя в Сузах объединение Европы и Азии путем женитьбы своих греческих офицеров на персидских девах, он сам женился на Статире, дочери Дария. "После смерти Александра Роксана, - рассказывает Плутарх, - которая была уже беременна и за это пользовалась большим почетом у македонян, приревновав его к Статире, послала за ней поддельное письмо, как будто Александр был еще жив; И когда она оказалась в ее власти, убила ее и ее сестру и бросила их младенцев в колодец, который они засыпали землей, не без помощи Пердикки, который в течение времени, непосредственно следующего за смертью царя, прикрываясь именем Арридея, которого он носил с собой как своего рода стража своей персоны, осуществлял главную власть." Нет более трагичной истории, чем судьба юного Александра и его матери. Бабушка Олимпия горячо поддерживала юношу, но его существование было угрозой для амбиций соперничающих полководцев. В конце концов Кассандр захватил власть в Македонии и получил в свое распоряжение Роксану и ее сына, которых он заточил в крепости Амфиполь, а затем совершил тайное убийство правителя крепости.

После убийства Роксаны и ее сына на престол был возведен Геракл, сын дочери Дария, Барсины, единственный оставшийся в живых отпрыск Александра, хотя и незаконнорожденный; но Кассандр, понимая опасность, составил заговор с целью уничтожения юного принца, и тот был отравлен или задушен коварным Полисперхоном. Его мать, которая жила с ним в Пергаме, также была тайно предана смерти. Так погибли насильственной смертью все женщины из семьи Филиппа и Александра, кроме Фессалоники, которая стала женой Кассандра, погубившего ее мать и сводных сестер.

После смерти Александра его генералы приступили к созданию независимых владений. Их окружала группа принцесс, которые добавляли интереса и живости придворному обществу того времени. Эти полководцы и их сыновья, несмотря на ожесточенное соперничество и постоянные войны, охотно искали семейных союзов друг с другом, которые могли бы хоть как-то повысить их престиж. Поэтому от принцесс, пользовавшихся спросом, ожидали участия в политической и дипломатической игре; многим из них выпадали частые браки, поскольку мужей часто убивали или убивали, а разводы легко получали по самым незначительным государственным причинам. Брачные узы, похоже, считались не слишком святыми, и никакие узы не были запрещены из-за родства или семейной вражды. Например, Кратесиполис была женой Александра, сына титулярного регента Полисперхона, а после смерти Александра отец женился на вдове сына. Она сделала захватывающую карьеру и прославилась не только своими воинскими качествами, но и добротой сердца и отзывчивостью к бедным. Ее первый муж был тираном Сикиона, и после его смерти она захватила бразды правления. Горожане, презиравшие ее за то, что она была женщиной, подняли восстание, но она встретила их в бою, сама командуя своими войсками, победила их и распяла тридцать зачинщиков восстания. Так она утвердила свою власть.

Из всех принцесс этого бурного периода самой благородной и добродетельной женщиной своей эпохи была Фила, дочь Антипатра и жена Деметрия Бесигера, сына Антигоны - Алкивиада среди принцев Наследства. Она разделяла со своим блестящим мужем все превратности его судьбы, безропотно переносила его многочисленные измены, позор и несчастья. Когда после неустойчивой карьеры, состоявшей из успехов и неудач, он стал царем Македонии, она, несомненно, достигла вершины своих желаний. Но его амбиции взлетели выше, и он попытался организовать движение, чтобы вновь завоевать и взять под свое исключительное правление всю империю Александра. Его постигла неудача, и после семи лет правления в качестве царя Македонии он был изгнан из своего царства и был вынужден спасаться бегством в Пелопоннес. Удар оказался слишком тяжелым для его благородной жены, и Фила отравилась, решив, что его гибель неизбежна. От Деметрия у нее осталось двое детей, которые заняли видное место в политике того времени: Антигон Гонатас, который благородно поддерживал отца во время его несчастий и в конце концов стал царем Македонии и первым из знаменитого рода царей, который угас только под рукой римлян; и Стратонис, которая в нежном возрасте семнадцати лет была выдана замуж за престарелого Селевка, царя Сирии.

Плутарх рассказывает интересную историю этой принцессы. Антиох, сын Селевка, жестоко заболел, и царским врачам было трудно определить природу недуга. Наконец, самый умный из них заметил, что когда Стратоника, молодая мачеха принца, присутствовала при этом, у него проявлялись все симптомы, о которых упоминает Сапфо в своей знаменитой оде: "В ушах звенело, пот лился по лбу, дрожь овладевала его телом, он становился бледнее травы". Лекарь сразу понял, что Антиох болен из-за любви к царице. Однако хитрый лекарь, объясняя Селевку природу болезни, сначала притворился, что это его собственная жена, в которую влюблен принц; но, как только он полностью выяснил мысли царя, он сказал ему, что его сын умирает от любви к своей мачехе, прекрасной Стратонике. Не раздумывая ни минуты, старый король уступил свою жену сыну и подарил им в качестве свадебного подарка независимое королевство.

Это довольно примечательное общество цариц и принцесс, к которому нас допускает македонский двор: развратная и жестокая Эвридика Старшая, мать Филиппа; мрачная и жестокая Олимпия; блестящая и разносторонняя Клеопатра; доблестная и красноречивая Кинана и ее воинственная и честолубивая дочь Эвридика; довольно бесцветные и неудачливые жены Александра Великого; добросердечная Кратесиполис; бескорыстная и благородная Фила и ее прекрасная дочь Стратоника.

Придворная жизнь, частью которой они были, имела свою блестящую сторону, с ее налетом греческой культуры, этикета и церемоний восточной монархии, и они были объектами всего того уважения, которым высокое положение одаривает царственных женщин со стороны придворных и галантных солдат. Но мы склонны думать скорее о бурях и потрясениях, через которые они прошли, об их ревности и интригах, о браках и союзах, о насильственной смерти, которую все они, за одним или двумя исключениями, в конце концов нашли. Однако у самых злых из них были и искупительные качества: даже Олимпия, пославшая на смерть множество людей, была предана собственным детям и до последнего боролась за права наследников своего сына, а Эвридика Младшая, которая вела проигранную борьбу с престарелой царицей, всегда была ревностной женой своего слабого мужа Арридея. Однако Фила выделяется среди этой замечательной группы как та, против которой ничего нельзя сказать, и чьи добродетели были преобладающими - вечно верная и преданная жена самого блестящего и самого развратного человека своего времени.

История греческой женственности была бы неполной, если бы в ней не рассматривалась история двух греческих цариц, отмеченных своей красотой, мудростью в советах и доблестью на войне, а главное - преданной любовью, - двух Артемий, цариц Карики. Первая расцвела во время Персидских войн, в которых она принимала видное участие; вторая - столетие спустя, и ее имя тесно связано с именами многих членов эллинистических царских семей и с последующей историей греческого искусства. Поэтому мы считаем оправданным приложить к этой главе рассказ о карьере эллинистических принцесс.

Геродот с удовольствием восхваляет царственность и мудрость первой Артемисии, и единственный недостаток, который он может найти в ней, - это то, что она воевала на стороне персов. Он останавливается на ее истории при каждом удобном случае, и мы будем прощены, если позволим великому рассказчику набросать рассказ о ее карьере:

"Об остальных офицерах [персидского флота] я не упоминаю, а только об Артемисии, которой я больше всего удивляюсь, что она присоединилась к экспедиции против Эллады, будучи женщиной, ибо после смерти мужа она, держа в руках власть, хотя у нее был сын, который был юношей, отправилась в экспедицию, движимая высоким духом и мужественной отвагой, никакой необходимости в этом не было; Она была дочерью Лигдама и по происхождению была из Галикарнаса по отцу, но с Крита по матери. Она была правительницей людей Галикарнаса, Коса, Нисира и Калинды, предоставив пять кораблей, и она предоставила корабли, которые из всего флота считались лучшими после кораблей сидонян; и из всех союзников она давала царю лучшие советы. В тех государствах, о которых я сказал, что она была вождем, я объявляю, что все жители принадлежат к дорийской расе".

После катастрофы, постигшей персидский флот при Артемизиуме, царь Ксеркс сомневался в своей дальнейшей политике. Он знал, что греки собрали большой флот у Саламины, а после разграбления Афин его собственные военно-морские силы собирались в Сароническом заливе. Проблема заключалась в том, стоит ли вступать в морское сражение, и, соответственно, "Ксеркс послал Мардония и спросил, испытывая каждого, стоит ли ему сражаться на море. И когда Мардоний обошел их, спрашивая, остальные высказали свои мнения, все одинаковые, советуя ему сразиться на море, но Артемизия сказала такие слова: "Скажи царю, что я, показавшая себя не худшей в морских боях, которые велись у Эвбеи, и проявившая подвиги, не уступающие чужим, говорю ему так: "Господин, будет правильно, если я выскажу то мнение, которое действительно имею, и скажу то, что считаю лучшим для твоего дела; и вот что я скажу: береги свои корабли и не затевай морского боя, ибо их люди на море настолько же сильнее твоих, насколько мужчины сильнее женщин. Да и зачем тебе рисковать в морских сражениях? Если же ты поспешишь немедленно вступить в бой, то я боюсь, что ущерб, нанесенный флоту, может погубить и сухопутное войско. Кроме того, о царь, учти, что слуги хороших людей становятся плохими, а у тебя, который из всех людей самый лучший, есть плохие слуги, а именно те, кого считают союзниками, египтяне, киприоты и киликийцы, от которых нет никакой пользы". Когда она так говорила, те, кто был дружелюбен к Артемисии, огорчились ее словами, полагая, что она потерпит какое-то зло от царя; а те, кто завидовал ей, потому что она была в почете у всех союзников, обрадовались возражению, полагая, что теперь она будет погублена. Когда же мнения были доложены Ксерксу, он был очень доволен мнением Артемисии; и если и до этого он считал ее превосходной, то теперь похвалил еще больше".

Ксеркс, однако, не последовал совету Артемисии, а уговорил ее напасть на флот греков. Артемисия доблестно вступила в морскую битву, которая очень скоро стала губительной для персов.

"Когда дела царя пришли в большое смятение, в этот момент корабль Артемисии преследовал афинский корабль; и так как она не могла спастись, потому что перед ней были другие корабли ее собственной стороны, а ее корабль все дальше продвигался к врагу, она решила, что ей делать. Она бросилась на полном ходу на корабль своей стороны, укомплектованный калиндцами, на котором находился царь калиндцев. И хотя, правда, у нее уже были с ним раздоры, когда они еще находились в Геллеспонте, я не могу сказать, сделала ли она это по интуиции или же калиндский корабль случайно оказался на ее пути. Выступив против него и потопив его, она наслаждалась удачей и получила для себя выгоду в двух отношениях; во-первых, капитан афинского корабля, увидев ее выступление против корабля, набранного варварами, отвернулся и пошел за другими, полагая, что корабль Артемисии либо эллинский, либо дезертирует от варваров и сражается за эллинов. Во-вторых, благодаря этой истории с Ксерксом она приобрела большую известность, ведь помимо других удачных для нее событий, было еще и это: ни один из команды калиндского корабля не выжил, чтобы стать ее обвинителем. Ксеркс, как сообщается, сказал: "Мои мужчины стали женщинами, а мои женщины - мужчинами".

"Если бы афинский капитан знал, что Артемисия плывет на этом корабле, он бы не остановился, пока не захватил бы ее или не был бы захвачен сам; ведь афинским капитанам был отдан приказ и предложена награда в десять тысяч драхм тому, кто возьмет ее живой, так как они считали недопустимым, чтобы женщина совершала поход против Афин".

После катастрофического исхода битвы при Саламине Ксеркс, убедившись на собственном опыте, что на проницательность такой женщины, как Артемисия, можно положиться больше, чем на мудрость своих советников-мужчин, вновь посылает за Артемисией и советуется с ней. "Когда Ксеркс советовался с теми из персов, которые были призваны быть его советниками, ему показалось хорошим послать за Артемисией, чтобы она также дала ему совет, потому что в прошлый раз она одна показала, что имеет представление о том, что должно быть сделано. Когда Артемисия пришла, Ксеркс удалил от себя всех остальных и заговорил с ней следующим образом: Мардоний велит мне остаться здесь и предпринять попытку напасть на Пелопоннес, говоря, что персы и сухопутное войско нисколько не виноваты в моем бедствии и что они охотно дадут мне доказательство этого. Поэтому он предлагает мне либо сделать это, либо, если нет, он желает сам выбрать из войска тридцать мириадом и передать мне Элладу, подчиненную ему; а меня с остальным войском он просит удалиться в свою обитель. Итак, посоветуй мне, что из этого я должна сделать". Она произнесла такие слова: "О царь! Мне кажется, что хорошо, если ты удалишься и оставишь здесь Мардония, если он того пожелает и обязуется это сделать. Если Мардоний потерпит какое-либо бедствие, то не будет никакого счета; если же эллины победят, то они одержат победу, которая не будет победой, уничтожив того, кто всего лишь твой раб. Ты же удалишься, совершив то, ради чего предпринял поход, то есть предав Афины огню". Этим советом Ксеркс был очень доволен, так как ей удалось сказать то, что он сам собирался сделать. Поэтому он похвалил Артемисию и отправил ее проводить своих сыновей в Эфес, так как с ним были некоторые его сыновья".

На этот раз Ксеркс последовал совету Артемисии и оставил Мардония с тремястами тысячами человек для продолжения кампании, а сам с большей частью уцелевших сил удалился в Персию. Артемизия, снискав великую славу своей доблестью и мудростью, вернулась в свои владения, и мы не знаем ничего достоверного о ее дальнейшей жизни. Однако столь царственная женщина не могла избежать греческого пристрастия к созданию чудесных историй о великих людях, и Птолемей Гефестион, писатель, смешивающий в своих произведениях мало фактов и много фантазии, сохранил предание о том, что Артемисия

завершила свою жизнь самым романтическим образом. В последние годы жизни она воспылала неистовой любовью к Дарданусу, прекрасному юноше из Абидоса. Поскольку ее страсть не была возвращена, она отомстила, выколол ему глаза, пока он спал. Это вызвало гнев богов, и, повинувшись оракулу, она, подобно традиционной Сапфо, бросилась вниз с Прыжка влюбленных в Леукате.

Вторая Артемизия увековечена своей привязанностью к мужу Мавсолу, царю Карики, в память о котором она построила знаменитую и величественную гробницу, считающуюся одним из семи чудес древнего мира. Это грандиозное сооружение, четыреста сорок футов в окружности и сто сорок футов в высоту, построенное самыми известными архитекторами того времени, украшенное скульптурами работы Скопаса и его помощников и ставшее великолепным благодаря использованию самых разнообразных цветов, дало название *мавзолея* всем последующим усыпальницам, построенным в колоссальных масштабах. Преданная царица не пожалела средств, чтобы сделать его выразителем своей любви к мужу и брату; ведь этот вид брака, столь распространенный позднее в Египте, был одобрен обычаями страны.

Кроме того, она пригласила самых известных писателей того времени принять участие в литературном конкурсе и предложила самые богатые призы тому, кто преуспеет в написании панегирика добродетели ее мужа. Несмотря на интерес, который она проявляла к этим воспоминаниям об ушедшем господине, ее продолжали терзать глубочайшие страдания. Рассказывают, что она посетила место, где покоился прах ее мужа, и, смешав его с водой, выпила, чтобы стать, как она говорила, живой могилой своего супруга. Несмотря на тяжелое горе, она не пренебрегала обязанностями своего высокого положения и завоевала остров Родос, с жителями которого обращалась очень сурово. Ее любовь к искусству проявилась в двух статуях, которые она установила в городе: одна изображала Родоса, одетого как раб, а другая - себя, клеймящую город раскаленным железом. Хотя она была заинтересована в том, чтобы сделать Галикарнас центром искусства и культуры, расширить и укрепить свои владения, она не смогла преодолеть душевную опустошенность и, как говорят, умерла от горя через два года после потери мужа.

XV

АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ ЖЕНЩИНА

Сорокапятилетняя война завершилась в 277 году до нашей эры. В нее вступили те полководцы Александра Македонского, которые унаследовали его владения, и ее завершение стало свидетельством прочного существования трех династий и ряда мелких княжеств, управляемых различными мелкими правителями. Главными подразделениями эллинистического мира в это время были царства Македонии при преемниках Антигона Гоната, Сирии при Селевкидах и Египта при Птолемах, а главными второразрядными державами - Пергам и Родос. Эти государства оставались великими центрами эллинизма,

пока их одного за другим не свергла могучая сила Рима, который, в свою очередь, продолжил и увековечил греческий дух, став элементом культуры и цивилизации нового времени.

Наиболее яркой чертой общественной жизни эпохи эллинизма был ее космополитический характер, напоминающий современную европейскую культуру. Мы почти ничего не знаем о жизни народов разных национальностей, но история того времени в основном посвящена дворам правителей, войнам и торговому соперничеству враждующих держав. Как мы уже не раз отмечали в предыдущих главах, статус женщины при старых монархических правительствах был возвышенным и влиятельным. У королей должны быть свои дворы, а придворная жизнь всегда предполагает наличие королевы с сопровождающими ее дамами; и в истории эллинистического периода мировой истории одной из наиболее ярких черт является количество королевских женщин, которые выходят на сцену действия и играют видную роль на благо или горе человечества.

Мы уже рассматривали характер македонской женщины - смелой, бесстрашной, амбициозной, готовой прибегнуть к жестокости и интригам для достижения своих целей. Македонский характер отражал суровую, выносливую природу страны, и женщины этой страны больше заботились о спорте на свежем воздухе и сценах войны, чем об изнуряющей роскоши Востока и писем Египта.

Сирийское царство с роскошной столицей в Антиохии при династии Селевкидов, возможно, в целом было более эллинистическим по культуре, чем Египет или Македония, и в целом объединяло в себе утонченность Греции с роскошью и великолепием Востока. К сожалению, мы почти ничего не знаем об этом важном царстве, кроме его войн и политики. Хотя Антиох, настоящий основатель династии, был покровителем литературы и содержал при своем дворе ученых людей, не появилось никакой важной литературы, которая могла бы рассказать нам о его покровителях; и, кроме уже рассказанной истории о его романтическом браке со Стратоникой, мы ничего не знаем о личной жизни Антиоха и лишь немногие случаи из жизни его преемников. Мы знаем, что население Сирии было разнообразным по национальности, политике и нравам, и что греческие города, которые были так широко основаны, развили высокую степень культуры и создали общее распространение знаний. Ювенал, описывая греческое влияние на Рим, говорит о сирийской реке Оронт, впадающей в Тибр, и, несомненно, восточные греки были наиболее широко представлены в смешанном населении Рима. Антиохия стала грозным соперником Александрии в качестве социального и торгового центра и распространила греческое влияние на гораздо более обширную территорию, чем египетский город. Но когда мы хотим узнать что-то о социальной жизни этой важной ветви эллинизма, о деталях частной жизни и положении женщин, у нас нет абсолютно никаких источников информации. За исключением истории царской семьи, о более интимной истории Сирии сохраняется полное молчание.

Поэтому в этой заключительной главе мы сосредоточим свое внимание на Александрии и дворе Птолемеев, где находился центр тяжести греческого мира после падения греческой независимости и упадка Афин. Ее великий основатель, похоже, проявил пророческую проницательность, выбирая место для строительства города, который должен был носить его имя, и господство этого города было обеспечено, когда Александр своими завоеваниями открыл Восток для греческой торговли; но самая большая удача Александрии заключалась в том, что она получила правителя с такими способностями, проницательностью и энергией, как Птолемей Сотер.

Птолемей, сын Лагуса и Арсинои, рос вместе с Александром, был одним из его товарищей по играм, а позже стал одним из его самых доверенных, хотя и не самых выдающихся, генералов. Существует версия, что до замужества Арсиноя была любовницей Филиппа и что Птолемей на самом деле был сводным братом Александра; но нет никаких свидетельств, подтверждающих эту традицию, разве что сходство Птолемея с Филиппом в интригах и правящей власти.

В бурные годы после смерти Александра Птолемей, единственный из полководцев, похоже, сохранил душевное равновесие; вместо того чтобы вступить в борьбу со своими соперниками за мировую империю, он предпочел приобрести в качестве своего надежного владения провинцию Египет, столь легко защищаемую и отделенную от спорных земель враждующих народов.

Политика первого Птолемея определила историю Египта и судьбы эллинизма. Он окружил себя греками, так что они стали доминирующей фракцией в правительстве и определяли тон придворного общества. Он предоставил египтянам свободу вероисповедания и большую свободу в других отношениях, так что они стали сторонниками династии. Основав Александрийский музей, или университет, он сделал свою столицу литературным центром новой эпохи и привлек к своему двору ученых людей со всех концов света. Греческий стал языком двора, а греческая культура и манеры преобладали.

Махаффи наглядно описывает блестящую придворную жизнь Александрии при Сотере и его преемниках:

"Так случилось, что Птолемей Сотер собрал в своей столице всевозможное великолепие..... Он основал самый блестящий дворец и двор, с празднествами, которые были чудом мира. Он собрал все, чем мог похвастаться в области образования и литературной славы, и город соответствовал величию и великолепию своего внешнего облика. В более поздние времена его описывали как поражающий зрителя не только своей обширностью, но и великолепием колоннад, которые выстраивали улицы на многие мили и сохраняли прохладу для пассажиров; шумом и суетой улиц, главными из которых были конные и каретные дороги, вопреки обычной греческой практике; with the number and richness of its public buildings, and with the holiday and happy airs of its vast population, who rested not day and night, but had their streets so well lighted that Achilles Tatius says the sun did not set, but was distributed to illumine the gay night. Дворец и другие царские здания и парки были обнесены стеной, как дворец в Пекине, и имели свой собственный порт и берег моря, но весь остальной город имел воду рядом с собой и корабельное движение во всех направлениях. На его улицах и набережных можно было встретить любой костюм и язык. Здесь были и фешенебельные пригороды, и купальни: на востоке - Канопус, Элевсис и Никополь; на западе - Некрополь. Но обо всем этом великолепии ни один очевидец не оставил нам подробных сведений, о чем мы вынуждены догадываться по догадкам".

Династия Птолемеев, так умело основанная Птолемеем Сотером и закончившаяся правлением великой Клеопатры, представляет собой ряд монархов, прославившихся своей культурой, роскошью, распутством и жестокостью; а рядом с царями можно найти ряд цариц, не имеющих себе равных в истории ни по уму, ни по коварству, ни по красоте. Место женщины в этой династии было самым влиятельным, и она обладала всей свободой и властью, которые только могли выпасть на ее долю; она не знала никаких ограничений, характерных для древнегреческой или восточной жизни. Это, несомненно, отчасти объясняется тем, что преобладал македонский дух, а отчасти тем, что статус женщины у самих египтян оказал свое влияние на завоевателей. Найденные в последние годы папирусы

свидетельствуют о юридической независимости и свободе женщин у древних египтян. Замужняя женщина могла заключать договоры, владеть имуществом на свое имя и совершать любые юридические действия, не ссылаясь на мужа. Моногамия была правилом, хотя помимо "дорогой жены" или "хозяйки дома" часто были и подчиненные жены. Положение женщины было настолько высоким, что бывали случаи, когда муж переводил все свое имущество на жену при условии, что она будет содержать его до конца дней и обеспечит ему достойное погребение. Между египетским и древнегреческим представлением о женщине существовал такой контраст, что греки нередко посмеивались над египетской покорностью женскому господству. В Александрии при Птолемеях, благодаря македонскому уважению к женщине и старым египетским представлениям о женской ценности и способностях, представительницы слабого пола находились в условиях, совершенно отличных от тех, что были в древних Афинах, и пользовались свободой, схожей с современной.

Птолемей Сотер, как и его преемники, очень любил женщин и в полной мере осознавал, какое влияние может принести политический брак. Александр на знаменитом свадебном пиру женил своего генерала на дочери одного из знатнейших персов, но больше об этом союзе ничего не слышно. Его первый политический брак был заключен с Эвридикой, дочерью Антипатра, старого регента, а несколько лет спустя он женился на Беренике, внучатой племяннице Антипатра. Он не развелся с Эвридикой, но открыто принял практику полигамии, которая была разрешена как в Македонии, так и в Египте. Обе жены, похоже, жили дружно, но Береника была фавориткой. Это была женщина с приятным, но сильным характером, и она постоянно одерживала верх над своим мужем. Ее дипломатия была настолько искусной, что ее сын Магас, плод предыдущего брака, был назначен царем Киринеи, а ее сын Птолемей стал преемником ее мужа на троне Египта, исключив гораздо более старшего сына Эвридики, Церена.

Птолемей Филадельф, сын Береники, вступил на престол Египта в 285 году до н. э. и в течение сорока лет был самым знаменитым монархом в мире. Его двор славился своей пышностью и великолепием, его можно сравнить с дворами Харуна аль-Рашида и Лоренцо Медичи, и здесь женщина тоже сыграла свою роль. Первой женой Филадельфа была Арсиноя I., дочь Лисимаха, царя Фракии, которая родила ему несколько детей. Точно неизвестно, почему Филадельф развелся с ней, но есть версия, что она была замечена в заговоре против его жизни, что привело к разводу и изгнанию. Вторую жену тоже звали Арсиноя, она была родной сестрой Птолемея. Этот брак оказался очень счастливым. У Арсинои была богатая событиями карьера. Дочь Птолемея и Береники, она сначала стала женой царя Лисимаха Фракийского, а после его безвременной смерти вышла замуж за Птолемея Церена, своего сводного брата, изгнанного сына Эвридики. Она и ее муж стали причиной убийства Агафокла, законного наследника Лисимаха, а Церен позже убил детей Арсинои от Лисимаха. После такого опыта преступлений и несчастий, после смерти своего второго мужа она на время ушла в отставку, став вдовой среднего возраста, а затем стала супругой своего брата Филадельфа. Сама Арсиноя сначала приняла титул Филадельфа, "любящая своего брата", под которым царь стал известен в последующих поколениях. Поскольку она была бездетна и вряд ли имела собственных наследников, Арсиноя усыновила детей своего предшественника; будучи сестрой своего мужа, она не мешала ему в многочисленных похождениях, которые занимали значительную часть его времени.

Арсиноя была женщиной с блестящими интеллектуальными способностями, и союз между ней и Филадельфом, по-видимому, был интеллектуальным и духовным. Она оказалась способной помощницей во всех государственных делах; она помогала ему в финансовом

управлении и особенно в иностранных делах; она поддерживала его в его стремлении сделать Александрию центром литературы и искусства, и ее имя связано с его именем во всех великих событиях этого периода. Их обоих обожествили и воздвигли им статуи богов Адельфи. Брак между братом и сестрой вполне соответствовал египетским представлениям, и в государственных документах на протяжении многих веков царицу называли *сестрой* царя, независимо от того, была она таковой на самом деле или нет. Придворные поэты сравнивали этот брак с браком Зевса и Геры, и они часто восхваляли эту пару за их многочисленные достижения и великолепие их двора.

Царствование Филадельфа и Арсинои было блестящей эпохой александрийской литературы, и мы вполне можем остановиться на этом моменте, чтобы посмотреть, какие проблески женской жизни того времени дают нам поэты Александрии. Феокрит, знаменитый пасторальный поэт, разыгрывает сцену своей пятнадцатой идиллии в Александрии и представляет один из самых очаровательных фрагментов женской жизни, которые может предложить нам литература. Праздник Адониса, описанный в предыдущей главе, должен был отмечаться во дворце царя Птолемея, и две александрийские дамы договорились пойти вместе, чтобы увидеть изображение Адониса, которое царица Арсиноя "украсила с большим великолепием, и услышать, как прославленная примадонна поет песню Адониса". Бытовые подробности, туалеты, жалобы двух закадычных друзей на своих мужей, восхищение новым платьем и его стоимостью, грубое обращение с незнакомым слугой; толпа на улицах, ужасы проезжающей конницы, давка у входа, дерзкая реплика незнакомца, протестующего против их беспрестанного болтовни - эти и многие другие комические и живописные детали сделали эту поэму самой известной среди так называемых *идиллий* и свидетельствуют о том, что повседневная жизнь женщины в птолемеевской Александрии была во многом такой же, как и в наши дни. Горго, одна из дам, отправляется по назначению в дом своей подруги Праксиной, где и начинается диалог:

ГОРГО. - Праксиноя дома?

Праксиноя: - Дорогая Горго, как давно ты здесь не была! Она дома. Удивительно, что ты наконец добрался сюда! Эуноэ, проследи, чтобы у нее был стул. Положи на него подушку.

ГОРГО. -- Оно и так очаровательно.

Присядьте.

ГОРГО. - О, что за дух! Я едва дошел до тебя живым, Праксиноя! Какая огромная толпа, какое множество четвероруких! Повсюду кавалерийские сапоги, повсюду люди в мундирах! И дорога бесконечна; да, ты действительно живешь *слишком* далеко!

Праксиноэ... Во всем виноват этот мой безумец. Вот он приехал на край земли и взял - нору, а не дом, и все для того, чтобы мы не были соседями. Завистливый негодяй, всегда один и тот же, всегда назло!

Не говори так о своем муже Диноне, моя дорогая, перед маленьким мальчиком - посмотри, как он на тебя смотрит! Не обращай внимания, Зопирион, милое дитя, она говорит не о папе.

Наша госпожа! Ребенок обратил внимание,

ГОРГО. -- Милый папа!

Этот его папаша на днях - мы каждый день называем его "на днях" - ходил за мылом и румянами в лавку, а вернулся ко мне с солью - большой, бесконечный парень!

У меня тоже такой же фокус, я совершенный транжира - Диоклеид! Вчера он получил то, что хотел, за пять рун, а заплатил по семь шиллингов за... как вы думаете, за что? - за собачьи шкуры, за лоскутки старых кожаных кошельков, за всякий хлам... Беда за бедой! Но пойдёмте, возьмите свой плащ и шаль. Пойдёмте во дворец богатого Птолемея, царя, чтобы увидеть *Адониса*; я слышал, царица приготовила нечто великолепное!

ПРАКСИНОЭ. -- Изысканные люди все делают изысканно.

ГОРГО. -- Сколько расскажешь ты о том, что видел, тому, кто этого не видел! Кажется, уже пора уходить.

ПРАКСИНОЭ. - У индейцев всегда праздник. Эуноэ, принеси воды и поставь ее посреди комнаты, ленивая ты тварь. Кошки всегда любят мягко спать! Давай, суетись, неси воду, быстрее! Я хочу воды, и как она ее несет! Дай мне ее, все равно; не выливай так много, ты, экстравагантная штучка! Глупая девчонка! Зачем ты мочишь мое платье? Ну вот, хватит, я вымыла руки, как и полагается небесам. Где ключ от большого сундука? Принесите его сюда.

ГОРГО. - Праксиния, этот полный лиф тебе очень идет. Скажи мне, сколько стоил этот материал, только что сошедший со станка?

Праксиноэ. - Не говори об этом, Готго! Больше восьми фунтов хорошими серебряными деньгами, а работа над ним! Я чуть душу не вынул из-за него!

Готго: -- Ну, она *очень* удачная; все, что вы могли пожелать.

Праксиноэ, - Спасибо за красивую речь! Принесите мою шаль и наденьте мне на голову шляпу, как полагается по моде. Нет, дитя, я не хочу тебя брать. Бу! Боги! Лошадь кусается! Плачьте сколько угодно, но я не могу допустить, чтобы вас покалечили. Давайте двигаться. Фригия, возьми ребенка и развлеки его, позови собаку и закрой дверь на улицу.

(Они выходят на улицу.)

О боги, какая толпа! Как же нам пройти сквозь эту толчею? Они как муравьи, которых никто не может ни измерить, ни сосчитать. Много добрых дел сделал ты, Птолемей; с тех пор как твой отец присоединился к Бессмертным, ни один злоумышленник не может испортить жизнь прохожему, подкрадываясь к нему на египетский манер - ох уж эти проделки этих совершенных негодяев. Птички по перу, злые шуты, негодяи! Дорогой Горго, что же будет с нами? А вот и королевские боевые кони! Дорогой мой, не топчи меня. Смотри, гнедой взвился на дыбы; смотри, какой нрав! Эвно, безрассудная девчонка, неужели ты никогда не уйдешь с дороги? Зверь убьет того, кто его ведет. Какое счастье для меня, что мой отпрыск остался дома в безопасности!

Мужайся, Праксиния. Теперь мы в безопасности, а они отправились на свою станцию.

Праксиния. - Вот! Я снова становлюсь собой. С детства я ничего так не боялась, как лошадей и змеиноного холода. Идёмте, огромная толпа нас обгоняет.

ГОРГО *(к старухе)* - Вы из суда, матушка?

Старуха: - Да, дитя мое.

Праксиноэ... Легко ли туда добраться?

Старая женщина: - Ахейцы вошли в Трою благодаря попыткам, моя прекраснейшая из дам. Попытка в конечном счете сделает все.

ГОРГО. - Старая жена произнесла свои оракулы, и она уходит.

Женщины знают все; да, и как Зевс женился на Гере!

ГОРГО.- Видишь, Праксиноя, какая толпа у дверей!

Праксиноя. - Чудовищно, Горго! Дай мне руку, а ты, Эвнея, ухватись за Евтихиса; никогда не теряй ее, бойся, чтобы не потеряться. Давайте войдем все вместе; Эвно, прижмись ко мне покрепче. О, как это утомительно, Горго, моя муслиновая вуаль уже разорвалась на две части! Ради всего святого, сударь, если вы когда-нибудь захотите стать удачливым, позаботьтесь о моей шали!

Незнакомец... Я не могу удержаться, но, несмотря на это, я буду так осторожен, как только смогу.

Праксиноя. - Как тесно собралась толпа, они суетятся, как стадо свиней!

Незнакомец: - Мужайтесь, леди; теперь у нас все в порядке.

И в этом году, и в веках, и пусть все будет хорошо с вами, мой дорогой сэр, за вашу заботу о нас. Хороший, добрый человек! Мы позволяем Юноне быть зажатой - давай, несчастная, пробивайся. Это путь. Мы все по правую сторону двери, - промолвил жених, закрывшись со своей невестой.

ГОРГО: - Иди сюда, Праксиноя. Посмотри сначала на эти вышивки. Как легки и как прекрасны! Ты назовешь их одеяниями богов.

Праксиноя: - Госпожа Афина! Какие прядильщицы их выткали, какие художники создали эти рисунки, столь правдивые? Как естественно они стоят и двигаются, словно живые существа, а не вытканые узоры! Как хитер человек! А, и он сам - Адонис - как прекрасен он, лежащий на своем серебряном ложе, с первым пухом на щеках, трижды возлюбленный Адонис - Адонис, любимый даже среди мертвых!

Незнакомка: -- Вы, усталые женщины, прекратите свой бесконечный треп! Они до смерти надоели своими вечными широкими гласами!

ГОРГО. - Конечно! А откуда он взялся? Что вам до того, *что* мы болтуны! Отдавайте приказы своим слугам, сэр. Вы претендуете на то, чтобы командовать дамами Сиракуз? Если хочешь знать, мы коринфяне по происхождению, как и сам Беллерофон, и говорим на пелопоннесском языке. Дорийские женщины могут говорить на дорийском, я полагаю?

Госпожа Персефона, у нас никогда не может быть больше одного хозяина! Я не боюсь, что *ты* поставишь меня в короткую очередь.

ГОРГО. -- Тише, тише, Праксиноя! Дочь аргивянки, великая певица, начинает *Адониса*; она получила в прошлом году приз за пение частушек. Я уверена, что она подарит нам нечто прекрасное; посмотрите, она предваряет пение своими воздушными и грациозными движениями.

ПСАЛОМ АДОНИСА

О царица, любящая Голги, и Идалиум, и кручи Эрикса, о Афродита, играющая с золотом, Ио, из потока вечного Ахерона тебе принесли Адониса - даже в двенадцатом месяце принесли его, часослова с изящными ногами. Самые поздние из бессмертных - любимые Часы, но они дороги и желанны, ибо всегда, всем смертным, они приносят с собой какой-нибудь дар. О Киприда, дочь Дионы, из смертной ты превратилась в бессмертную, так говорят люди, ты изменила Беренику, тихонько опустив в женскую грудь материю бессмертия.

Поэтому на радость тебе, о многоименный и многохрамный, дочь Береники, Арсиноя, прекрасная, как Елена, лелеет Адониса со всем прекрасным.

Перед ним лежат все спелые плоды, которые несут ветви высоких деревьев, и нежные сады, убранные в корзины из серебра, и золотые сосуды полны благовоний Сирии. И все изысканные пироги, которые женщины пекут на лотках, смешивая цветы с белой пшеничной мукой, все, что сделано из сладкого меда и на мягком оливковом масле, все пироги, сделанные в виде летающих и ползающих существ, Ио, вот они перед ним.

Здесь построены для него тенистые зеленые чащи, усыпанные нежным анисом, и дети порхают над головой - маленькие Любовники, - а молодые соловьи, сидящие на деревьях, перелетают и пробуют свои крылья от ветки к ветке.

О черное дерево, о золото, о орлы-близнецы из белой слоновой кости, которые несут Зевсу, сыну Кроноса, его возлюбленную, его виночерпия! О пурпурное покрывало, расстеленное сверху, более мягкое, чем сон! Так скажет и Милет, и тот, кто пасет овец на Самосе.

Другое ложе расстилается для прекрасного Адониса, одно ложе хранит Киприда, а другое - розовощекий Адонис. Жених восемнадцати или девятнадцати лет, его поцелуи не грубы, золотой пух еще на его губах! А теперь - спокойной ночи Киприде в объятиях ее возлюбленного! Но Ио, утром мы все соберемся с росой и понесем его среди волн, бьющихся о берег, и с распущенными локонами, в юбке до щиколоток и с обнаженной грудью мы начнем нашу пронзительную, сладкую песню.

Только ты, дорогой Адонис, как говорят люди, только ты один из полубогов, посещаешь и этот мир, и поток Ахерона. Ибо не было такого жребия ни у Агамемнона, ни у Айаса, этого могучего, повелителя страшного гнева, ни у Гектора, старшего из двадцати сыновей Гекубы, ни у Патрокла, ни у Пирра, вернувшегося из земли Трои, ни у героев еще более древних времен, Лапифов и сыновей Девкалиона, ни у сыновей Пелопса и вождей пеласгийского Аргоса. Будь же милостив, дорогой Адонис, и благосклонен к нам в наступающем году. Дорог нам был твой приход, Адонис, и дорог он будет, когда ты придешь снова.

ГОРГО: - Праксиноя, эта женщина умнее, чем мы думали! Счастлива женщина, что так много знает, и вдвое счастливее, что у нее такой сладкий голос! Ну что ж, все равно пора собираться домой. Диоклеид еще не ужинал, и он весь в уксусе - не вздумайте приближаться к нему, когда он ждет ужина... Прощай, возлюбленный Адонис, пусть мы будем рады твоему следующему приходу!

Эта идиллия Феокрита наводит на мысль о свободе передвижения и обычных занятиях александрийской дамы во времена Арсинои. Утраченное произведение Каллимаха, *Ætia*, также имеет значение для наших поисков, поскольку содержит одну из самых ранних любовных историй в литературе, демонстрирующую идеалы женского характера, которые были популярны в то время. Являясь литературным оригиналом той разновидности сказки, в которой любовь и брак становятся началом и концом сюжета, а также подчеркивается постоянство и чистота женской любви, эта история, послужившая образцом для греческого

романа последующих поколений, свидетельствует о том, что в эпоху, печально известную порочностью высокопоставленных лиц, люди все же с удовольствием слушали истории о домашней привязанности и невинности. Сказка о Каллимахе, по словам Махаффи, звучала следующим образом:

"Жили-были два молодых человека дивной красоты, которых звали Аконтий и Цидиппа. Все предыдущие попытки юноши или девы добиться их расположения были бесплодны, и один из них ходил, как современный Ахилл, в мужественном великолепии; другая, с розами и лилиями на щеках, добавила четвертую часть к числу граций. Но бог Эрос, уже ставший крылатым ежом Анакреонтики, разгневанный этим соперничеством, решил утвердить свою власть. Они встретились на празднике Делоса, она из Афин, он из Сеоса. Охваченный неистовой любовью с первого взгляда, юноша написал на айве, которая была плодом, используемым на этом празднике: "Клянусь Артемидой, что Аконтий будет моим мужем", и бросил это к ногам девушки. Кормилица подбирает его и читает слова девушке, которая краснеет "в заговорах роз" от клятвы, которую она никогда не давала. Но и она охвачена всепоглощающей страстью, и ситуация осложняется невежеством или черствостью ее родителей, решивших выдать ее замуж за другого человека. От горя она заболевает, и свадьба откладывается. Тем временем Аконтий бежит из города и от родителей и бродит в унынии по лесам, признаваясь деревьям и ручьям в любви, написав на каждой коре "Цидиппа" и наполнив все рощи своими вздохами. Трижды родители девы готовились к свадьбе, и трижды болезнь девушки делала их приготовления напрасными. Наконец отец решил обратиться к оракулу в Дельфах, который открыл ему все факты и приказал больше не мешать влюбленным. Аконтий прибывает в Афины. Молодые поженились, и повесть заканчивается подробным описанием их счастья".

Хотя в александрийской литературе были шокирующие истории о противоестественной страсти, как это встречается позже у Овидия, у римских поэтов, но тип сказки об Аконтии и Цидиппе очаровал эпоху и не потерял своей актуальности, а ее нравственное возвышение в контрасте с царившим развратом показывает, как мужчины и женщины того времени ценили "изначальную чистоту девы и важность ее сохранения до счастливого завершения брака".

Сын и преемник Филадельфа, молодой царь Птолемей III, Эвргет, продолжил литературные традиции родительского двора. Вскоре после смерти отца он женился на принцессе Беренике II Кирийской, девушке красивой и сильной духом, которая уже успела испытать на себе разврат тогдашней придворной жизни. Деметрий Справедливый был послан из Македонии, чтобы получить ее царство с ее рукой, но, пока она ждала брачного возраста, он обманул себя, интригуя с ее матерью. В результате Береника приказала предать его смерти. Несомненно, ее брак с молодым царем Египта был политическим союзом, но он также был основан на взаимной симпатии и, судя по всему, сложился удачно. Правление Эвргета и Береники - это, по сути, единственное правление Птолемеев, когда ни жены-соперницы, ни любовницы не будоражили двор. Сведения об этом важном периоде скудны, но мы знаем, что не успела невеста вступить в новое счастье, как жених был отозван в Сирию, чтобы отомстить за ужасное убийство своей сестры, тоже Береники, которая была выдана замуж за старого царя Антиоха Теоса при условии, что тот отречется от своей бывшей жены Лаодики и ее детей. Но Лаодике удалось вернуть престарелого царя в свою власть, и она тут же отравила его и провозгласила царем своего сына. Ее партия в Антиохии сразу же восстала против новой египетской царицы и убила ее и ее младенца.

Царица Береника, уезжая от мужа, освятила локон своих волос в храме Афродиты с молитвой о его благополучном возвращении. Локон таинственным образом исчез, а философ Конон, которому как раз в это время довелось открыть новое созвездие, заявил, что локон волос

Береники был помещен среди звезд. Каллимах, один из придворных поэтов, воспользовался этим случаем и сочинил поэму под названием "*Локон Береники*", сохранившуюся в изящной латинской версии Катулла, - в честь присоединения к созвездиям этого локона волос, который, по замыслу поэта, несмотря на высокую честь, хотел бы, чтобы он никогда не был отрезан от прекрасной головы Береники.

Царствование Птолемея Сотера, Филадельфа и Эвргета с их блистательными царицами знаменует собой золотой век Александрии. При Птолемеи IV, Филопаторе, мы замечаем любопытное и быстрое превращение великого рода Лагидов в развратников, дилетантов, пьяниц, болванов. Этот государь был слабым и бесцветным человеком, полностью подчиненным своему министру Сосибия, о котором Полибий говорит как о "старом хитром мешке и самом злонамеренном для царства; во-первых, он задумал убийство Лисимаха, который был сыном Арсинои, дочери Лисимаха и Птолемея; во-вторых, Магаса, сына Птолемея и Береники, дочери Магаса; в-третьих, Береники, дочери Птолемея и матери Филопатора; в-четвертых, спартанца Клеомена; и в-пятых, Арсинои, дочери Береники, сестры и жены царя." Несомненно, преступник глубочайшего пошиба, от рук которого александрийские принцессы пережили невыразимые ужасы! В последние годы жизни царь находился в полном подчинении у своей любовницы Агатоклеи и ее брата Агафокла. Царица Арсиноя, мать младенца-наследника престола, молодая и энергичная, считалась во всем Египте естественной защитницей и регентшей юного Птолемея, когда жизнь его отца пошла на убыль; но Агатокл и его сестра тайно убили ее и, когда царь умер, представили принца народу и зачитали поддельное завещание, в котором они сами становились его опекунами на время несовершеннолетия. Но народ узнал о печальной судьбе царицы Арсинои, и жестокое обращение с ней вызвало негодование населения; после этого последовал один из тех бунтов толпы, которыми была отмечена Александрия. Полибий дает драматическое описание великого бунта и рассказывает, как нечестивый регент Агатокл, его сестра Агатоклея и мать Энанта были схвачены толпой и разорваны на части, конечностью за конечностью, пока они еще были живы.

Когда молодой царь Птолемей V, Эпифан, подрос, он взял себе в царицы Клеопатру, дочь Антиоха III, Великого, и сестру Антиоха IV, Эпифана. Теперь впервые, вместе с этой сирийской принцессой, имя Клеопатры вошло в анналы Египта. Предыдущих цариц звали либо Береникой, либо Арсиноей, а с этого времени эти три имени почти неразрывно смешались, причем Клеопатра преобладала и иногда применялась даже к сестрам одного дома. Первая Клеопатра была великой и доброй царицей, и после смерти мужа, чье правление было коротким и недолгим, и старшего сына, который, похоже, умер вскоре после своего воцарения, она стала регентшей своего второго сына, Птолемея VI, Филометора, которому не было и семи лет, когда он начал царствовать. Филометор женился на своей сестре, Клеопатре II, и был последним из Птолемеев, которого можно назвать в любом смысле добрым. Последние годы его жизни были омрачены соперничеством его злобного брата Фискона, который стремился занять трон.

Когда Филометор был убит в бою, Фискон, или Эвргет II, осадил Александрию, заставил овдовевшую царицу Клеопатру II выйти за него замуж, убил ее юного сына Птолемея, Филопатора Неоса, законного наследника, ради которого мать предприняла смелую попытку сохранить трон, и воцарился как Птолемей VII. Фискон даже женился на дочери царицы, Клеопатре III, и мы видим, как этот замечательный человек управляет одновременно двумя амбициозными царицами, матерью и дочерью, которые, вероятно, находились в смертельной вражде на протяжении всего периода, когда они были связаны с ним царской властью. Одна история, почти слишком ужасная, чтобы заслужить доверие, рассказывает,

что Фискон подал на пир в честь дня рождения матери, Клеопатры II, своего собственного наследника Мемфитиса. Когда этот негодяй наконец окончил свои дни, Клеопатра III, которая была таким же чудовищем амбиций, эгоизма и жестокости, как и сам Фискон, похоже, убила свою царицу-мать и приняла бразды правления, сначала одна, а затем вместе со своим старшим сыном, Латиром Сотером II, который царствовал как восьмой Птолемей. Латир сначала женился на своей сестре Клеопатре IV, но в конце концов мать заставила его развестись с ней и жениться на другой своей сестре, Селене. В конце концов, он был изгнан из своего царства матерью, которая желала воцарения его младшего брата Александра I, девятого Птолемея; и последний отплатил за материнский интерес к нему убийством, как только закрепился на троне. Его царицей стала Береника III, с которой он царствовал до тех пор, пока их не сверг Латир. Александр II, Птолемей X., сменил Латира и женился на его мачехе, Беренике III, которую он быстро убил, а сам был предан смерти после короткого правления в девятнадцать дней. Затем на трон взошел Птолемей XI, Аулетес, незаконнорожденный сын Сотера II, его царицей была Клеопатра V, Трифена. Он был последним и самым слабым из Птолемеев и заслуживает упоминания только из-за его подлых отношений с Римом, которые привели к вмешательству Рима в египетские дела, и потому, что он был отцом великой Клеопатры.

Мы привели эту краткую хронику последующих царей и цариц Египта, чтобы подготовить нас к рассмотрению характера самой выдающейся египтянки древности - Клеопатры. Птолемеи, как мы убедились, неуклонно деградировали и в конце концов стали самыми отвратительными и мерзкими тиранами, которых когда-либо порождает принцип абсолютной и безответственной власти. Независимые от всех законов, преданные самым неестественным порокам, основательно развращенные и способные на любые преступления, они демонстрировали полное пренебрежение всеми добродетельными принципами и всеми домашними узами. Птолемеевские принцессы, похоже, в целом превосходили мужчин. Они обычно обладали большой красотой, большим личным обаянием, огромным богатством и влиянием. Однако среди них всегда царила взаимная ненависть и пренебрежение всеми семейными узами и привязанностями. Честолюбивые до крайности, пылкие и неукротимые, они устраняли любые препятствия на пути к власти, и братоубийство и детоубийство - преступления, перед которыми они не останавливались. Когда студент-историк видит, как перед ним проходит эта мрачная панорама порока и преступлений, он задается вопросом, не покинула ли этих женщин человеческая природа и не вселился ли в них дух тигрицы.

Клеопатра, последняя царица Египта, была наследницей многих поколений узаконенной свободы, культурной чувственности, утонченной жестокости и моральной испорченности, и она отличалась от своих предшественниц только тем, что обладала искупительными качествами, которые в некоторой степени компенсировали унаследованную ею порочность. Для вдумчивого ума ее характер представляет собой одну из самых сложных психологических проблем, и, чтобы разрешить эту загадку, мы должны рассмотреть ее предшественников, ее раннее воспитание и ту роль, которую она была вынуждена сыграть в мировой истории.

Ее ранние годы прошли в бурях и волнениях, связанных с конфликтом между ее отцом Аулетом и сестрой Береникой. Птолемей XI, Аулетес, прозванный "Трубачом" за свое единственное достижение - умение играть на флейте, - был, пожалуй, самым деградировавшим, распущенным и развращенным из всех государей династии. Он внушал своим современникам презрение за слабость характера и отвращение за свои пороки и преступления. Единственной искупительной чертой его характера была любовь к своим

младшим детям, и он, кажется, воспитывал их со всеми возможными преимуществами и как можно больше удалял от придворной суматохи. Боясь потерять свое царство, он добивался признания в Риме и платил Сезарю огромные суммы денег за свое покровительство. Народ поднял восстание против тяжелых налогов, и Птолемей бежал в Рим за помощью. Его старшая дочь Береника IV была возведена на трон александрийцами и начала свое правление в великой пышности. Надеясь укрепить свое положение браком с царственным принцем, она сначала вышла замуж за Селевка Сирийского. Но вскоре он пришелся ей не по вкусу, и она избавилась от него, задушив - в истинно птолемеевой манере. После многочисленных интриг она нашла второго мужа в лице Архелая, принца Малой Азии. Затем она сделала все возможное, чтобы оказать эффективное сопротивление своему отцу. Аулетесу удалось добиться слушания в Риме, и римская армия под командованием Габиния, с Марком Антонием в качестве лейтенанта, выступила против войск Береники и Архелая. После многочисленных сражений римляне одержали победу. Архелай был убит, Береника взята в плен, ее правительство свергнуто, а Аулетес восстановлен в правах вассала Рима. Птолемей был охвачен дикой радостью по поводу пленения своей дочери и сразу же приказал ее казнить. Прочувствовав три года, Аулет умер, оставив царство Клеопатре, которой было уже восемнадцать лет, и ее брату Птолемею, которому было десять лет; брат и сестра, повинувшись обычаю Птолемеев, поженились, чтобы править вместе.

Среди таких сцен и волнений, будучи постоянной свидетельницей жестокости отца и старшей сестры, росла Клеопатра, и с такими примерами перед глазами она вступила в свое царствование. Ее обучение у самых искусных мастеров носило самый широкий характер, а ее интеллектуальные способности редко кому удавалось превзойти. Она была очень образованна и, как говорят, овладела восемью или десятью языками, так что могла обратиться на своем языке к любому, кто к ней обращался - будь то египетский, греческий, латинский, древнееврейский, арабский или сирийский.

"С увлечением философией ее объединяла любовь к письму, столь же редкая, сколь и привлекательная; в обществе ученых и поэтов ее ум расширялся, пополняя свои бесценные богатства. Она была знакома не только с героическими сказаниями и традициями, поэтическими мифами и хрониками, религиозными легендами Древнего Египта, но и хорошо разбиралась в литературе и науке Финикии и Халдеи, Греции и Рима; она была искусна в металлургии и химии, сведуща в астрономии и других науках, культивируемых в эпоху, в которую она жила. Ее мастерство в музыке не знает себе равных. Ее голос сам по себе был совершенной мелодией, а прикосновение ее пальцев к китаре казалось инстинктом жизни, и с ее струн лился поток великолепных симфоний. Она была красноречива и изобретательна, остроумна и одушевлена. Поэтому ее беседа была очаровательна, а если она и проявляла капризы, что иногда случалось, то они забывались в неизбежном изяществе ее манер".

По сути, гречанка по всем своим характеристикам, она обладала мудростью Афины, достоинством Геры и колдовством Афродиты. Один восторженный писатель так описывает ее: "Она была высокого роста, с королевской походкой и внешностью. Теплое солнце южного климата окрасило ее щеки в коричневый цвет, но цвет лица был ясен и чист, как безмятежное небо, улыбающееся над ее головой, и под ним отчетливо проступали тонкие вены, наполненные богатой кровью, которая так бурно танцует, когда она воспаляется ненавистью или пылает страстью. Ее глаза и волосы были подобны струе и блестили, как вороний шлейф. Глаза были большими и, что было характерно для ее расы, полузакрытыми и слегка повернутыми к внешним углам, что придавало лицу естественное дугообразное выражение; но они были полны блеска и огня. Нос и подбородок были маленькими, но вылепленными со всей тонкостью искусства скульптора, а ее жемчужные зубы любовно

расположились между коралловыми губами, чьи поцелуи были сладки, как мед из ульев Гибла".

Плутарх выражается совсем иначе, чем современный писатель, который во многом опирается на свое воображение, и, возможно, более правдиво:

"В ее красоте не было ничего столь несравненного, чтобы вызвать восхищение; но очарование ее физиономии, грация всего ее облика, очарование ее присутствия оставляли в душе укор". Поэтому, как уже было сказано, она, вероятно, обладала не высшей красотой, а высшей соблазнительностью.

Ее социальные и моральные качества в это время, похоже, не уступали ее красоте или интеллектуальным способностям. Ложь и лицемерие были ей чужды. Она добивалась своего благодаря выигрышности своего нрава, мелодичности голоса, мягкости манер. По словам Эберса, который из современных писателей нарисовал наиболее привлекательную картину ее характера: "Основополагающими принципами, которые доминировали в жизни и характере этого редкого существа, были два непрекращающихся желания: во-первых, превзойти всех, даже в самых трудных достижениях; и, во-вторых, любить и быть любимой в ответ". Честолюбие и любовь были двумя главенствующими принципами в ее натуре, которые возвышали ее над всеми остальными женщинами своего времени.

КЛЕОПАТРА

По картине Александра Кабанеля.

С тех пор как умер последний фараон и до тех пор, пока Египет не оказался под властью римлян, им правили греческие Птолемеи, а последней из правительниц греческого происхождения была всемирно известная Клеопатра.

Плутарх в своей "Жизни Антония" рассказывает, что после поражения при Актиуме Клеопатра, чувствуя приближение конца своего правления, занялась составлением коллекции ядов и, чтобы узнать, какой из них наименее болезненный в действии, испробовала их на приговоренных к смерти узниках.

Такой была Клеопатра, когда начала царствовать. Но ни ее образованность, ни ее красота, ни обаяние ее манер не защитили ее от махинаций двора. Птолемей XII, ее муж, находился под контролем своего воспитателя Потина, который, завидуя растущей власти Клеопатры, организовал против нее заговор, и она была вынуждена бежать в Сирию, где начала собирать армию, чтобы отстоять свои права. Но теперь в дела Египта вмешалась более могущественная сила. На сцену вышел Сезар. Клеопатра обратилась к нему и, завернувшись в тюрбан, добилась допуска в его присутствие. Когда коврик был развернут и царица предстала перед взором, великий завоеватель был очарован зрелищем. Ей было около двадцати одного года, она была стройна, изящна и обладала завораживающими манерами. Сезару было около пятидесяти двух, но он был полностью восприимчив к чарам молодости и красоты. Он горячо поддержал ее и после конфликта, едва не закончившего его карьеру, восстановил ее на троне; а поскольку Птолемей XII случайно утонул в Ниле, он назначил младшего брата, Птолемея XIII, ее супругом на царство.

Это, пожалуй, самый захватывающий период в жизни Клеопатры, когда, только вступив в пору женственности, она очаровывает великого полководца и на время становится его Аспазией. В глазах египтян их союз считался браком, и отношения этих двоих никогда не приобретали той грубости и сладострастия, которые впоследствии демонстрировали Антоний и Клеопатра. Сезар, при всем своем возвышенном интеллекте, несомненно, нашел в ней ту, чьи интеллектуальные способности поднимались до уровня его собственных. Он провел зиму в ее обществе, но в конце концов у него хватило сил отказаться от ее соблазнов, чтобы продолжить свои завоевания и установить диктатуру в Риме. Находясь в зените своего могущества, он вызвал в Рим Клеопатру с маленьким сыном Цезарионом и поселил их на своей вилле на Тибре. Здесь она жила в роскошном состоянии и пользовалась господствующим влиянием на правителя мира, к большому неудовольствию римлян. Верхом ее честолюбия было добиться, чтобы Сезар провозгласил их сына Цезариона своим наследником, но диктатор устоял перед ее уговорами и остался верен римским традициям. После убийства Сезара Клеопатра, разочаровавшись в своих самых смелых надеждах, поспешила вернуться в Египет и на свой трон. Теперь в характере Клеопатры наметились большие перемены. Простота натуры и мягкость духа прежних лет постепенно сменяются натурой эгоистичной, бессердечной и целеустремленной. Ревнуя к младшему брату, который уже приближался к пятнадцати годам, когда он должен был разделить с ней власть, она заставила его отравиться. Ее не беспокоили никакие угрызения совести, которые могли бы помешать наиболее полному и безудержному потворству всем склонностям ее сердца. Во всей своей последующей жизни она проявляла себя страстной и честолюбивой, хитрой и политической, роскошной и ищущей удовольствий.

Клеопатре шел двадцать девятый год, когда она впервые встретила Антония - "период жизни, - говорит Плутарх, - когда красота женщины наиболее великолепна, а ее интеллект находится в полной зрелости".

Когда Антоний призвал Клеопатру предстать перед ним в Тарсе, чтобы ответить на обвинения, выдвинутые против нее за помощь Кассию и Бруту в последней войне, она, охваченная идеей во второй раз покорить величайшего полководца и властителя мира, использовала все ресурсы своего царства, чтобы подготовиться к путешествию. Шекспир великолепно описал великолепие ее баржи и ту феерическую сцену, которая встретила Антония, когда она плыла к нему по реке Сиднус, настоящая Афродита в окружении граций:

"В барже она сидела, как на троне пылающем,

Горел на воде; крыло было золотым;

Пурпурны паруса, и так благоухали, что
Ветры были влюблены в них: весла были серебряные,
Которые в такт флейтам гребли, и заставляли
Воду, которую они били, быстрее нести,
как бы любясь их ударами. Для ее собственной персоны,
она не поддавалась никакому описанию: она лежала
В павильоне своем (ткань золотая из ткани)
Изображая Венеру, где мы видим
Фантазия превзошла природу: по обе стороны от нее
Стояли миловидные юноши, как улыбающиеся купидоны,
с разноцветными веерами.
Ее нежные женщины, как нереиды,
русалки, ухаживали за ней.

..... У руля

A seeming mermaid steams.....

..... С баржи

Станный невидимый аромат бьет по чувствам
Прилегающих причалов. Город бросил
Народу на нее; и Антоний,
на рыночной площади, сидел в одиночестве,
насвистывая в воздух, который, если бы не пустота,
Пошел поглазеть на Клеопатру,
И в природе прозябала".

Антоний был полностью очарован ее чарами. Ее красота, остроумие, а главное - такт, ловкость и самообладание, которые она проявила, согласившись предстать перед ним, заставили его почти сразу же отдать свое сердце в ее неоспоримое владение. Клеопатра оставалась в Тарсе еще некоторое время, находясь в непрерывном круговороте веселья и пиршеств, и своими лестью и ласками убедила Антония, забывшего о своей жене Фульвии и о своем долге римлянина, провести зиму в Александрии, где эта пара участвовала в постоянных пирах, зрелищах и спортивных состязаниях, а также во всех видах беспорядка, беспорядков и излишеств. Мы не ставим перед собой цель проследить хорошо известную карьеру Клеопатры в эти смутные годы или остановиться на обстоятельствах, которые заставили ее доказать крушение надежд Антония в битве при Актиуме; мы также не будем подробно описывать те последние дни, когда оба покончили с собой, вместо того чтобы страдать от последствий унижения и поражения.

Случай с Марком Антонием - самый яркий в истории пример полного подчинения искусству и очарованию женщины воли, суровой и негибкой, хотя и безрассудной, и сердца, от природы щедрого и благородного. Клеопатра заставила его предать все государственные надежды, отвести от себя привязанность всех его соотечественников, жестоко отвергнуть доброту и преданность прекрасной и верной жены; наконец, она заставила его самым трусливым и благородным образом бежать с поля воинского долга; он прекрасно знал, что она торопит его к позору и гибели, и все же был совершенно бессильным вырваться из-под власти ее неотразимых чар.

И все же они были любовниками - любовниками, пожертвовавшими богатством, честолюбием, долгом, честью на алтарь Афродиты. Это была любовь, которая принесла разрушение; тем не менее, мы можем милосердно объяснить слабость, проявленную каждым из них, как естественное следствие этой романтической любви, более яркого примера которой история нам не дала.

Ужасной была судьба Клеопатры. Надежды не оправдались, Антоний умер в ее объятиях, Октавий не поддавался на все ее уговоры - вместо того чтобы украсить триумф завоевателя, самая очаровательная из греческих женщин закончила свои дни, согласно преобладающей традиции, от укуса асины, на тридцать девятом году жизни.

Характер Клеопатры представляет собой интереснейшее и загадочное исследование. Она была виновна во многих недостатках и пороках, но они были характерны для ее эпохи. Достоинств у нее, должно быть, тоже было немало, ведь если бы она не обладала ими, ее бы не любили и не восхищались ею все, кто ее знал. Ее верные помощники, Ирас и Хармион, принесли себя в жертву над ее мертвым телом и своей преданностью заставили даже римлянина Прокулия воскликнуть, по словам Плутарха: "Ни одна женщина на земле не вызывала такого восхищения у величайших, такой любви у самых возвышенных". Ее слава эхом разносилась от народа к народу по всему миру. Она будет звучать из поколения в поколение; но как бы громко люди ни превозносили чарующее очарование, пыл любви, пережившей смерть, ее интеллект, ее знания, героическое мужество, с которым она предпочла могилу бесчестию, - похвала этих двух не должна быть забыта. Их верность заслуживает этого. Своим чудесным концом они бессознательно воздвигли самый прекрасный памятник своей госпоже; ведь какой подлинной добротой и любовью должна была обладать женщина, которая после величайших поражений заставляла близких ей людей скорее умереть, чем жить без нее!"

Клеопатра не была великой царицей, рассматриваемой как правительница, но она оказала большую услугу своей стране, сохранив ее независимость в течение нескольких лет после того, как она достигла своего конца в результате естественного процесса вырождения; но она достигла этой цели с помощью искусства интриг. Клеопатра была слишком сущностной женщиной, чтобы быть великой правительницей, обладая всеми женскими слабостями, женскими недостатками, но при этом не лишенной очарования и милости, которые делают женщину красивой и любимой. И все же, если взвесить ее характер с учетом времени, в котором она жила, семейных влияний, сформировавших ее ранние годы, и вырождения Птолемеев, наследницей которых она стала, ее следует отнести к числу лучших представителей своей династии. Гораций, римский поэт, назвал Клеопатру: "*non humilis mulier* [женщина, не способная на подлость]"; эта фраза приобретает еще большее значение благодаря тому, что она встречается в гимне, который поэт посвятил Октавию в честь его победы над Антонием и Клеопатрой. Характеризуя в такой оде врага победителя, Гораций дает нам оценку "змеи Нила", которая может служить воплощением ее характера и справедливой претензией на частичное уважение и восхищение потомков.

"Ни возраст не может увянуть, ни обычаи

Ее бесконечное разнообразие".

Близкие отношения Клеопатры с величайшими людьми Рима и превращение ее царства в римскую провинцию после ее смерти лишь подчеркивают тот факт, что все эллинистические земли в то время находились под властью Рима и что период греко-римской культуры начался гораздо раньше. В 146 году до н. э. произошло разрушение Коринфа и поглощение Старой Греции частью римской провинции Македон, и с этого времени Рим стал оказывать заметное влияние на общественную жизнь Эллады. Одной из главных особенностей этой эпохи стала более свободная жизнь женщин всех сословий. Даже в Афинах и Беотии хозяйка дома получила права матери и хозяйки. Возможно, это было сделано в подражание тому, что они видели в Риме, возможно, это был просто естественный процесс эволюции, но, во всяком случае, признание возможностей и возвышенного положения женщины было всеобщим. Плутарх - лучший летописец греческой жизни первого века после христианской эры, и его работы изобилуют наставлениями об отношениях полов, в равенство которых он твердо верил, а также о правильном воспитании и образовании женщины. Его собственная жена, Тимоксена, наносила визиты и принимала гостей, даже когда ее муж отсутствовал, полностью разделяла интеллектуальную жизнь супруга и принимала участие во всех его общественных интересах.

Эпоха исправляла свои нравы. Среди мужчин преобладали новые идеи. Женщина становилась все более и более полноправным фактором в мире. Однако для ее полной эмансипации требовалась новая догма, великое откровение, которое привело бы к поразительным реформам в моральной и социальной жизни человечества. Уже "Слово стало плотью и обитало среди них, полное благодати и истины"; Однако великие писатели первого века нашей эры, Дион, Плутарх, даже Иосиф, кажется, никогда не слышали о новом учении, которое проповедовалось по всей Малой Азии, в Афинах и Коринфе, - о новом учении Иисуса из Назарета, которому суждено было перевернуть господствующее представление о женщине и ее статусе и привести ее к такой полноте жизни, которая никогда не представлялась воображению даже самых возвышенных представителей ее пола.

В Клеопатре и других греческих женщинах, рассматриваемых в этом томе, мы время от времени наблюдаем высочайшее развитие женских способностей, физических, интеллектуальных или чувственных. Неземная красота Елены, поэтический пыл Сапфо, интеллектуальный темперамент Аспазии, артистический темперамент Фрины и соблазнительная чувственность Клеопатры - все они демонстрируют фазы женского совершенства, не нашедшие аналогов в современности. И все же в каждом из упомянутых случаев было одно необходимое условие - соответствующее развитие нравственной и духовной природы. Эти женщины были язычницами. Каждая из них по-своему стремилась достичь наивысшего совершенства, возможного для женщины; однако для них истина была видна лишь в темном стекле, и философия еще не научила их высшей жизни духа, отличной от жизни тела.

Однако владычество, установленное Юлием Цезарем и охватившее все эллинистические земли, еще во времена Клеопатры готовило почву для владычества Сына Человеческого, который принес в мир новые представления о женской природе, новые влияния, призванные возвысить и облагородить пол и подчеркнуть высшие элементы человеческого характера, которыми древние так грустно пренебрегали. Языческая женщина достигла непревзойденного совершенства в физической красоте, интеллектуальных способностях и

чувственном очаровании; христианской женщине был дарован свет, рассеявший нравственный мрак античности и сделавший доступным высочайшее духовное совершенство.

СОДЕРЖАНИЕ

I	ОБЩЕЕ ВВЕДЕНИЕ
II	ПРЕДИСЛОВИЕ
III	ГРЕЧЕСКИЕ ЖЕНЩИНЫ
IV	ЖЕНЩИНЫ ГЕРОИЧЕСКОЙ ЭПОХИ
V	ЖЕНЩИНЫ ИЛЛИАДЫ
VI	ЖЕНЩИНЫ ОДИССЕИ
VII	ЛИРИЧЕСКАЯ ЭПОХА
VIII	САПФО
IX	СПАРТАНСКАЯ ЖЕНЩИНА
X	АФИНЯНКА
XI	АСПАСИЯ
XII	АФРОДИТА ПАНДЕМОС
XIII	ЖЕНСКИЙ ВОПРОС В ДРЕВНИХ АФИНАХ
XIV	ГРЕЧЕСКАЯ ЖЕНЩИНА В РЕЛИГИИ
XV	ГРЕЧЕСКАЯ ЖЕНЩИНА И ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ
	МАКЕДОНСКАЯ ЖЕНЩИНА
	АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ ЖЕНЩИНА

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СУБЪЕКТ

Аспазия
Цирцея
Сапфо в своей поэтической школе на Лесбосе
Греческий туалет
Фрина
Клеопатра

АРТИСТ

Генри Холидей
Анри П. Мотте
Гектор Леру
С античной вазы
Генрих И. Симирадский
Александр Кабанель